

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

ДОНЕЦКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ – ФИЛИАЛ

КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

**КУЛЬТУРА, ЯЗЫК, ОБРАЗОВАНИЕ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ДИАЛОГ**

Сборник материалов

I Всероссийская

научно-практическая

интернет-конференция

(Донецк, 25 февраля 2026 г.)

Донецк

2026

УДК 81'24(063)

ББК Ч410.2я431

К90

Редакционная коллегия:

Саенко В.Б. – председатель организационного комитета, декан финансово-экономического факультета, Донецкий филиал РАНХиГС, канд. гос. упр., доцент;

Ливенцова В.А. – зам. председателя организационного комитета, заведующий кафедрой иностранных языков, Донецкий филиал РАНХиГС, канд. пед. наук, доцент;

Новоградская-Морская Н.А. – секретарь организационного комитета, доцент кафедры иностранных языков, Донецкий филиал РАНХиГС, канд. пед. наук, доцент;

Афендикова Е.Ю. – зам. декана финансово-экономического факультета, Донецкий филиал РАНХиГС, канд. эконом. наук, доцент;

Соколова И.И. - профессор кафедры международной экономики и бизнеса, ФГБОУ ВО ДГТУ. д-р экон. наук, доцент;

Середа В.В. – старший преподаватель кафедры иностранных языков; Донецкий филиал РАНХиГС;

Гераскина Т.В. – преподаватель кафедры иностранных языков Донецкий филиал РАНХиГС.

К90

Культура, язык, образование: междисциплинарный диалог: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Донецк, 25 февраля 2026 г.) / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Донецкий филиал, Кафедра иностранных языков. – Донецк: Донецкий филиал РАНХиГС, 2026. – 150 с.

В сборник вошли материалы I Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой исследованию взаимосвязи языка, культуры и образования в современном мире, а также поиску эффективных методик преподавания иностранных языков через культурный контекст и развитие межкультурной компетенции.

УДК 81'24(063)

ББК Ч410.2я431

© Авторы, 2026

© Донецкий филиал РАНХиГС, 2026

Саенко Виктор Борисович

*декан финансово-экономического факультета
Донецкого филиала Президентской академии,
кандидат государственного управления, доцент*

Уважаемые коллеги, участники и гости конференции!

Рад приветствовать вас на площадке I Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Культура, язык, образование: междисциплинарный диалог». Для нашего института большая честь выступать организатором этого масштабного события, объединившего исследователей из Донецка, Ростова-на-Дону, Нижнего Новгорода, Мелитополя и других городов.

Финансово-экономический факультет, который я представляю, готовит специалистов, работающих в системе управления и экономики. Однако мы прекрасно понимаем, что профессионал высокого уровня невозможен без глубоких гуманитарных знаний. Язык — это не просто инструмент коммуникации, это основа мышления и носитель культурного кода. Поэтому темы, вынесенные сегодня на обсуждение, глубоко созвучны нам.

Цель нашей конференции — не просто обмен опытом, но и продвижение ценностей гуманитарного образования, развитие культурной компетентности. Уверен, что междисциплинарный подход, заявленный в программе, позволит нам взглянуть на привычные вещи под новым углом. Желаю всем плодотворной работы, интересных дискуссий и успешного подведения итогов!

Ливенцова Виктория Анатольевна

*заведующий кафедрой иностранных языков
Донецкого филиала Президентской академии,
кандидат педагогических наук, доцент*

Дорогие друзья, коллеги, уважаемые участники интернет-конференции!

Я рада приветствовать вас на сайте нашей конференции и открыть работу нашего профессионального форума. Кафедра иностранных языков Донецкого института управления не случайно стала инициатором этого мероприятия. Для нас тема «Культура, язык, образование» — это не абстрактные понятия, а ежедневная практика.

Сегодня мы собрались, чтобы обсудить, как через культурно ориентированный контекст сделать процесс обучения языку более эффективным. В программе заявлены два ключевых направления: секция «Язык и культура», где мы поговорим о лингвоцветовой палитре Лондона, медицинской терминологии и даже цифровизации редких языков, и секция «Вопросы образования», посвященная инновационным методикам, мониторингу знаний и роли искусственного интеллекта в обучении.

Я благодарю всех докладчиков за подготовленные материалы. Особые слова признательности — нашим коллегам из Донского государственного технического университета за столь масштабное представительство. Надеюсь, что работа в формате интернет-конференции будет комфортной и позволит каждому высказать свое мнение. Приглашаю всех к активному диалогу!

Афендикова Екатерина Юрьевна

*заместителя декана
финансово-экономического факультета
Донецкого филиала Президентской академии,
кандидат экономических наук, доцент*

Уважаемые коллеги!

От имени финансово-экономического факультета и всего нашего филиала рада приветствовать вас на I Всероссийской научно-практической конференции «Культура, язык, образование: междисциплинарный диалог». Сегодняшняя дата - 25 февраля 2026 года - знаменует собой не просто начало работы научного форума, но и важный шаг в объединении усилий исследователей разных областей знания.

Идея проведения данной конференции родилась не случайно. В эпоху глобальных вызовов и стремительной цифровой трансформации общества всё более очевидным становится тот факт, что подготовка специалиста высокого уровня невозможна в узких рамках одной дисциплины. Инженер должен понимать этику, педагог - экономические реалии, а финансист - культурный код и историческую память народа. Именно поэтому тема междисциплинарного диалога стала лейтмотивом нашего форума.

Выражаю искреннюю благодарность всем авторам за их труды и неравнодушие, членам программного комитета и рецензентам - за высокопрофессиональную работу по отбору материалов, а также организаторам - кафедре иностранных языков - за создание площадки для плодотворного научного общения.

Надеюсь, что I Всероссийская конференция «Культура, язык, образование: междисциплинарный диалог» станет отправной точкой для долгой и продуктивной традиции, а этот сборник займет достойное место в ваших научных библиотеках.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1 «ЯЗЫК И КУЛЬТУРА».....	10
<i>АБДИКАЮМОВ Д.М., СЕМЁНОВА М.Ю.</i> КОМПЛЕКСНАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА DUNGANLANG ПО СОХРАНЕНИЮ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ ДИАСПОРЫ.....	11
<i>МЕЛИКЯН А.А., АГРБА А.В.</i> СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ СМЫСЛОВЫХ ПОТЕРЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ.....	14
<i>БОГОВАЯ О.Ф., КОСЯК Е.Л.</i> КОНФЛИКТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК УГРОЗА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. СПОСОБЫ ИХ РАСПОЗНАВАНИЯ	18
<i>МЕЛИКЯН А.А., ВАРДАНЯН М.Т.</i> КУЛЬТУРА ЭМОЦИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ	21
<i>МЕЛИКЯН А.А., ВОРОНИН В.Д.</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	23
<i>ЛИВЕНЦОВА В.А., ГЕРАСКИНА Т.В.</i> ЛИНГВОЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА ТОПОНИМИКИ ЛОНДОНА (НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМОВ СИТИ) LINGUISTIC AND COLOR PALETTE OF LONDON TOPONYMY (USING THE EXAMPLE OF CITY PLACE NAMES).....	25
<i>МЕЛИКЯН А.А., ГРИДИНА Н.В.</i> ПОСТРОЕНИЕ ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ГЛОССАРИЯ ДЛЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА.....	29
<i>РУДЕНКО Е.С., ДЕМЕЦКАЯ А.В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ПРОМПТ-ИНЖИНИРИНГА ARE и RACE В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА ШУТОК, ОСНОВАННЫХ НА ИГРЕ СЛОВ	32
<i>МЕЛИКЯН А.А., КУДИНОВА Д.Е.</i> ПЕРЕДАЧА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА ОРИГИНАЛА ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ.....	35
<i>ОСТРИКОВА Г.Н., КУПРИЯНОВА А.И.</i> БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ КАК ОСНОВА АНТОНИМИЧЕСКИХ КОМПОЗИТОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	38
<i>ЛИПАНОВА П.К.</i> ЭМОТИВ <i>ТОСКА</i> В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И СТРАТЕГИИ ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК.....	40

<i>МЕХОВА О.А.</i> ОБУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ, КАК ИНТЕГРИРОВАННОГО МЕТОДА АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	44
<i>МИРГОРОДСКИЙ А.А., МИРГОРОДСКАЯ В.И.</i> КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА ЛЮБВИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ КАТЕГОРИИ В ФИЛОСОФИИ.....	46
<i>НОВОГРАДСКАЯ-МОРСКАЯ Н.А., МАТВЕЙЧЕВА Ю.О.</i> ЛЕКСИКА И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА.....	48
<i>ФРОЛОВА С.А., МЯСИЦЕВ Г.И.</i> РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СПИКЕРА ПРОЕКТА “TED TALKS”	52
<i>МЕЛИКЯН А.А., НАМЧУК И.В.</i> АНГЛИЦИЗМЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	55
<i>НОВОГРАДСКАЯ-МОРСКАЯ Н.А., НОВОГРАДСКАЯ-МОРСКАЯ А.А.</i> МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЯ И ЗАИМСТВОВАНИЯ	58
<i>МЕЛИКЯН А.А., ОВСЕПЯН К.А.</i> ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСТИНИЧНЫХ ЭРГОНИМОВ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	62
<i>ПРОКОПЕНКО Е.В.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	65
<i>МЕЛИКЯН А.А., РАДИОНОВА Д.С.</i> КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ-СОВЕТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ..	68
<i>ОСТРИКОВА Г.Н., РЫШКИНА А.А.</i> КИТАЙСКИЕ И КОРЕЙСКИЕ АНТОНИМЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	71
<i>МЕЛИКЯН А.А., САЯДЯН Д.М.</i> ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ТЕКСТОВ ОБ ОДЕЖДЕ НАРОДОВ РОССИИ.....	74
<i>СЕМЕНОВА М.Ю., ШЕВЧЕНКО В.Н.</i> НАРОДНАЯ ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ ХЛЕБА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В РОССИИ (ПО ДАННЫМ ПРОЕКТА «ХЛЕБСЛОВ»).....	77

<i>МЕЛИКЯН А.А., СЛАНОВА М.А.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КРИТЕРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИФОВ ДРЕВНЕГО КИТАЯ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ.....	80
<i>ЧЕРКАШИНА Т.В.</i> КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	82
<i>МЕЛИКЯН А.А., ШЕШНЯЕВА С.А.</i> СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА	85
СЕКЦИЯ 2 «ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ»	87
<i>МЕЛИКЯН А.А., БУТАКОВА Е.А.</i> ПЕРЕВОД ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СУДОВОЙ МЕХАНИКИ КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ.....	88
<i>ГРИЦЕНКО Ю.А., МОРОЗОВА Я.С.</i> ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ.....	91
<i>МЕЛИКЯН А.А., ДАШУТИНА А.А.</i> ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	93
<i>ILCHENKO L.G.</i> SPECIAL ROLE OF TERM COMBINATIONS IN THE SCIENTIFIC TEXT.....	95
<i>KAVERINA O.G., PRIKHODCHENKO E.I.</i> THE TECHNIQUE OF GROUP WORK ORGANIZATION AT THE SEMINARS IN A HIGH SCHOOL.....	98
<i>КАРАЕВА Т.В., СИЛАЕВА А.И.</i> ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ.....	102
<i>МЕЛИКЯН А.А., КЕЛИГОВА Х.У.</i> ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АДАПТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ КИТАЙСКИХ МИФОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ НА УРОВНЯХ NSK 1–2.....	106
<i>КИСЕЛЁВА Е.В.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ.....	109
<i>РУДЕНКО Е.С., КОЛЕСНИКОВА А.А.</i> РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ПОМОЩЬЮ ЧАТ-БОТОВ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (КЕЙС-СТАДИ).....	113

<i>ОСТРИКОВА Г.Н.,МОИСЕЕВА К.М.</i> ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА ДЕКОДИРОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ-КОМПОЗИТОВ У СТУДЕНТОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ.....	116
<i>МОКНОСОВЕВА М.Н.</i> INTERACTIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING	119
<i>ОРЛОВА Г.С.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.....	122
<i>МЕЛИКЯН А.А., ПОПОВСКАЯ С.В.</i> РЕАЛИЯ КАК ВЫЗОВ ПЕРЕВОДЧИКУ И ТЕСТ ДЛЯ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА	125
<i>МЕЛИКЯН А.А., РЯБЦЕВА Е.С.</i> МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКИХ ЗООНИМИЧЕСКИХ РАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ-ПЕРЕВОДЧИКАМ.....	128
<i>СЕРЕДА В.В.</i> О КЛЮЧЕВЫХ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	130
<i>РУДЕНКО Е.С., ТУРЯНСКАЯ С.А.</i> ИИ-ТЮТОР КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ.....	132
<i>USACHEV V.A.</i> INNOVATIVE POSSIBILITIES OF INTERNET RESOURCES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING	135
<i>Usacheva G. M.</i> MONITORING THE ACADEMIC ACTIVITIES OF CORRESPONDENCE STUDENTS STUDYING A FOREIGN LANGUAGE..	138
<i>ФИЛАТОВА Е.В.</i> СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....	140
<i>ЧЕРНУШИЧ А.Е.</i> СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ	143
ФОТОГАЛЕРЕЯ ИНТЕРНЕТ КОНФЕРЕНЦИИ.....	146

СЕКЦИЯ 1 «ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»

«Народ жив пока живы его культура и язык»

К.Д. Ушинский

«Язык и культура» - казалось бы, это сочетание стало уже хрестоматийным. Тысячи книг и статей посвящены их взаимосвязи. Но именно в этой кажущейся изученности кроется главный вызов современности: как в эпоху глобализации, цифровых трансформаций и стремительного смешения культур сохранить и осмыслить ту уникальную призму, через которую язык отражает действительность?

Цель нашей сегодняшней секции — не просто констатировать факт связи языка и культуры, но и попытаться заглянуть вглубь этого процесса. Язык — это не только средство коммуникации, но и дом бытия, хранилище кодов нации, ее истории, системы ценностей и даже способов мышления. Когда мы изучаем иностранный язык, мы неизбежно сталкиваемся с иной культурной картиной мира. И здесь перед нами встает ряд вопросов, которые нам предстоит обсудить. В рамках нашей секции мы сосредоточимся на нескольких ключевых аспектах:

Лингвокультурология как мост между мирами. Как через анализ безэквивалентной лексики, фразеологизмов и концептов мы можем проникнуть в «душу» народа? Языковая личность и межкультурная коммуникация. Как подготовить человека к успешному и бесконфликтному диалогу с представителями других культур? Как преодолеть не только языковой, но и культурный барьер? Роль языка в формировании культурной идентичности. В условиях унификации информационного пространства именно язык остается тем якорем, который удерживает нас в поле родной культуры. Как транслировать эти смыслы?

Особый акцент в дискуссии хотелось бы сделать на идее ответственного подхода к языку. Мы, как представители гуманитарного знания, понимаем, что слово обладает колоссальной силой. Оно может объединять или разрушать, исцелять или ранить. Поэтому разговор о культуре через язык — это всегда разговор об этике, об уважении к «иному» и о сохранении своего.

КОМПЛЕКСНАЯ ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА DUNGANLANG ПО СОХРАНЕНИЮ И ЦИФРОВИЗАЦИИ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ ДИАСПОРЫ

АБДИКАЮМОВ Д. М., студент 3-го курса
СЕМЕНОВА М. Ю., канд. филол. наук, доцент
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Дунганский язык представляет собой уникальный лингвокультурный феномен, сформировавшийся в результате миграции китайских мусульман (хуэй) в Центральную Азию после восстания 1870-х годов. Оказавшись в иноязычном окружении, дунгане сохранили китайскую диалектную основу, но восприняли значительные пласты тюркской, арабской и, позднее, русской лексики, а также перешли на кириллическую письменность. Сегодня язык находится под угрозой исчезновения: согласно данным Ethnologue, в Российской Федерации из 3028 представителей дунганской диаспоры лишь 502 человека владеют родным языком [2]. Данная ситуация актуализирует проблему документации, сохранения и передачи языка и связанной с ним культуры новым поколениям.

Целью настоящего проекта является создание комплексной цифровой платформы «DunganLang», объединяющей инструменты лингвистического корпуса, цифрового архива и базы научных исследований для системной работы с дунганским языком и культурой. Платформа решает несколько взаимосвязанных задач: фиксацию угасающего языкового материала, его научный анализ и обеспечение доступа к нему для исследователей, педагогов и представителей диаспоры.

Методологическая основа проекта носит междисциплинарный характер. С одной стороны, мы опираемся на принципы корпусной лингвистики и методы документации исчезающих языков. С другой стороны, проект интегрирует подходы цифровой гуманитаристики (digital humanities) и культурной антропологии. Ключевой технической инновацией является применение технологии «портретирования слова» – метода автоматизированной обработки данных, позволяющего выявлять лексико-семантические паттерны в условиях «малоресурсности» языка, когда полномасштабная обработка невозможна, а ручная – чрезмерно трудоемка.

Структурно платформа включает три основных модуля.

Первый модуль – лингвистический корпус, содержащий аннотированные тексты на дунганском языке, аудиозаписи живой речи

(включая материалы радиопередач Дунганской ассоциации), а также описания культурных практик: свадебных и похоронных обрядов, традиций, религии. Особое внимание уделяется фиксации семантических полей, являющихся ключевыми маркерами дунганской самоидентификации: лексика родства, названия пищи и одежды [3].

Второй модуль – цифровой архив, аккумулирующий источники по истории и культуре дунган за последние 150 лет. В настоящий момент в него включены 40 научных статей, учебные пособия, документы, образцы художественной литературы, а также графические материалы и таблицы.

Третий модуль – исследовательская база данных, обеспечивающая навигацию по научным публикациям и визуализацию связей между различными направлениями изучения дунганского языка и культуры (социолингвистика, этнография, диалектология).

Применение автоматизированной обработки данных позволяет реконструировать компонентные модели языка и выявлять параметры, реализуемые именно в дунганском языковом сознании. Предварительный анализ показывает, что, несмотря на китайскую матрицу, в языке регистрируются признаки тюркской группы (агглютинация, лексическая конгруэнтность), что подтверждает его гибридную природу [4].

Практическая значимость проекта заключается в создании открытой цифровой инфраструктуры, которая может быть использована:

- преподавателями для разработки учебных материалов по дунганскому языку;
- лингвистами для проведения сравнительно-исторических и типологических исследований;
- этнографами и культурологами для изучения трансформации традиционной культуры диаспоры;
- представителями дунганской общины как инструмент сохранения культурного наследия и языковой идентичности.

Таким образом, проект «DunganLang» представляет собой пример реализации междисциплинарного подхода к проблеме сохранения исчезающего языка, интегрирующего методы лингвистики, культурологии, цифровых технологий и педагогики. Он демонстрирует, как цифровая среда может стать новым пространством для бытования языка и трансляции культурного опыта в условиях, когда традиционные механизмы передачи (семья, община) ослабевают. Опыт создания подобной платформы может быть экстраполирован на другие миноритарные языки, находящиеся под угрозой исчезновения, и внести вклад в реализацию международной повестки сохранения языкового разнообразия.

Список использованных источников

1. Завьялова О. И. Дунганский язык / О. И. Завьялова // Языки мира: Сино-тибетские языки. – Москва: Academia, 2017. – С. 141–148. – Текст: непосредственный.
2. Dungan [Электронный ресурс] // Ethnologue: Languages of the World. – 25th ed. – Dallas: SIL International, 2024. – Режим доступа: <https://www.ethnologue.com/language/dng> (дата обращения: 15.02.2026).
3. Honkasalo S. Kazakhstani Gansu Dungan as a Contact Language: An Analysis of Russian Influence / S. Honkasalo // Languages. – 2024. – Vol. 9, № 2. – Art. 59. – DOI 10.3390/languages9020059. – Текст: электронный.
4. Liu M. Using Transfer Learning to Realize Low Resource Dungan Language Speech Synthesis / M. Liu, R. Jiang, H. Yang // Applied Sciences. – 2024. – Vol. 14, № 14. – Art. 6336. – DOI 10.3390/app14146336. – Текст: электронный.

СУЩНОСТЬ, ЗНАЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ ДЛЯ КОМПЕНСАЦИИ СМЫСЛОВЫХ ПОТЕРЬ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
АГРБА А. В., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Главной задачей переводчика является передача достоверной и полной информации, которая заключена в тексте, с одного языка на другой. Для этого он может обращаться к различным переводческим методикам, таким как, например, подбор эквивалентов, а также использовать переводческие трансформации, например, конкретизацию, антонимический перевод, грамматическая замена частей речи и др. Однако особое внимание необходимо уделить именно переводческому комментарию. Переводческий комментарий является особым случаем, поскольку его использование предполагает, что точно передать смысл высказывания без дополнительной информации для адресата не представляется возможным. Такие ситуации обычно происходят в контексте передачи при переводе реалий. Человек, который ни разу не встречал подобные реалии в своем окружении, воспримет их неоднозначно, либо же совсем не поймет значение слова или словосочетания.

Переводческий комментарий – это отличный от оригинального повествования текст, особым образом выделенный в виде сносок на той же странице, либо в качестве примечания в конце текста или внутритекстовых сообщений, сопровождаемых пометкой «Прим.перев.» (примечание переводчика) или инициалами имени и фамилии, в котором содержится разъяснения переводчика, касающиеся какого-либо фрагмента, текста целиком, либо трудных для восприятия реалий [1, с. 2]. То есть примечание переводчика представляет собой вторичный текст, задача которого заключается в расшифровке и объяснении основного содержания инокультурного текста [2, с. 2]. Переводческий комментарий может быть добавлен для описания особенностей культуры того или иного общества, включая ритуалы, одежду, праздники и многое другое. Подобный прием помогает избежать смысловых потерь и углубиться в понимание контекста, описанного автором в переведенном фрагменте [3, с. 2].

Переводческие комментарии могут применяться в текстах любого жанра, будь то художественная литература или научные труды. Все зависит от сложности данных текстов, насыщенности их, например, реалиями и необходимости в уточнении и объяснении определенных аспектов. Бывает, что вместе с переводческим комментарием в произведение добавляется введение, либо послесловие, которые раскрывают особенности стиля оригинального текста, написанного автором, контекст, а также используемую в научных работах терминологию, свойственную только для конкретного исследователя [2, с. 3].

Примером применения переводческого комментария в художественном произведении может послужить эпизод главы 6 «Шизофрения, как и было сказано» в произведении М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», который попытались интерпретировать на английский язык Ричард Певир и Лариса Волохонская:

—*Так, так, так,* — сказал доктор и, повернувшись к Ивану, добавил: — *Здравствуйте!* — *Здорово, вредитель!* — злобно и громко ответил Иван» [5].

'So, so, so,' the doctor said and, turning to Ivan, added: 'Hello there!' — 'Greetings, saboteur! Ivan replied spitefully and loudly [6].

Переводчики сочли необходимым сопроводить данный перевод следующим комментарием:

Saboteur: Here and a little further on Ivan uses standard terms from Soviet mass campaigns against 'enemies of the people'. Anyone thought to be working against the aims of the ruling party could be denounced and arrested as a saboteur (P.P. и Л.В.)

Переводчики дают пояснение, что лексическая единица *saboteur* подразумевает человека, который идет против политики советской партии, чьи взгляды не соответствуют принятой идеологии. В английском языке слово с полным семантическим соответствием отсутствует, поэтому переводческое решение предлагает использовать лексическую единицу, максимально связанную с каким-либо тайно проводимым делом. Перевод был бы неточным, если бы слово *вредитель* было переведено буквально лексической единицей с негативной коннотацией, например, *quack*, как это сделал в своей версии перевода Майкл Гленни [7]. Данный термин не передает мрачность той эпохи, не дает отсылку к обвинениям во вредительстве и постоянным донесениям, которые были широко распространены во времена сталинских репрессий в СССР.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что наличие переводческого комментария позволяет более глубоко окунуться читателю

в детали происходящего в исходном тексте. Подобные пояснения дадут более правдоподобную картину изложенной информации для читателя и расширят его кругозор [4, с.3].

Таким образом, переводческий комментарий является одним из эффективных способов компенсации смысловых потерь при переводе текстов любого жанра. Переводчикам необходимо комментировать именно те ситуации в тексте, которые действительно в этом нуждаются, ведь перенасыщение и чрезмерное использование комментариев может также и навредить читателю, например при прочтении произведений художественной литературы, когда нужно прочувствовать атмосферу. Переводческий комментарий позволяет расширить культурологические знания и получить точную информацию из текста, переведенного с одного языка на другой.

Список использованных источников

- 1) Заплатин, В.Е. Переводческий комментарий как один из способов компенсации смысловых потерь при переводе / В.Е. Заплатин, О. Снигирева. – Текст: электронный // Russian Linguistic Bulletin. – 2024. – № 4 (52). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskiy-kommentariy-kak-odin-iz-sposobov-kompensatsii-smyslovyh-poter-pri-perevode> (дата обращения: 08.02.2026).
- 2) Папулова, Ю.К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста / Ю.К. Папулова. – Текст: электронный // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2015. – № 1 (11). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskiy-kommentariy-kak-osobyuy-vid-metateksta> (дата обращения: 08.02.2026).
- 3) Раренко, М.Б. Переводческий комментарий / М.Б. Раренко. – Текст: электронный // Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. – 2010. – № 2010. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskiy-kommentariy> (дата обращения: 01.12.2025).
- 4) Алексеева, В.Н. Переводческий комментарий в художественном тексте / В.Н. Алексеева. – Текст: электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskiy-kommentariy-v-hudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 01.12.2025).

- 5) Булгаков, М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Текст: непосредственный. – Москва: Эксмо, 2024. – 480 с.
- 6) Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov; translated from the Russian language by R. Pevear, L. Volokhonsky. – Текст: непосредственный. – London: Penguin Books, 1997.
- 7) Bulgakov, M. The Master and Margarita / M. Bulgakov; translated from the Russian language by M. Glenny. – Текст: непосредственный. – London: Collins and Harvill Press, 1967.

КОНФЛИКТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК УГРОЗА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ. СПОСОБЫ ИХ РАСПОЗНАВАНИЯ

БОГОВАЯ О.Ф., ст. преподаватель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

КОСЯК Е.Л., канд. юр наук,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

В современном многополярном мире особое значение приобретает полноценная межкультурная коммуникация, под которой понимается обмен информацией и идеями между представителями различных социумов (совокупностей людей, объединённых общими традициями, целями, интересами, культурой). Можно выделить две цели межкультурной коммуникации: обеспечение включения индивидов в чужую культуру и стремление индивидов-участников коммуникации сохранить свою идентичность.

Данные цели взаимосвязаны между собой. Полноценная межкультурная коммуникация возможна только при условии, что её участники являются равноправными, независимыми и самодостаточными индивидами. В иных случаях появляется опасность подчинения одних субъектов коммуникации другим и навязывание информации, которая в лучшем случае просто не будет нужной и значимой для последних.

Н.А. Мартынова выделяет четыре основные формы межкультурной коммуникации: прямую, косвенную, непосредственную и опосредованную [1, с. 148]. Под прямой межкультурной коммуникацией следует понимать такие формы коммуникации, в которых информация адресуется отправителем к получателю без использования промежуточных звеньев. В косвенной коммуникации между получателем и потребителем информации «стоят» средства массовой информации, произведения литературы и искусства. В зависимости от того, задействованы ли в межкультурном информационном обмене так называемые «посредники», различают непосредственную и опосредованную коммуникации. С данными точкой зрения и классификациями форм коммуникации следует согласиться. Приведенную дефиницию необходимо дополнить тем, что указанные «посредники» при передаче реципиентам информации могут, действуя в

личных или чужих интересах, исказить первоначальный смысл информации – предмета межкультурной коммуникации. Стоит согласиться с мнением В.И. Карасика, что ситуация общения определяет выбор языковых средств [2, с. 4].

Именно на искажении информации в интересах передающего основано информационное противоборство, которое может перерасти в информационные войны. Как правильно отмечает И.О. Сорокин, начиная с эпохи «Холодной войны», не умаляя значимости кинетического оружия, одним из главных «полей битвы» стали культура, история, вера, идеология, менталитет, структуры самоопределения [3, с. 250].

Говоря о средствах осуществления информационного противоборства и его высшей фазы – информационных войн, - в числе таких средств необходимо указать тексты, предназначенные для подавления воли реципиента или его «мобилизации» в направлении, желаемом для передающего информацию. Такие тексты в теории языкознания принято называть конфликтными, то есть созданными в условиях социального и иного противоречия и направленными на вербальную атаку, дискредитацию, унижение оппонента.

Опасность конфликтных текстов состоит в том, что посредством их может осуществляться достаточно длительное целенаправленное воздействие на неограниченную временными и пространственными рамками аудиторию их читателей, поскольку в условиях современного развития информационных технологий интернет-ресурсы доступны практически каждому лицу, имеющему навыки работы с электронными гаджетами и электронно-вычислительной техникой (стационарные компьютеры, ноутбуки и пр.).

К основным признакам конфликтных текстов можно отнести использование негативной оценочной и стилистической лексики, применение средств сниженного регистра (жаргонная, просторечная, обценная лексика), использование фразеологизмов с оценочным значением, употребление синтаксических структур в несвойственных им денотативных значениях, использование специальных номинаций участников коммуникации (обычно малознакомых или незнакомых) по какой-либо примете, чаще всего внешней.

Для конфликтных текстов характерно применение лексических средств (лексемы, метафоры, фразеологизмы), возбуждающих ненависть (чувство сильной злобы к объекту, против которого текст направлен) и вражду (отношения и действия, проникнутые неприязнью и её крайней формой - ненавистью). Наиболее токсичными с точки зрения воздействия на читательскую аудиторию в межкультурном обмене являются конфликтные тексты, содержащие призывы к совершению различного рода противоправных действий и их крайней формы – экстремистской и террористической деятельности.

Приведенные признаки конфликтных текстов и используемых в них лингвистических средств, по нашему мнению, позволят распознавать такие тексты в информационном массиве выработать меры по минимизации их воздействия, особенно на аудиторию неподготовленных читателей.

Снизить риски воздействия конфликтных текстов на аудиторию читателей возможно путём развития межкультурной компетенции: от образования до политики. Критически анализировать информацию, используемую в конфликтных текстах, способны независимые медиа и площадки для диалога (культурные обмены, международные форумы и пр.), они же могут обеспечить соблюдение этики коммуникации. Фейки и манипуляции можно эффективно распознавать и надлежащим образом воспринимать в результате развития цифровой грамотности.

Список использованных источников

1. Мартынова Н.А. Межкультурная коммуникация как особый способ общения. – Омский научный вестник. - № 2(54). – 2007 – с. 148-151.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, «Перемена». – 2002. – 476 с.
3. Сорокин И.О. Роль СМИ и информационных технологий в гибридной войне. – Актуальные и перспективные научные исследования. - № 9. – 2024 – с. 248-259.

КУЛЬТУРА ЭМОЦИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАЗЕОЛОГИИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
ВАРДАНИЯН М.Т., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственной технической университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В контексте сопоставления устойчивых выражений, используемых в русском и китайском языках, предлагается рассмотреть культурно-специфические особенности выражения эмоций посредством подобных устойчивых выражений. Исследование демонстрирует, как фразеология отражает национальный менталитет, традиции и ценности двух народов, говорящих на разных языках.

Эмоции, несомненно, представляют собой неотъемлемую часть нашей жизни, и язык служит основным инструментом для их выражения. Актуальность исследования заключается в том, что сопоставление фразеологии разных языков позволяет глубже понять национальный менталитет и культурные ценности. В связи с ростом межкультурной коммуникации между Россией и Китаем, благодаря знанию специфики выражения эмоций как в одной, так и в другой лингвокультурах можно избежать недопонимания в общении.

Проведение сравнительного анализа русских и китайских фразеологических единиц, репрезентирующих эмоции, помогает понять, как культура влияет на их использование.

Реализации поставленной цели способствуют следующие задачи: во-первых, отбор фразеологических единиц, выражающих эмоции, в русском и китайском языках; во-вторых, проведение анализа происхождения такого рода фразеологизмов; и, наконец, в-третьих, сопоставление способов выражения эмоций в двух языках.

Благодаря проведённому сравнительному анализу фразеологизмов русского и китайского языков, отражающих эмоциональную сферу человека, было выявлено, что в обоих языках в основе данного вида фразеологизмов в значительном количестве случаев лежит метафорический перенос, а также имплементация ярких образных сравнений, что помогает лучше передать чувства.

Одним из основных различий в рамках рассматриваемой языковой пары является система образов. Еще одним различием являются культурно

исторические корни. Китайские фразеологизмы нередко опираются на древние легенды, классические тексты и конфуцианские ценности, тогда как русские – на бытовые ситуации, фольклор и христианские традиции.

Китайские выражения могут быть более гиперболизированными и многослойными, в то время как русские чаще используют лаконичные и прямые образы.

Практическое значение результатов исследования заключается в их применимости для: лингвистов и филологов – при изучении фразеологии и межкультурной коммуникации; для переводчиков – для корректной передачи эмоциональных оттенков при работе с текстами; для культурологов и педагогов – при разработке курсов по лингвокультурологии и страноведению. Несомненно, результаты сопоставительного анализа систем репрезентации эмоциональной составляющей во фразеологических системах китайского и русского языков представляют интерес и для всех тех, кто интересуется взаимодействием языка и культуры.

Список использованных источников

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 769 с.
2. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
3. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
4. Большой русско-китайский словарь: около 120000 слов / З.И. Баранова, А.В. Котов. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Русский язык, 1999. – 568 с.
5. Ван, Л. Сравнительная фразеология русского и китайского языков / Л. Ван. – Текст: непосредственный. // Вестник МГУ. Серия 13: Востоковедение. – 2018. – № 4. – С. 45–58.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
ВОРОНИН В.Д., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В современной теории перевода особый научный интерес вызывает проблематика передачи лексических единиц, глубоко укорененных в национально-культурном контексте. Особенно актуальным это становится в сфере специального перевода, где к необходимости лингвистической точности добавляется требование функциональной адекватности в рамках конкретной профессиональной деятельности. К числу таких областей относится перевод военных текстов, изобилующих терминами и реалиями, отражающими специфику организации, техники, тактики и истории вооруженных сил определенной страны.

Военная лексика выступает концентрированным выражением связи «язык-культура-профессиональная деятельность». Многие ее единицы, особенно исторические и институциональные реалии (например, названия воинских подразделений, виды вооружения, устаревшие звания, тактические концепции и т.д.), не имеют прямых эквивалентов в иноязычной лингвокультуре, что относит их к категории безэквивалентной лексики. Согласно теории перевода, передача таких единиц требует от переводчика выхода за рамки поиска словарных соответствий и применения компенсаторных стратегий, таких как, например, транскрипции, калькирования, описательного или приближенного перевода.

Теоретической основой для решения данной задачи служит функциональный подход к переводу. В частности, в рассматриваемом контексте следует упомянуть скопос-теорию, согласно которой стратегия перевода определяется целью (скопосом) текста в принимающей культуре. Для военных текстов, где на первый план часто выходит прагматическая функция (точная передача приказа, инструкции, технического описания), выбор стратегии адаптации реалии должен обеспечивать, в первую очередь, ясность и однозначность понимания. Однако это не отменяет необходимости сохранения культурно-исторического колорита в таких жанрах, как мемуары, исторические исследования или художественные произведения на военную тематику.

Таким образом, лингвокультурная адаптация военной лексики представляет собой сбалансированный поиск компромисса между несколькими параметрами: семантической точностью, прагматической эффективностью, культурологической достоверностью и нормами языка перевода. Этот процесс становится комплексной задачей для переводческой компетенции, требующей не только владения двумя языками, но и глубоких экстралингвистических знаний в военной области, истории и сравнительной культурологии.

Следовательно, разработка теоретических принципов и практических алгоритмов адаптации военной лексики является насущной задачей современного переводоведения. Её решение позволит повысить качество межкультурной коммуникации в оборонной сфере, академических исследованиях и культурном обмене, обеспечивая адекватное понимание и сохранение уникального содержания, закодированного в военных реалиях исходной лингвокультуры.

Список использованных источников

1. Кудря, С. В. Методы контроля качества перевода и способы обнаружения ошибок при переводе исследовательских анкет / С. В. Кудря. – Текст: электронный // Перевод и сопоставительная лингвистика. – 2015. – № 11. – С. 30–38. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-kontrolya-kachestva-perevoda-i-sposoby-obnaruzheniya-oshibok-pri-perevode-issledovatel'skih-anket> (дата обращения: 08.02.2026).

2. Полякова, Н. В. Оценка качества письменного перевода: проблема поиска эффективных стандартов, критериев и параметров / Н. В. Полякова. – Текст: электронный // Вестник ТГПУ. – 2022. – № 1 (219). – С. 98–111. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-pismennogo-perevoda-problema-poiska-effektivnyh-standartov-kriteriev-i-parametrov> (дата обращения: 08.02.2026).

3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для институтов и факультетов иностранных языков / В. Н. Комиссаров. – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с. – ISBN 5-06-001057-0.

ЛИНГВОЦВЕТОВАЯ ПАЛИТРА ТОПОНИМИКИ ЛОНДОНА (НА ПРИМЕРЕ ТОПОНИМОВ СИТИ) LINGUISTIC AND COLOR PALETTE OF LONDON TOPONYMY (USING THE EXAMPLE OF CITY PLACE NAMES)

ЛИВЕНЦОВА В.А.,

канд. пед. наук, доцент, зав. кафедрой

ГЕРАСКИНА Т.В.,

преподаватель

ФГБОУ ВО «Донецкий институт управления – филиал РАНХиГС»,
Российская Федерация, Донецк, Донецкая Народная Республика.

Аннотация. В данной статье рассматривается лингвоцветовая палитра топонимики Лондона на примере топонимов Сити. В работе проводится обзор широкого спектра топонимов, которые отражают исторические, культурные и географические особенности этого района. Некоторые топонимы связаны с мощными историческими структурами и вызывают ассоциации с силой и властью. Другие топонимы отражают религиозную значимость сооружений и ассоциируются с верой и духовностью. В работе делается вывод, что лингвоцветовая палитра топонимики Лондона богата и разнообразна и отражает различные аспекты этого знаменитого города.

Ключевые слова: лингвоцветовая палитра, топонимика, топонимы, Лондон, Сити.

Невозможно представить современную цивилизацию без географических названий. Топонимы – неотъемлемая часть социального развития и прогресса человечества в целом. Совокупность этих названий в рамках определенной территории отражает результат творческого наследия народа, выражение его географической истории. Географические названия становятся своеобразной визитной карточкой, которая ведет нас в мир отдельной страны, города или природных чудес [2,14].

Для этого необходимо понять сущность топонимов: как они появляются, развиваются, меняются и что закладывается в их обозначение. Эти вопросы являются предметом изучения специализированной науки – топонимики.

Изучение географических названий имеет важное научное и практическое значение для многих отраслей знания. Топонимика представляет собой научную дисциплину, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, смысловое значение, правила написания и произношения [1,2].

Важно отметить, что термин «топонимика» не следует путать с понятием «топонимия», которая является коллекцией географических

названий определенной территории. Также родственными терминами являются «географическая номенклатура» (от латинского «nomenclatura» – список имен) и «топонимикон» (топонимикон). Таким образом, топонимия становится исследуемым объектом в рамках топонимики.

Отсутствие единой классификации топонимов, удовлетворяющей лингвистов, географов и историков, является текущей проблемой. Топонимы могут быть классифицированы по различным критериям, наиболее часто используемыми из которых являются:

1. По типу географических объектов, которые они обозначают (гидронимы, оронимы, дромонимы и другие).

2. По языку, на котором они представлены (русский, маньчжурский, чешский, татарский и другие).

3. По историческому контексту (китайский, славянский и другие).

4. По структуре (простые, производные, сложные, составные).

5. По территориальному принципу [2, 29].

Классификация топонимов по территориальному принципу представляет наибольший интерес. Современная топонимика выделяет следующие виды топонимов:

1. Хоронимы – названия территорий, областей, районов (например, Greater London, West Midlands).

2. Ойконимы – названия населенных пунктов.

3. Агоронимы – названия площадей (например, Piccadilly Circus, Trafalgar Square).

4. Астионимы – названия городов (например, London, Cambridge, Lancaster).

5. Годонимы – названия улиц (например, Baker Street, Oxford Street, Shaftesbury Avenue).

6. Урбанонимы – названия внутригородских объектов (например, Victoria and Albert Museum, The National Gallery).

7. Дромонимы – названия путей сообщения (например, London Victoria Station, Heathrow Airport).

8. Геонимы – названия дорог и проездов (например, M25 Motorway, Emirates Air Line).

9. Инсулонимы – названия островов (например, Grand Cayman, Dog Island).

10. Гидронимы – названия водных объектов, таких как моря, озера и реки (например, Irish Sea, North Sea, Lough Neagh, Windermere, Severn, Thames).

11. Гелонимы – названия болот (например, Morecambe Bay).

12. Оронимы – названия гор и других форм рельефа (например, Highlands of Scotland, Cumbrian Mountains).

13. Микротопонимы – названия маленьких объектов, ограниченных определенной территорией.

14. Антропотопонимы – названия географических объектов, образованные от имен людей.

15. Неотопонимы – намеренное изменение названия топонима с целью уточнения характеристик существующего объекта, которое должно быть согласовано с предыдущим названием [2, 74].

Таким образом, классификация топонимов является сложной задачей, и исследователям в данной области необходимо продолжать работу для создания единой системы, которая удовлетворила бы все интересующие стороны.

В топонимике Лондона (на примере топонимов Сити) можно найти широкую лингвоцветовую палитру. Некоторые топонимы отражают исторические события и культурные особенности этого района, в то время как другие имеют географическое значение.

Например, топоним «Tower of London» (Башня Лондона) вызывает ассоциации с мощной исторической структурой, которая служила как крепость, тюрьма и королевский дворец. Этот топоним может быть ассоциирован с силой, властью и загадкой.

С другой стороны, топоним «St. Paul's Cathedral» (Собор Святого Павла) отражает религиозную значимость этого знаменитого сооружения. Он ассоциируется с верой, духовностью и красотой.

Топоним «Bank of England» (Банк Англии) отражает экономическую значимость лондонского Сити. Он ассоциируется с финансовой мощью, стабильностью и процветанием.

Урбанонимы представляет собой знаки и символы, которые могут быть расшифрованы и описаны. Ономастическое пространство, являясь значимым элементом в системе языка и культуры, способствует постижению национальной культуры Англии [3,41]. Знание урбанонимов может помочь журналистам адекватно использовать их в текстах журналистской тематики, посвященных страноведению и географии – наименования улиц, в которых нашли отражение повседневная жизнь лондонцев и их трудовая деятельность: «Carter Lane» – переулок в лондонском Сити, где издавна селились извозчики; «Haymarket» – досл. «сенной рынок» – улица в Вестминстере, соединяющая площадь Пикадилли с Пэлл-Мэллом. Также можно отметить улицы, названные по наиболее известным внутригородским сооружениям: «Great Tower Street» – улица, ведущая к Тауэру в Сити; «London Wall» – улица, проходящая вдоль бывшей городской стены, которая окружала средневековый Лондон [3, 88].

Также в топонимике лондонского Сити можно найти и другие оттенки, такие как «Fleet Street» (Флит-стрит), который ассоциируется с

журналистикой и печатными изданиями, или «Leadenhall Market» (Лиденхолл Маркет), который вызывает ассоциации с традиционным рынком и атмосферой старого Лондона.

Таким образом, лингвоцветовая палитра топонимики Лондона, особенно на примере топонимов Сити, богата и разнообразна. Она отражает исторические, культурные и географические особенности этого знаменитого города.

Список использованных источников

1. Фаткуллина Ф.Г. Топонимы как компонент языковой картины мира / Ф.Г. Фаткуллина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. – 10 с.
2. Жучкевич В.А. Общая топонимика / В.А. Жучкевич. – Мн.: Вышэйшая школа, 2021. – 432 с.
3. Никонов В.А. Введение в топонимику / В.А. Никонов. – М.: Наука, 2019. – 180 с.

ПОСТРОЕНИЕ ПРЕДМЕТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ГЛОССАРИЯ ДЛЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ ЭПИСТОЛЯРНОГО ЖАНРА

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
ГРИДИНА Н. В., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Современные системы машинного перевода (МП) демонстрируют впечатляющие результаты при работе с общими и стандартизированными текстами, однако их эффективность резко снижается при обработке текстов эпистолярного жанра, представляющих значительную культурную и историческую ценность. Перевод подобных текстов требует передачи авторского стиля, эмоциональных нюансов, исторических реалий и культурных коннотаций.

Общие модели МП, обученные на разнородных массивах данных, часто некорректно интерпретируют устаревшую лексику, идиоматические выражения, сокращения и имена собственные, характерные для переписки конкретной эпохи или социальной группы [4, с. 47]. Это приводит к смысловым искажениям, стилистическим ошибкам и потере содержания текста. Одним из методов решения данной проблемы является использование предметно-ориентированных глоссариев, которые корректируют работу МП-системы.

Анализ работ Фесенко О.П. и Местергази Е.Г. позволяет систематизировать характерные черты эпистолярного жанра, представляющие особую сложность для машинного перевода и ведущие к искажениям [3; 2]. Для эпистолярного текста характерны:

1. Лексико-семантическая специфика: использование историзмов, архаизмов, профессионализмов, сленга определенной эпохи, обращения (например, «милостивый государь», «честь имею кланяться»).

2. Стилистическая вариативность: смешение высокого стиля с разговорными, а иногда и просторечными элементами в зависимости от отношений между корреспондентами.

3. Культурные реалии: упоминание специфических социальных практик, терминов и реалий своей эпохи.

4. Нестандартная графика и орфография: особенности написания, характерные для конкретного периода или автора (например, дореформенная орфография, индивидуальные сокращения).

Общие модели МП либо дают буквальный, часто бессмысленный перевод, либо заменяют специфические единицы нейтральными современными эквивалентами, что лишает текст его колорита.

В отличие от общего словаря, предметно-ориентированный глоссарий для эпистолярной литературы – это структурированный набор лексических единиц (терминов, устойчивых выражений, имен собственных) с привязанными к ним контекстуально-обусловленными вариантами перевода. Его ключевые особенности заключаются в том, что глоссарий создается под конкретный корпус текстов; каждая лексическая единица имеет как перевод, так и данные о временном периоде, стилистической окраске, сфере употребления, а также примеры употребления в оригинальном контексте.

Процесс создания глоссария для системы МП можно разделить на несколько этапов. Рассмотрим их подробнее.

1. Подготовка текстовой базы. На первом этапе создается репрезентативный цифровой корпус текстов, сегментированный по хронологическому, социальному и жанровому признакам.

2. Выявление и извлечение ключевых единиц. Специалист или лингвист читает материалы, выявляя повторяющиеся, узкоспециальные или концептуально важные слова и выражения.

3. Структурирование и аннотирование. Извлеченные единицы систематизируются в глоссарии и получают лингвистические и экстралингвистические данные, иллюстративный контекст, контекстуально-обусловленные переводные соответствия, а также культурологические комментарии.

4. Интеграция с системой МП. Глоссарий внедряется в процесс перевода для автоматической проверки и коррекции результата машинного перевода, одновременно позволяя оценить качество работы по доле корректно обработанной специфической лексики.

Основная цель создания такого специализированного глоссария заключается в минимизации типичных для системы машинного перевода ошибок при обработке эпистолярных текстов. Интеграция глоссария в первую очередь сокращает объем и сложность последующего постредактирования – ручной коррекции перевода человеком [1, с. 230]. Без глоссария постредактор тратит основное время на исправление грубых лексических ошибок, поиск исторических эквивалентов и восстановление утраченных смыслов, что является наиболее трудоемкой частью работы.

Таким образом, построение предметно-ориентированного глоссария для автоматизации процесса перевода текстов эпистолярного жанра представляет собой необходимый промежуточный этап между сырым текстом и его качественным машинным переводом. Этот процесс формализует экспертное знание лингвиста-переводчика и историка, превращая его в структурированный лингвистический ресурс.

Список использованных источников

1. Калинина, С.В. Пользовательский глоссарий в системе машинного перевода: возможности и перспективы / С.В. Калинина // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2025. – №215. – С. 228–236.
2. Местергази, Е.Г. Специфика функционирования эпистолярного жанра / Е.Г. Местергази // Вестник СПбГУ. Язык и литература. – 2007. – №3–II. – С. 351–357.
3. Фесенко, О.П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс / О.П. Фесенко // Вестник ЧелГУ. – 2008. – №23. – С. 132–143.
4. Шевчук, Е.В., Никифорова, Ж.А. Постредактирование и типичные ошибки в автоматизированном переводе научно-публицистических текстов / Е.В. Шевчук, Ж.А. Никифорова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2021. – №39. – С. 46–54.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ ПРОМПТ-ИНЖИНИРИНГА APE И RACE В ПРАКТИКЕ ПЕРЕВОДА ШУТОК, ОСНОВАННЫХ НА ИГРЕ СЛОВ

ДЕМЕЦКАЯ А.В., магистрант 1 курса
кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика»
РУДЕНКО Е.С., канд. филол. наук, доцент
кафедры «Интегративная и цифровая лингвистика»
Донской государственной технической университет (ДГТУ)

Стремительное развитие технологий ставит перед переводчиками и специалистами в области лингвистики новые задачи, связанные не только с оценкой качества машинного перевода, но и с оптимизацией взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Ключевым инструментом такого взаимодействия становится промпт-инжиниринг – искусство составления точных запросов (промптов), направляющих языковую модель на решение конкретной задачи [1, с. 65]. Особую сложность для перевода всегда представляли тексты, содержащие элементы юмора. Перевод таких шуток с помощью ИИ часто страдает от буквализмов и потери юмористического эффекта из-за неспособности большой языковой модели гибко интерпретировать образы [2, с. 61].

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ эффективности двух концепций промпт-инжиниринга – APE и RACE – при переводе испанской шутки, основанной на игре слов, на русский язык.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: рассмотреть структурные особенности концепций APE и RACE; разработать на их основе промпты на испанском языке для перевода шутки на русский язык; определить наиболее эффективный с точки зрения сохранения юмористического эффекта тип промпта.

В ходе исследования применялись следующие методы: метод сравнительного анализа, описательный метод, метод промпт-инжиниринга.

Концепция APE (Action, Purpose, Expectation) фокусируется на трех ключевых элементах: написании конкретного действия для языковой модели, объяснении важности поставленной задачи и описании ожидаемого результата. Концепция RACE (Role, Action, Context, Expectation) является более сложной. Помимо конкретных действий и ожидаемого результата, следует присвоить нейросети конкретную роль в определенной сфере работы, что активирует соответствующие «знания», а также описать контекст выполнения задачи.

Мы выбрали следующую испанскую шутку: “¿Qué dijo el número 1 al

número 10? Para ser como yo debes ser sincero”. На основе двух концепций, описанных выше, были разработаны два промпта для модели DeepSeek [3].

Промпт на основе концепции APE:

Acción: Traduce el siguiente chiste español al ruso: “¿Qué dijo el número 1 al número 10? Para ser como yo debes ser sincero”.

Propósito: El objetivo es preservar el juego de palabras y el efecto humorístico para un lector ruso que no conoce el español.

Formato de salida: Espero que la traducción al ruso incluya un juego de palabras similar basado en la homonimia o polisemia de palabras y nombres con números.

Промпт на основе концепции RACE:

Rol: Eres un lingüista y traductor profesional especializado en humor y juegos de palabras entre el español y el ruso. Tienes un profundo conocimiento de ambas culturas.

Acción: Traduce el siguiente chiste español al ruso, conservando su juego de palabras: “¿Qué dijo el número 1 al número 10? Para ser como yo debes ser sincero”.

Contexto: El chiste es verbal y su humor se basa en la homofonía parcial de “sincero” y la frase “sin cero” (sin el cero). Para un hispanohablante, la frase “debes ser sincero” se reinterpreta cómicamente como “debes ser sin cero”.

Formato de salida: Necesito una traducción creativa al ruso que reproduzca este mecanismo: una frase que suene natural en el diálogo entre números, pero que contenga un juego de palabras con conceptos matemáticos (cero, uno, diez) o una palabra que se divida en dos partes, relacionadas con números.

Перевод языковой модели DeepSeek на основе концепции APE: «Что сказал ноль десятке? Чтобы быть как я, нужно быть полным дураком».

Вариант перевода на основе концепции RACE: «Что сказал ноль единице? Когда научишься ничего не значить, тогда и поговорим».

Таким образом, промпт типа RACE значительно превосходит по эффективности промпт типа APE при решении практических задач перевода: включение в промпт объяснения лингвистического механизма шутки позволяет сохранить юмористический эффект в отличие от абстрактного требования сохранить игру слов. Стратегия промптинга RACE приближается к процессу естественного перевода, т.е. перевода, осуществляемого человеком (предпереводческий анализ – процесс перевода – редактирование), где этапу предпереводческого анализа соответствует этап “Contexto”. В варианте перевода, предложенном нейросетью DeepSeek на основе промпта типа RACE, исходный лингвистический механизм шутки, основанный на обыгрывании сходства звукового облика слов, утрачивается, но юморический эффект сохраняется благодаря приему целостного преобразования. Вариант перевода, предложенный нейросетью на основе промпта типа APE, содержит конфликт на уровне лексической семантики: «полный ноль» и «полный дурак» не являются взаимозаменяемым понятиями, что приводит к полной утрате юмористического эффекта.

Список использованных источников

1. Глазова Л. И. Искусственный интеллект как эффективный инструмент коммуникаций / Л. И. Глазова, А. Д. Лузгина, А. Пугачевский [и др.] // Российская школа связей с общественностью. – 2024. – № 33. – С. 48–65.
2. Алексеева Л. Г. Язык промптов, или особенности формулирования запросов к генеративным нейросетям для создания изображений / Л. Г. Алексеева, П. С. Алексеев // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2024. – № 3 (13). – С. 50-61. – DOI: 10.34680/VERBA-2024-3(13)-50-61.
3. DeepSeek [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.deepseek.com/> (дата обращения: 15.02.2025).

ПЕРЕДАЧА ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОДА ОРИГИНАЛА ПРИ ЛОКАЛИЗАЦИИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ

МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,

КУДИНОВА Д.Е., студент бакалавриата

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Процесс локализации компьютерных игр выходит далеко за рамки простого перевода текста, представляя собой комплексную адаптацию продукта под культурные, лингвистические и технические условия целевой аудитории. В условиях глобализации игровой индустрии качественная локализация становится критически важным фактором коммерческого успеха и признания игры на международном уровне.

Наибольшие трудности при локализации представляют компьютерные игры, обладающие ярко выраженным национальным колоритом или специфическим историческим сеттингом, где реалии, фразеологизмы и дискурсивные практики являются не просто фоном, а неотъемлемой частью игрового мира. Игроки все больше ценят не только технические составляющие, но и аутентичность продукта, что делает исследование рассматриваемой проблематики актуальным в условиях стремительного развития игровой индустрии.

Ключевым понятием здесь выступает лингвокультурный код. Это сложная система языковых и культурных элементов, которые отражают взаимосвязь языка и культуры [1]. Эта категория находится на стыке лингвистики и культурологии, представляя собой сложную систему знаков и символов, закрепленных в языке, которые аккумулируют исторический опыт, ментальные установки и специфическую картину мира определенной культурной общности.

Лингвокультурный код включает в себя следующие основные языковые элементы: реалии, культурные коннотации, фразеологизмы, паремии, стилистические и дискурсивные особенности.

Одной из центральных дилемм в теории и практике перевода является противоречие между стратегиями доместикации (адаптации) и форейнизации (отстранения). В контексте игровой локализации это противоречие проявляется особенно остро. Излишняя адаптация, направленная на максимальное сближение текста с культурой языка перевода, может стереть уникальный лингвокультурный код оригинала. Переводчик вынужден искать

баланс между сохранением культурной специфики и задачей сделать контент понятным для игрока, сочетая различные переводческие стратегии и трансформации.

Материалом для анализа таких решений послужила локализация компьютерной игры «Atomic Heart» от студии «Mundfish» [2] с русского на английский язык. Выбранный разработчиками сеттинг игры несет в себе советский лингвокультурный код, который выполняет функцию миростроения.

Очень креативно разработчики игры подошли к названиям оружия и роботов, используя реалии русского быта и культуры, а также сленга. Например, *Ланга* [2] – оружие напоминает инвентарь из игры – перевели транслитерацией *Lapta* [2]. Роботов *Ватрушка* и *Беляш* [2] – *Vatrushka* и *Belyash* [2] соответственно. При использовании данной трансформации реалии сохраняются, но смысл может быть утрачен для игрока без культурного контекста. Интересно, что название робота *Пчела* [2] перевели транслитерацией – *Pchela* [2], хотя в английском присутствует прямой перевод, как, например, в названии робота *Шмель* – *Bumblebee* [2].

Оружие *Хипарь* [2], название которого происходит от сленгового названия человека-хиппи – приверженца популярной в 60-х-70-х годах XX века субкультуры – в английской локализации *Greaser* [2]. *Greaser* – это такой же приверженец популярной, но только в США, субкультуры тех годов. При переводе был утрачен культурный смысл названия и заменен на функционально близкий, но иной образ, понятный для иностранного пользователя.

Примечательной особенностью локализации является опущение отчества персонажей, но не полностью, а по возможности. Так как в англоязычных странах нет отчества, переводчики стремились минимизировать их использование. При описаниях персонажей или в важных диалогах отчества сохранены и переведены транслитерацией, как и все русские имена и фамилии в игре, например, *Сергей Алексеевич Нечаев* – *Sergey Alekseyevich Nechaev* [2]. Но в дополнительном контенте, при сравнении двух версий, это было замечено.

В СССР самым распространенным обращением к другому человеку являлось слово *товарищ* [2], что, естественно, встречается в игре очень часто. В английском варианте это *comrade* [2], то есть при переводе использована трансформация калькирования, соответственно, английский вариант несет в себе советский культурный фон.

Анализ переводческих решений выявил гибкую, но противоречивую стратегию локализаторов, основанную на компромиссе между фореинизацией и доместикацией. Доминирующей тенденцией является стремление сохранить уникальность советского контекста, что достигается

через активное использование транслитерации и калькирования. Однако, чтобы обеспечить комфорт и беспрепятственное получение игрового опыта англоязычным игроком применяется стратегия доместикации. Таким образом, при локализации компьютерной игры удается передать символический слой советской культуры, создавая атмосферу, но утрачивая при этом глубину социального контекста. Этот подход отражает общую тенденцию в локализации компьютерных игр.

Список использованных источников

1. Шерифетдинова, З. Р. Культурный код как центральное понятие лингвокультурологии / З. Р. Шерифетдинова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2024. – № 21 (520). – С. 412-414. – URL: <https://moluch.ru/archive/520/114524> (дата обращения: 10.02.2026).
2. Mundfish. Atomic Heart [Электронный ресурс]: компьютерная игра / Mundfish. – [Б.м.]: Focus Entertainment, Astrum Entertainment, 2023. – Режим доступа: <https://mundfish.com/ru/projects/atomic-heart> (дата обращения: 10.02.2026).

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ КАК ОСНОВА АНТОНИМИЧЕСКИХ КОМПОЗИТОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

КУПРИЯНОВА А.И., студент 1 курса

магистратуры кафедры ИЦЛ

ОСТРИКОВА Г.Н., профессор кафедры ИЦЛ,

доцент, доктор филологических наук

Донской государственной технической университет (ДГТУ)

Бинарные оппозиции представляют собой один из фундаментальных механизмов категоризации действительности в человеческом сознании. Дж. Лакофф и М. Джонсон в работе «Метафоры, которыми мы живём», отмечают, что базовые концепты организуются в сознании человека именно как оппозиции. Например, *верх – низ, свет – тьма, добро – зло* [1, с. 35-45]. В китайском языке бинарные оппозиции приобретают особое значение, так как они связаны с философской концепцией «инь-ян». Согласно данной концепции, все сущее в мире состоит из двух противоположных, но взаимосвязанных между собой явлений. А.А. Маслова в своей работе «Основы современной лингвистики: курс лекций» отмечает, что в языковом сознании эти оппозиции редко осмысляются как непримиримые противоречия, напротив, язык стремится к преодолению бинарности через синтез, что и порождает феномен антонимических композитов [2, с. 10].

Антонимические композиты — это уникальный способ словообразования в китайском языке, отражающий принципы мышления и культуры народа Китая. Классическими примерами таких единиц выступают 大小 (*dàxiǎo*) *размер*, 长短 (*chángduǎn*) *длина*, 买卖 (*mǎimài*) *торговля*, 呼吸 (*hūxī*) *дыхание* и многие другие.

Бинарные оппозиции, составляющие основу для образования антонимических композитов, могут быть классифицированы по следующим признакам: пространственные, временные и оценочные. Пространственные оппозиции имеют значение приблизительности или целостного охвата пространства. Например, 上下 (*shàngxià*), где 上 (*shàng*) — *верх*, а 下 (*xià*) — *низ*. Вместе они образуют значение *приблизительно*. В слове 左右 (*zuǒyòu*) иероглиф 左 (*zuǒ*) означает *лево*, а 右 (*yòu*) *право*. В переводе это слово означает не только *левую и правую сторону*; *примерно*, но и *контролировать*; *управлять*; *окружение*. Также стоит выделить единицу 东西 (*dōngxī*) — *восток и запад*, которая в результате полной лексикализации приобрела значение *вещь, предмет*. Как указывает Люй Шусян в работе «Современная китайская грамматика: словарь наиболее употребительных слов», данный случай представляет собой крайнюю степень семантической трансформации,

возможную только при длительном употреблении и полном отрыве от первоначального значения [3, с. 157]. Временные оппозиции имеют значение, обозначающее временной охват. Примерами таких композитов являются единицы 古今 (gǔjīn) — *древность и современность; временные рамки истории*, 昼夜 (zhòuyè) — *день и ночь; круглые сутки*. Оценочные оппозиции образуют композиты, обозначающие сферу межличностных отношений. Например, 是非 (shìfēi) — *истина и ложь; ссора*. Единица 善恶 (shànè) — *добро и зло; моральная оценка*.

Таким образом, бинарные оппозиции являются фундаментальным источником антонимических композитов в китайском языке. В процессе перехода от бинарных оппозиций к антонимическим композитам происходит обобщение значений в таких словах как 大小 (dàxiǎo) *размер*, 长短 (chángduǎn) *длина*. Также, происходит метонимический перенос и полная лексикализация слов. Антонимические композиты представляют собой не только словообразовательную модель, но и лингвистическое воплощение глубинных когнитивных механизмов, свойственных китайскому языковому сознанию. Изучение феномена антонимических композитов важно не только для лексикологии китайского языка, но и для понимания общих закономерностей взаимодействия языка, мышления и культуры.

Список использованных источников

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Маслова В.А. Основы современной лингвистики: курс лекций / В.А. Маслова. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 222 с.
3. Люй Шусян. Современная китайская грамматика: словарь наиболее употребительных слов = 现代汉语八百词 [Текст] Пекин: Шану иньшугуань, 1984. — 668 с. 157

ЭМОТИВ *ТОСКА* В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И СТРАТЕГИИ ЕГО ПЕРЕВОДА НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

ЛИПАНОВА П. К.,
старший преподаватель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

1. «Тоска» является одним из ключевых культурно-специфичных концептов русской лингвокультуры [1]. Словарь современного русского литературного языка определяет *тоску* как «душевное томление, тревога в соединении с грустью, унынием» [4, с. 705]. Исследователи связывают «русскую тоску» с традиционными особенностями русской жизни: тягостная нищета, тоскливая народная песнь, бесконечная дорога, даль и особое восприятие «родины» [2]. В работе, посвященной анализу «тоски» у Ф. М. Достоевского, отмечается её двойственная суть: с одной стороны, тоска понимается как «душевная мука», а с другой как потеря способности чувствовать удовольствие, как безразличие [3].

Непереводимость эмотива *тоска*, обусловленная его культурно-специфической природой, делает данное исследование актуальным для современных лингвистики и переводоведения.

Цель работы: проанализировать переводческие соответствия, при помощи которых эмотив *тоска* передается на английский язык, и выявить факторы, обуславливающие выбор того или иного соответствия.

Материалом исследования послужили 435 предложений из русской художественной литературы с компонентом *тоска* и их переводы на английский язык, взятые из Национального корпуса русского языка (подкорпус параллельных текстов).

2. Проведенный количественный и контекстуальный анализ предложений с компонентом *тоска* показал, что данный эмотив переводится на английский язык при помощи 13 лексем, которые можно расценивать как контекстуальные соответствия.

Чаще всего переводчики интерпретируют эмотив *тоска* как чувство исключительно сильного страдания, поэтому при переводе прибегают к лексеме *anguish*, которая в современном значении определяется как *severe mental suffering or distress; intense grief or sorrow* ‘острая душевная боль; глубокая скорбь’ [5], например:

(1) После каждого слова кузнец торопливо кивал, глаза его наливались тоской и отчаянием ‘The blacksmith hastily nodded after each word, and his

eyes filled with anguish and despair’ (А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Трудно быть богом (пер. Olena Vormashenko)).

Таблица 1

Перевод эмотива *тоска* на английский язык

№	Соответствие в английском языке	Количественные данные	
		абсолют. показатель	относит. показатель
1.	anguish	99	23%
2.	misery	62	14%
3.	longing	40	10%
4.	depression	37	9%
5.	yearning	37	9%
6.	melancholy	35	8%
7.	sadness	30	7%
8.	grief	28	6%
9.	sorrow	20	5%
10.	despair	17	4%
11.	boredom	16	4%
12.	distress	7	2%
13.	nostalgia	7	2%
	Всего	435	100%

В примере (1) *тоска* стоит в одном ряду с *отчаянием*, что подчеркивает предельную интенсивность испытываемой эмоции и оправдывает выбор *anguish* в качестве соответствия в данном контексте.

Менее частотной, но заметно часто употребляемой при переводе является лексема *misery*. Толковые словари английского языка определяют *misery* как 1. *a state of great unhappiness and emotional distress*; 2. *a state of suffering and want that is the result of poverty or affliction* ‘1. состояние глубокого несчастья и эмоционального страдания; 2. состояние, при котором человек страдает от нужды и лишений’ [7]. Главным отличием *misery* от *anguish* является наличие

компонента *poverty* (крайняя бедность), а также продолжительность выражаемого состояния, например:

(2) *Он похудел за эти дни; в глазах устоялась серьезная, черная тоска*
He lost weight in those few days and his eyes darkened with *misery* (Василий Шукшин. Степкина любовь (пер. Robert Darglish)).

Выбор лексемы *misery* в примере (2) обусловлен именно продолжительностью подавленного состояния героя, что привело к потере веса.

Такие соответствия как *longing, depression, yearning, melancholy, sadness, grief, sorrow* встречаются заметно реже, всего в 5-10% случаев. Их выбор также во многом зависит от контекста, например, к *yearning* прибегают, когда при переводе необходимо выразить тоску по чему-то недостижимому, а к *longing* – когда речь идет о тоске по человеку.

Тоску по чему-то утерянному в английском языке выражают лексемами *grief* и *sorrow*, при этом *grief* – более интенсивное чувство скорби из-за утраты близкого человека, а *sorrow* – более обширное понятие продолжительного чувства грусти.

Реже в качестве соответствий эмотива *тоска* переводчики выбирают *despair* или *boredom*. В разговорной речи, что зафиксировано в словарях Ожегова и Ушакова, *тоска* может иметь значение скуки. Данный оттенок значения становится понятен из контекста, и обосновывает выбор *boredom* в качестве подходящего соответствия, например:

(3) «*Тоска! Сапоги себе почистить, что ли?*» “I am bored! Shall I clean my boots?” (А. П. Чехов. Мелюзга (пер. Constance Garnett)).

Реже всего при переводе эмотива *тоска* употребляются такие лексемы как *distress* и *nostalgia* (2% случаев). Значение *distress* – *pain or suffering affecting the body, a bodily part, or the mind* ‘боль или страдание, затрагивающие тело, его части или разум’ [6] близко к *anguish* и *misery*, но к нему редко прибегают при переводе, что частично можно объяснить фактом его более частотного употребления во втором значении: *a state of danger or desperate need* ‘состояние опасности или крайней нужды’.

К лексеме *nostalgia* прибегают только при употреблении эмотива *тоска* в контексте тоски по родине, например:

(4) *Вот такие мелочи, – не тоску по оставленной родине, – запомнил Ганин <...>* It was such trivia, and not nostalgia for his abandoned homeland-, that stuck in Ganin's memory <...> (Владимир Набоков. Машенька (пер. Michael Glenny, Vladimir Nabokov)).

3. Подводя итог, можно сказать, что *тоска* является культурно-специфическим явлением в русской лингвокультуре, что неизбежно приводит к сложностям при передаче этого эмоционального состояния средствами другого языка. *Тоска* является контекстно-зависимым эмотивом,

из чего следует, что ее перевод на английский язык представляет собой не поиск постоянного соответствия, а выбор наиболее подходящего варианта, исходя из конкретной речевой ситуации. Чаще всего при переводе прибегают к выбору лексем *anguish* (23% проанализированных контекстов) и *misery* (14%), реже всего встречаются *distress* и *nostalgia* (по 2%). Преобладание соответствий *anguish* и *misery* свидетельствует о том, что в английской переводческой традиции эмотив *тоска* чаще всего интерпретируется через семантику острого или продолжительного страдания, которая, однако, не в полной мере отражает духовную составляющую русского концепта.

Список использованных источников

1. Азадовский К. М. Переводима ли «русская тоска»? / К. М. Азадовский / – Шаги/Steps, vol. 6, no. 3, 2020. – С. 170-183. – Текст: непосредственный.
2. Горшенин М. Л. Феномен «русской тоски» и экзистенциального страха: сравнительный анализ концептуализаций / М. Л. Горшенин / – Казанский социально-гуманитарный вестник, no. 3, 2025. – С. 60-66. – Текст: непосредственный. – doi:10.26907/2079-5912.2025.3.60–66
3. Дебора А. Мартинсен. Тоска в «Преступлении и наказании» / Дебора А. Мартинсен / – Достоевский и мировая культура. Филологический журнал, no. 1, 2018. – С. 59-68. – Текст: непосредственный.
4. Словарь современного русского литературного языка. Т. 15 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. В. И. Чернышев [и др.]. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963. – 474 с. – Текст: непосредственный.
5. Anguish, n. / – Oxford English Dictionary: OED Online / – Oxford University Press. – 2025. – URL: https://www.oed.com/dictionary/anguish_n (дата обращения: 17.02.2026). – Текст: электронный.
6. Distress, n. / – Merriam-Webster.com Dictionary / – Merriam-Webster. – 15 Feb. 2026. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/distress> (дата обращения: 17.02.2026). – Текст: электронный.
7. Misery, n. / – Merriam-Webster.com Dictionary / – Merriam-Webster. – 16 Feb. 2026. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/misery> (дата обращения: 17.02.2026). – Текст: электронный.

ОБУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЕ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПОМОЩИ ДЕЛОВОЙ ИГРЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ, КАК ИНТЕГРИРОВАННОГО МЕТОДА АКТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

МЕХОВА О.А.,

*ст. преподаватель кафедры иностранных языков,
ФГБОУ ВО «Донецкий институт управления – филиал РАНХиГС»,
Российская Федерация, Донецк, Донецкая Народная Республика.*

Современная эпоха отражает не только производственно-технологические процессы, но и человеческую, интеллектуальную сторону экономики. В этой связи возникает необходимость в особой организационной культуре, на основании которой формируется отношение человека к делу. Сущность организационной культуры отражается во многом в ее свойствах, а именно в коллективности. Культура не может быть произведена средствами изолированных друг от друга людей. Выработка организационной культуры является прерогативой коллектива, члены которого находятся в тесном регулярном взаимодействии и на практике применяют полученные ранее знания и опыт общения.

Из вышесказанного следует, управленческое образование должно совпадать с управленческой реальностью, а преподавание ориентироваться на практику. Где практически применить полученные знания? Возможным выходом может быть создание искусственной ситуации, игры, участники которой смогли бы на практике применить полученные знания и приобрести новые.

Опыт применения таких ситуаций уже известен в современном мире. Например, конкурс «Лидеры России», который проводится с 2017 года в России, «Лидеры возрождения. Донецкая народная Республика» (2022г). Соискатели смогут не только применить свои знания иностранного языка, а посредством выполнения различных заданий попытаются показать в искусственных условиях свои лидерские качества, развить навыки организационной культуры.

Деловая игра относится к активным методам обучения и может включать в себя целый комплекс методов активного обучения и может стать прекрасным инструментом в формировании культуры корпоративного общения. Такая «площадка» сможет объединить студентов и преподавателей нескольких вузов. Кроме этого, вуз организатор сможет занять лидирующие позиции в привлечении абитуриентов.

Цель и задачи игровой «площадки» на иностранном языке – поиск, развитие и поддержка перспективных студентов, обладающих высоким

уровнем владения иностранным языком, лидерскими и управленческими качествами. Создание коммуникационной площадки будет способствовать обмену опытом между участниками и формированию навыков организационной культуры.

Организатором деловой игры может быть любой вуз. В данном случае – это Донецкий институт управления, который утверждает положение о конкурсе обеспечивает разработку методики деловой игры. В деловой игре могут участвовать студенты всех вузов г. Донецка и Донецкой Народной Республики в возрасте от 18 до 21 года включительно на момент регистрации в деловой игре при наличии уровня владения иностранным языком не ниже уровня В. Создается **наблюдательный совет**, который контролирует соблюдение принципов и правил проведения деловой игры. Членами наблюдательного совета могут быть преподаватели ведущих кафедр, факультетов Донецкого института управления, владеющие иностранным языком. **Этапы деловой игры:** регистрация участников; дистанционный этап; контрольное компьютерное тестирование. Примерный вариант сюжета деловой игры: «Представьте, что две команды — это два частных предприятия по прокату автомобилей. Каждое предприятие построило гараж на 10 машин, но самих машин еще не приобрело. Чтобы приобрести автомобиль, надо выполнить задание (задания при этом могут быть разной степени сложности — в зависимости от марки автомобиля. Предприятие, быстрее заполнившее гараж, — победитель в конкурентной борьбе.»

Список использованных источников

1. Деловая игра в системе профессиональной подготовки студентов [В Интернете] / авт. М.Ю. Олешкова // Официальный сайт конкурса: лидерыроссии.рф. - Положение о конкурсе управленцев «Лидеры России» 2023-2024 гг, 2023 г.. - 10 11 2022 г.. - лидерыроссии.рф.
2. Игра: дидактическая, ролевая, деловая. Решение учебных и профессиональных проблем [Книга] / авт. Л.И. Федорова. - [б.м.] : Издательство ФОРУМ, 2023. - Т. ISBN: 978-5-00091-749-7.
3. Режим доступа: www.bsu.by/ru/sm.aspx?guid=129473 [Конференция] / авт. С.В. Афанасьев // «Технология игр и игровых программ» Материалы Аналитического обзора международных тенденций развития университетского образования, №5. - [б.м.] : С.В. Афанасьев «Технология игр и игровых программ» Материалы Аналитического обзора международных тенденций разБГУ, Центр проблем развития образования.

КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА ЛЮБВИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЙ КАТЕГОРИИ В ФИЛОСОФИИ

МИРГОРОДСКИЙ А. А., *канд. филос. наук, доцент, доцент
кафедры социально-гуманитарных дисциплин*

МИРГОРОДСКАЯ В.И., *слушатель факультета
заочного обучения Донецкий филиал федерального государственного
казенного образовательного учреждения высшего образования
«Волгоградская академия МВД России», Донецк, Донецкая Народная
Республика, Российская Федерация*

Для постановки духовно-философских проблем будем опираться на культурно-лингвистический анализ концепта «любви» как основополагающей философской категории в творчестве Павла Александровича Флоренского. Согласно П.А. Флоренскому, греческий язык различает 4 направления в любви: 1) стремительный, порывистый *έρως* – любовь ощущения; 2) нежная, органическая *στοργή* или родовая любовь-привязанность; 3) рассудочная любовь оценки, уважение – *αγάπη*; 4) задушевная, искренняя *φιλία* или любовь внутреннего признания, личного прозрения, приязнь.

Как справедливо замечает сам П.А. Флоренский, что, в сущности, ни одно из этих слов не выражает до конца той настоящей любви. Тем не менее, в методологии важно наметить различие между любовью и увлечением, следует отличать дружбу и товарищество. Этот факт выявляли и в древние времена. П.А. Флоренский говорит, что товарищи лишь преследуют сообща предпринятую общую задачу, это случайная, временная, внешняя связь. А истинная дружба – неразрывная духовная связь. «Друг верный до конца и во всем, поэтому испытывать друзей – знак недоверия и недостатка дружбы» [1, с. 402-403]. П.А. Флоренский отмечает, что Св. Писание придало значениям глаголов любви новое содержание, одухотворило их и насытило идеею благодатной, божественной любви, причем внутренняя энергия слова стала обратно пропорциональной той человеческой энергии, которая связывалась со словом в классическом языке. Слова *έραιν*, *έρως* почти исключены из книг Ветхого Завета и вовсе не допущены в книги Нового Завета. Правда, эти термины имеют место в подвижнических писаниях. Отцы-мистики – Григорий Нисский, Николай Кавасила, Симеон Новый Богослов и др. – пользуются этими терминами для обозначения высшей любви к Богу. В частности, у Симеона Нового Богослова целое обширное сочинение о любви к Богу даже название имеет «Эросы». *Φιλειν* в Священном Писании одухотворилось и стало выражать христианские отношения любви,

опирающиеся на личную склонность и общение; *αλαλάν* стало выражать проникновенную, вселенскую любовь, любовь высшей духовной свободы. Там, где дело идет о заповеди любви к Богу и к ближним, там всегда говорится «агапе», и о любви к врагам стоит только *αλαλάν* (Мф. 5:41,44). Оно ставится повсюду там, где дело идет о направлении воли, о свободной жалости, когда имеет место избрание [1, с. 405-406]. *Αγάπη* означает такую любовь, которая через решение воли избирает себе свой объект, так что делается сострадательным отданием себя. Такая жертвенная любовь на светской почве известна лишь как порыв, нездешнее дуновение, но не как определение жизненной деятельности. Именно этим библейская *αγάπη* являет себя с чертами не человеческими и условными, а божескими и абсолютными.

Категория «любовь» является основополагающей для философского исследования, а вот в теоретическом отношении основополагающим термином является «концепт» (от лат. *conceptus* – собрание, восприятие, схватывание). Ставя перед собой, цель не просто осмыслить интерпретации феномена любви отдельными философами в разные эпохи, а и обобщить их, целостно представив особенности «философии любви» в разных традициях на основе определения объединяющего разные теоретические подходы смысла, на наш взгляд, наиболее адекватным поставленным задачам термином является именно концепт. Так как данное понятие выражает объективно существующее единство различных моментов предмета понятия, созданное на основании систематизации знаний. В таком аспекте термин был введен в философию П. Абеляром и в такой же содержательной интерпретации используется «концепт» как единство основополагающих категорий в философских исследованиях.

Список использованных источников

1. Флоренский П. А. Столп и Утверждение Истины // Соч.: В 2 т. Т. 1 / П. А. Флоренский. — М.: Правда, 1990. — С. 393-483.

ЛЕКСИКА И ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

МАТВЕИЧЕВА Ю. О., кандидат культурологии, доцент,
Нижегородский институт путей сообщения, филиал ФГБОУ ВО
«Приволжский государственного университета путей сообщения»,
г. Нижний Новгород,

НОВОГРАДСКАЯ-МОРСКАЯ Н. А., канд. пед наук, доцент,
Донецкий институт управления - филиал ФГБОУ ВО «Российская
академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации»,
Донецк, Донецкая Народная Республика

Железнодорожный транспорт — одна из наиболее интернациональных отраслей экономики, где технические решения, стандарты и профессиональная лексика формировались в тесном взаимодействии разных стран. Терминология этой сферы отражает историю развития железных дорог: от первых паровых машин в Англии до современных высокоскоростных магистралей и цифровых систем управления. В русском языке железнодорожная лексика содержит значительный пласт заимствований, преимущественно из английского, французского и немецкого языков. Английский язык особенно заметен как источник прямых заимствований и интернационализмов благодаря роли Великобритании в промышленной революции и последующему доминированию англоязычных технических стандартов (UIC, AREMA и др.) [1].

Заимствования в терминологии железнодорожного транспорта выполняют несколько функций: они заполняют лакуны при появлении новых понятий, обеспечивают точность и краткость обозначения, а также способствуют международному взаимопониманию специалистов. По данным лингвистических исследований, в английской железнодорожной терминологии заимствованные единицы составляют до 64 %, в русской — значительную долю, особенно в XIX–XX веках. Сегодня процесс продолжается за счёт глобализации, внедрения английских аббревиатур и терминов из области цифровизации и интермодальных перевозок.

Исторический контекст заимствований

Строительство первых железных дорог в России (Царскосельская дорога 1837 г., Николаевская 1851 г.) происходило при активном участии иностранных инженеров. Англия поставляла рельсы, паровозы и специалистов, Франция и Германия — технологии и кадры. Именно в этот период в русский язык вошли ключевые термины.

Яркий пример прямого заимствования — слово рельс (англ. rail, мн. ч. rails). Оно появилось в русских текстах в 1830-х годах во время строительства первых линий и быстро ассимилировалось: единственное число «рельс», множественное «рельсы», производные «рельсовый», «безрельсовый». Аналогично вагон (англ. wagon — повозка, телега) вытеснило исконные «повозка», «телега» в железнодорожном значении и стало основой для сложных терминов: грузовой вагон, пассажирский вагон, думпка́р (англ. dump car — саморазгружающийся вагон).

Локомотив (англ. locomotive, от лат. loco motivus — движущийся с места) пришло через английский и французский, обозначая самоходную тяговую единицу. Тендер (англ. tender — сопровождающий) — специальный вагон для топлива и воды при паровозе. Стокер (англ. stoker — кочегар, от stoke — загружать топку) обозначал механизм автоматической подачи угля. Буфер (англ. buffer) — амортизирующее устройство между вагонами. Особый случай — вокзал. Слово заимствовано в конце XVIII века из английского Vauxhall (название увеселительного парка в Лондоне с концертным залом), первоначально обозначало место развлечений. С появлением железных дорог в России оно закрепилось за железнодорожной станцией, вытеснив «станцию» в бытовом употреблении (хотя в профессиональной речи сохранилось «станция»).

Термины инфраструктуры пути

В путевом хозяйстве английские заимствования особенно заметны в названиях элементов верхнего строения пути. Кроме рельс, широко используются балласт (англ. ballast — балласт, щебень для уплотнения пути), платформа (англ./фр. platform — пассажирская или грузовая платформа), габарит (фр. gabarit, но часто ассоциируется с англ. clearance в современных контекстах — габарит приближения строений)[1].

Стрелка (англ. switch или point) — русское слово, но в английском варианте часто встречается в международных проектах как «свитч». Крестовина соответствует англ. frog (лягушка) — метафорическое название пересечения рельсов. Контррельс — check rail или guard rail. Шпала (англ. sleeper в британском варианте, tie в американском) — хотя само слово имеет немецкие корни, в англо-русских словарях устойчиво переводится как sleeper. Современные термины: бесстыковой путь (англ. continuous welded rail, CWR), подрельсовое основание (slab track), путеукладчик (track layer). В документации международных коридоров («Север — Юг», «Восток — Запад») активно используются английские аббревиатуры: track (путь), gauge (ширина колеи — стандартная колея 1435 мм называется «standard gauge»).

Термины подвижного состава и тяги

Подвижной состав насыщен заимствованиями. Тележка (англ. bogie или truck) — ходовая часть вагона или локомотива. Автосцепка (англ.

automatic coupler) — автоматическое сцепное устройство, введённое в России в начале XX века по американским образцам. Хоппер (англ. hopper car) — саморазгружающийся вагон для сыпучих грузов. Думпкар (англ. dump car) — вагон с опрокидывающимся кузовом [1].

Пантограф (англ. pantograph) — токоприёмник электровоза. Букса (англ. axle-box) — корпус подшипника колёсной пары. Рессора (англ. spring в значении рессора). В пассажирских вагонах сохранились купе (фр. coupé), плацкарт (нем. Platzkarte), но СВ (спальный вагон, от англ. sleeping car или soft wagon в старой терминологии).

Современные электропоезда и высокоскоростные составы используют термины EMU (Electric Multiple Unit — электропоезд), HSR (High-Speed Rail — высокоскоростная железная дорога). В России проекты ВСМ (высокоскоростные магистрали) активно перенимают английскую лексику: bullet train (хотя официально «высокоскоростной поезд»), maglev (магнитная левитация, хотя это уже не классическая железная дорога) [2].

Операционные, сигнальные и современные термины В эксплуатации: диспетчер (англ. dispatcher), манёвры (фр. manoeuvres, но часто в английском контексте shunting), перегон (section), разъезд (passing track). Сигнализация: семафор (греч.-фр.), автостоп (англ. autostop или dead-man's device), блок-система (англ. block system)

В XXI веке заимствования усилились из-за цифровизации и интермодальных перевозок: интермодальный (англ. intermodal), контейнер (англ. container), логистика (англ. logistics), трекинг (tracking — отслеживание груза). Аббревиатуры, не переводимые на русский: ETCS (European Train Control System), ATP (Automatic Train Protection), АТО (Automatic Train Operation), SCADA (система диспетчерского управления).

В профессиональной переписке и проектах с иностранными партнёрами (Китай, ЕС) эти термины используются без перевода. Гибридные заимствования (полукальки) также распространены: трансферкар (англ. transfer car + рус. суффикс), рельсовый автобус (rail bus), дизель-поезд (diesel train).

Влияние заимствований на русский язык и перспективы Заимствования обогатили русский железнодорожный язык, сделав его более точным и международным. Однако они требуют адаптации: фонетической (рельс вместо rails), грамматической (склонение, род) и семантической. Иногда возникают дублеты: «путь» и «трэк» (последнее редко в профессиональной речи, чаще в модельном деле), «габарит» и «clearance». Государственные стандарты (ГОСТ Р) и учебная литература стремятся к нормализации: предпочтение даётся русским эквивалентам или устоявшимся заимствованиям. В то же время глобализация стимулирует дальнейшее проникновение английской лексики. Специалисты рекомендуют сохранять

баланс: использовать заимствования там, где они необходимы для точности, и развивать русские термины для новых понятий.

В заключение отметим, что лексика железнодорожного транспорта — живой организм, отражающий технологический прогресс и культурный обмен. Заимствования из английского языка не только обогащают русский профессиональный дискурс, но и подчёркивают универсальность отрасли, где «rail», «locomotive» и «track» понимают специалисты от Москвы до Нью-Йорка. Изучение этой терминологии важно не только для лингвистов, но и для инженеров, диспетчеров и студентов транспортных вузов, поскольку точное владение терминами обеспечивает безопасность и эффективность перевозок.

Список использованных источников

1. Семёнов Ю. Е. ТЕРМИНОЛОГИЯ ЛОГИСТИКИ // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. №10-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terminologiya-logistiki> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Калентеев Сергей Витальевич, Кузменко Юлия Геннадьевна О проблемах терминологии современной логистики в РФ // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2012. №30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-problemah-terminologii-sovremennoy-logistiki-v-rf> (дата обращения: 20.02.2026).

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СПИКЕРА ПРОЕКТА “TED TALKS”

ФРОЛОВА С. А.,

МЯСИЩЕВ Г. И., канд. фил. наук, доцент,

Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону,
Ростовская область, Российская Федерация

Проект Ted Talks стал глобальной платформой для распространения знаний, объединяющей экспертов из различных областей — от науки и технологий до искусства и дизайна. Уникальность Ted Talks заключается не только в их содержании, но и в том, как спикеры представляют свои идеи. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты речевого поведения спикера в научно-популярном медиадискурсе.

Научно-популярный дискурс направлен на то, чтобы сделать сложные научные концепции доступными для широкой аудитории. В этом контексте роль спикера является ключевой: он должен сочетать точность с простотой, авторитетность с общительностью, интеллектуальную строгость с эмоциональной вовлеченностью [4, с 115].

Ключевые характеристики речевого поведения на выступлениях TED:

1. Ясность и простота

Выступающие отдают предпочтение ясности, разбивая сложные идеи на понятные части. Они избегают излишнего жаргона или объясняют технические термины, используя понятные аналогии и метафоры. Например, нейробиолог мог бы сравнить активность мозга с транспортной системой города.

2. Сторителлинг и структура повествования

Спикеры TED часто формулируют свои выступления как повествования, используя методы рассказывания историй для привлечения аудитории. Такая сюжетная линия помогает удержать внимание аудитории и делает абстрактные концепции более осязаемыми [1, с. 269].

3. Эмоциональная вовлеченность

Эффективные спикеры TED поддерживают связь со своей аудиторией на эмоциональном уровне. Они используют личные истории для установления взаимопонимания; риторические вопросы, побуждающие к размышлению; яркие образы и описательный язык, пробуждающие чувства; юмор, поднимающий настроение и делающий сложные темы более доступными.

4. Риторические приемы и техники убеждения

Ораторы используют различные риторические стратегии для усиления своей идеи:

- 1) повторение, чтобы подчеркнуть ключевые моменты;

2) параллелизм для создания ритмического эффекта и ясности (например, «У нас есть технология. У нас есть знания. У нас есть воля»);

3) триады (группировка идей по три элемента) для улучшения запоминаемости;

4) антитеза для выделения контрастов (например, «Дело не в пункте назначения, а в путешествии») [2, с. 99].

5. Невербальная коммуникация

Визуальные и паралингвистические элементы являются неотъемлемой частью эффективности оратора. Здесь важным аспектом является язык тела: открытая поза, целенаправленные жесты и движения по сцене передают уверенность и динамизм. Также не стоит забывать про зрительный контакт, выступающие сканируют аудиторию, создавая ощущение прямой связи. Выражения лица может отражать эмоциональный тон выступления — энтузиазм, озабоченность, любопытство. Более того, опытные ораторы используют модуляцию голоса. Изменение высоты тона, темпа и громкости позволяет привлечь внимание аудитории и подчеркнуть важные идеи [5, с. 327].

6. Взаимодействие с аудиторией

Хотя выступления на TED, как правило, представляют собой монологи, выступающие имитируют взаимодействие с помощью прямого обращения (например, «Представьте, что вы...»); включающего языка (например, «мы», «нас», «наш»); коротких пауз, побуждающих к размышлению; гипотетических сценариев, стимулирующих мысленную активность.

7. Темп и хронометраж

Выступления на TED ограничены по времени (обычно не более 18 минут), что формирует речевое поведение: выступающие отдают предпочтение краткости, избегая уклончивых ответов; они разбивают выступление на четкие сегменты с естественными паузами; эффектный выбор времени — например, пауза перед ключевым сообщением — усиливает воздействие.

8. Призыв к действию или запоминающееся завершение выступления

Многие выступления на TED завершаются призывом к действию, вопросом, заставляющим задуматься, или убедительным заявлением, которое оставляет неизгладимое впечатление. Этот заключительный момент часто содержит в себе основную идею выступления в сжатой и эмоционально насыщенной форме [3, с 256].

Речевое поведение выступающих в научно-популярном медиадискурсе на примере проекта конференции TED представляет собой сложную смесь лингвистических, риторических и перформативных стратегий. Ставя главу угла ясность, используя повествование, эмоционально вовлекая и

совершенствуя невербальную коммуникацию, спикеры TED успешно преодолевают разрыв между экспертными знаниями и пониманием общественности.

Эта модель коммуникации предлагает ценные идеи преподавателям, ученым и коммуникаторам, стремящимся поделиться сложными идеями с разнообразной аудиторией. Поскольку научная коммуникация продолжает развиваться, принципы, соблюдаемые в выступлениях TED, вероятно, будут по-прежнему оказывать влияние на формирование эффективной, увлекательной и доступной дискуссии.

Список использованных источников

1. Борисова И. Н. Особенности научно-популярного дискурса в цифровой среде // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7, № 2. — С. 267–282.
2. Иванова Е. Ю. Риторические приёмы в англоязычных публичных выступлениях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 3. — С. 98–103.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
4. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
5. Степанов Ю. С. Язык и метод: к современной философии языка. — М.: Языки русской культуры, 1998. — 784 с.

АНГЛИЦИЗМЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ КОРЕЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕДАЧИ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
НАМЧУК И. В., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственной технической университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Если рассматривать язык как живую систему, то корейский медиа-дискурс – это идеальный пример постоянно меняющегося организма. Его способность встраивать англицизмы не просто как чужеродные элементы, а как функциональные части собственной структуры, – это не вопрос моды. Однако именно эта глубокая адаптация создаёт парадокс: чем проще и быстрее англицизм приживается в корейском языке, тем сложнее его передача в русскоязычном контексте без потери смысла и прагматической функции.

Цель исследования – проследить этот путь от точки входа до точки интеграции и выявить моменты, где система неизбежно ломается при попытке перевода на русский язык. Материалом стали тексты, в которых эта интеграция наиболее показательна: статьи о технологиях, бизнес-аналитика и культурная журналистика в изданиях вроде «Чосун ильбо» и «Ханьгёре». На практике англицизмы в корейской прессе можно разложить по трём уровням интеграции, и с каждым уровнем растёт коэффициент переводческого сопротивления.

Первый уровень – это фонетическая оболочка. Слова вроде 인터넷 (Internet) или 아이디어 (idea). Их значение стабильно, они просто «одеты» в хангыль. Этот уровень можно рассматривать как уровень технической сложности: нужно распознать исходное слово сквозь фильтр корейской фонетики.

Второй уровень – это семантическое переформатирование. Англицизм в корейском контексте обрывает новыми смысловыми слоями, которых не было в оригинале. Классический пример – 컨셉 (concept). В английском языке это понятие носит широкое значение. В корейском же языке оно чаще всего встречается в статьях о моде, архитектуре или релизах корейских попгрупп и почти всегда подразумевает под собой творческую идею, продуманный стилистический ход, центральную тему проекта. Прямой перевод словом «концепция» оказывается семантически пустым, он не передаёт той

конкретной нагрузки, которую нёс оригинал. Переводчик здесь сталкивается с необходимостью не переводить слово, а переводить культурный код, стоящий за употреблением лексической единицы в данном жанре.

Третий, самый сложный, уровень – это создание новой культурной единицы. Это уже не просто заимствование, а строительство нового концепта. **갑을관계** – это калька с английского «A and B relationship», но в корейских реалиях это устоявшийся термин для обозначения жёсткой иерархии между заказчиком и подрядчиком. В русском языке такого ёмкого, укоренённого в культурной практике эквивалента нет. **오피스텔** – это не просто «офис+отель», а специфический формат жилья, рождённый из урбанистических и экономических условий Сеула.

Проблема перевода здесь упирается в отсутствие эквивалента в русском языке. Можно попытаться описать это слово, но невозможно передать ту плотность культурных смыслов, которую это слово несёт для корейского читателя.

Основной вывод заключается в следующем: главным препятствием для перевода оказывается не лингвистическая разница, а разрыв в культурной прагматике. Англицизм в корейском тексте работает как многофункциональный инструмент: он называет, экономя время и пространство, создаёт определённый стилистический регистр, служит маркером принадлежности к профессиональному или субкультурному сообществу.

Русскоязычный медиа-дискурс часто не готов принять этот инструмент в его целостности. Приходится жертвовать либо точностью номинации (используя приём описательного перевода), либо стилистическим эффектом (нейтрализуя его), либо лаконичностью. Таким образом, работа с англицизмами – это поиск баланса между семантической адекватностью и прагматической целесообразностью, между дословностью и адаптацией. Универсального алгоритма нет. Каждый случай требует отдельного анализа. Необходимо понять, на каком уровне интеграции находится эта лексема, какую функцию она выполняет в данном конкретном тексте и что важнее сохранить в переводе – буквальное семантическое наполнение или культурный аспект.

Это кропотливая, почти ремесленная работа, которая делает перевод корейской публицистики не технической задачей, актом межкультурной интерпретации.

Список использованных источников

1. Ким, Г. Н. Корейский язык. Вводный курс (базовый уровень) / Г. Н. Ким, Ю. Х. Кан. – Санкт-Петербург: Антология, 2019. – 352 с.
2. Мозоль, Т. С. Метафоризация иноязычных заимствований (на материале английских заимствований в корейском языке) / Т. С. Мозоль. – Текст: непосредственный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 3. – С. 104-112.
3. Kiaer, J. The Language of Hallyu: More than Polite / J. Kiaer. – London: Taylor & Francis, 2023. – 170 p.
4. Lee, E. Introduction to Korean as a Second Language / E. Lee. – New York: Routledge, 2024. – 352 p.

МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЭТИМОЛОГИЯ И ЗАИМСТВОВАНИЯ

НОВОГРАДСКАЯ-МОРСКАЯ Н. А.,

канд. пед наук, доцент,

Донецкий институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

НОВОГРАДСКАЯ-МОРСКАЯ А. А.,

студент,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный медицинский университет имени М. Горького», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

Медицинская терминология представляет собой специализированную систему лексики, используемую в области медицины для точного описания анатомии, физиологии, патологии, диагностики и лечения. В русском языке эта терминология формировалась на протяжении веков под влиянием различных языковых источников, что делает её интересным объектом для изучения этимологии – науки о происхождении слов – и процессов заимствования. Большинство медицинских терминов в современном русском языке имеют иностранные корни, преимущественно греко-латинские, но также включают элементы из других европейских и даже восточных языков [1]. Это отражает исторический контекст развития русской медицины, начиная с эпохи Древней Руси и достигая пика в период реформ Петра I, когда Россия активно перенимала западные научные знания.

Цель исследования – выявление закономерностей процесса становления и развития российской медицинской терминологии на базе латинского и греческого языков.

Это напоминает о том, что язык медицины – мост между прошлым и будущим.

В этой статье мы рассмотрим этимологические корни медицинских терминов, механизмы их заимствования в русский язык и приведём конкретные примеры. Анализ позволит понять, как медицинская лексика обогащает русский язык, делая его более точным и интернациональным. Общеизвестно, что современная медицинская терминология сформировалась из различных языков-источников: греческого, латинского, западноевропейских, арабских и некоторых других.

Это, несомненно, подчёркивает глобальный характер медицинской науки. Этимология медицинских терминов в русском языке в основном уходит корнями в древние языки – греческий и латинский. Эти языки стали основой для медицинской номенклатуры благодаря вкладу античных учёных, таких как Гиппократ и Гален. Греческий язык, богатый философскими и научными понятиями, лёг в основу многих терминов, связанных с описанием процессов и состояний. Например, слово "анатомия" происходит от греческого "anatomē" (рассечение, разбор), где "ana-" означает "вверх" или "через", а "tomē" – "рез". В русский язык оно вошло через латинский посредник, но сохранило греческую этимологию.

Латинский язык, в свою очередь, выступил как "медиатор" для греческих элементов, поскольку римляне активно заимствовали греческую лексику. Большинство терминов произошло из древнегреческого языка и латыни.^{773fcd} Значение части терминов уходит корнями в древние мифы. Например, термин "атлас" (первый шейный позвонок) связан с мифом об Атласе, держащем небо на плечах, символизируя поддержку головы. Аналогично, "ахиллесово сухожилие" отсылает к Ахиллесу, чья уязвимость была в пятке.

Не все термины полностью заимствованные; в русском языке сохранились исконно славянские слова, которые со временем интегрировались в медицинскую терминологию. К ним относятся "болезнь" (от старославянского "bolěznь", связанного с "болью"), "здоровье" (от "здравъ", означающего "крепкий"), "кровь" (древнерусское "kry"), "сердце" (от индоевропейского корня *kér). Эти слова часто используются в повседневной медицинской практике, но в научных контекстах дополняются заимствованными синонимами, такими как "патология" (греч. "pathos" – страдание + "logos" – учение).

В период формирования русской медицинской терминологии (XVII–XVIII вв.) наблюдался синтез исконных и заимствованных элементов. Например, в трактате Андреаса Везалия "О строении человеческого тела", переведённом на русский Епифанием Славинецким в 1657–1658 гг., уже встречаются попытки упорядочения терминологии.

Это иллюстрирует, как этимология терминов эволюционировала от простых описательных слов к сложным конструкциям. Общеизвестно, что заимствования – ключевой механизм обогащения медицинской терминологии в русском языке. Они происходят через прямое или опосредованное усвоение слов из других языков, часто с адаптацией к русской фонетике и морфологии. Основным источником – греко-латинские термины, но значительную роль играют заимствования из европейских языков, особенно в эпоху Просвещения.

Греко-латинские заимствования составляют основу. Истоки медицинской терминологии связаны с греческим лексическим и словообразовательным фондом, а литературный латинский язык вобрал в себя элементы греческого, став источником для европейских терминосистем. Примеры: "гипертония" (греч. "hyper" – сверх + "tonos" – напряжение), "кардиология" (греч. "kardia" – сердце + "logos" – учение). Эти термины вошли в русский через научные переводы XVIII века, когда Пётр I пригласил европейских врачей и основал медицинские школы.

Европейские заимствования преобладают в областях, связанных с инструментарием и процедурами. Из французского: "шприц" (от "seringue"), "дренаж" (от "drainage"). Из немецкого: "пинцет" (от "Pinzette"), "трепан" (от "Trepан"). Из английского: современные термины вроде "сканер" (от "scanner"), "томограф" (от "tomograph"). В стоматологии заимствования включают "кюретка", "бор", "шпатель".

Общеизвестно, что заимствование как способ обогащения словарного состава играет важную роль в пополнении медицинской терминологии. Арабские влияния заметны в терминах, связанных с алхимией и фармацевцией, таких как "алкоголь" (араб. "al-kuḥl" – порошок для подведения глаз, позже – дистиллят), "эликсир" (араб. "al-iksīr" – философский камень). Эти слова проникли через средневековые переводы арабских трактатов в Европу, а затем в Россию.

В советский период заимствования усилились из-за интернационализации науки. Например, термины вроде "вирус" (лат. "virus" – яд) и "бактерия" (греч. "baktērion" – палочка) стали стандартом. Основой формирования служат лексические единицы греко-латинского происхождения, также были заимствования из польского, французского, английского [2].

Процессы заимствования включают не только слова, но и аффиксы: префиксы вроде "гипо-" (недостаток), "гипер-" (избыток), суффиксы "-ит" (воспаление, как в "гастрит"). Это позволяет создавать новые термины на базе существующих, обогащая язык. В медицинской терминологии любого языка заимствования не всегда исконные, но адаптируются.

Рассмотрим конкретные примеры. Термин "аппендицит" – от лат. "appendix" (придаток) + "-itis" (воспаление). В русский вошёл в XIX веке через немецкий. Исконно русский эквивалент – "воспаление червеобразного отростка", но заимствованный термин предпочтителен за краткость.

В фармацевтике: "аспирин" (от нем. "Aspirin", производное от "acetylsalicylic acid", где "a-" от ацетил, "spir" от Spīraea – растение). Это заимствование отражает коммерциализацию медицины в XX веке.

В нозологии (науке о болезнях): многие термины имеют мифологическую этимологию. "Нарциссизм" от мифа о Нарциссе,

"гермафродитизм" от Гермеса и Афродиты. Вторую группу заимствований формируют термины, попавшие в русский язык из других источников.

Древнерусские термины: "гной", "язва", "отёк" – от славянских корней, но в современной терминологии сочетаются с заимствованиями, как в "пиелонефрит" (греч. "pyelos" – лоханка + "nephros" – почка + "-itis").

Большинство слов имеют греко-латинские корни и являются интернациональными. Несмотря на это, в русской медицинской и фармацевтической терминологии большую группу терминов образуют народные названия заболеваний, растений и лекарственных средств, а также слова древнеславянского и древнерусского происхождения. Примеры: "рожа" (эризипелас), "золотуха" (скрофулёз).

Медицинская терминология в русском языке – это динамичная система, где этимология и заимствования играют ключевую роль в её развитии [3]. От греко-латинских корней до современных английских влияний, она отражает эволюцию науки и культурные обмены. Заимствования обогащают язык, делая его универсальным инструментом для врачей и учёных. В будущем, с развитием технологий, ожидается приток новых терминов, таких как "геномика" или "биоинформатика", но основа останется классической. Изучение этой темы подчёркивает важность лингвистики в медицине, помогая лучше понимать и использовать термины в практике.

Список использованных источников

1. Глинская Нелли Петровна, Черезова Татьяна Львовна **СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В СВЕТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ** // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-meditsinskaya-terminologiya-v-svete-globalizatsii> (дата обращения: 13.02.2026).
2. Колосова Зинаида Львовна **Медицинская терминология как часть языковой культуры** // ОНВ. 2004. №2 (27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-terminologiya-kak-chast-yazykovoy-kultury> (дата обращения: 13.02.2026).
3. Садикова З. Х. **МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ** // ЕJMNS. 2025. №11-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/meditsinskaya-terminologiya-v-russkom-yazyke-i-ee-lingvisticheskie-osobennosti> (дата обращения: 13.02.2026).

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСТИНИЧНЫХ ЭРГОНИМОВ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
ОВСЕПЯН К. А., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Эргонимия гостиничной сферы представляет особый интерес для лингвистики, поскольку название отеля выполняет не только идентифицирующую, но и прагматическую функцию, воздействуя на выбор потенциального гостя. Согласно классификации Шимкевича Н.В., прагматические эргонимы подразделяются на информативные, ассоциативно-информативные, социально обусловленные и культурно обусловленные [3, с. 12–15]. Цель настоящей работы – анализ распределения гостиничных эргонимов по прагматическим функциям в трёх малых городах Ростовской области: Шахты, Каменске-Шахтинский и Таганрог, различающихся туристическим потенциалом и экономической специализацией.

Материалом исследования послужил 121 эргоним, отобранный методом сплошной выборки из сервиса «Яндекс.Карты» [4] в 2025 г. Выборка по городам неравномерна: в городе Шахты выявлено 29 названий, в городе Каменск-Шахтинский – 39, в городе Таганрог – 53. Таганрог, обладающий выходом к Азовскому морю и развитой туристической инфраструктурой, закономерно демонстрирует большее разнообразие средств размещения для туристов. Город Шахты, напротив, имеет менее разветвлённую гостиничную сеть в силу преобладания делового и командировочного туризма. Для соблюдения корректных условий сопоставимости данных анализ проводился по процентным долям внутри показателей каждого города.

В городе Шахты доля непрагматических названий составляет 58,6%, что значительно выше, чем в Каменске-Шахтинском (35,9%) и Таганроге (35,8%). В структуре непрагматических наименований города Шахты доминируют неинформирующие эргонимы (37,9%), например «Горняк» и «Кузбасс», которые не несут явной информации о предприятии и не формируют устойчивых ассоциаций с качеством услуг. Это объясняется угледобывающей специализацией города и ориентацией гостиничного сервиса на краткосрочные деловые поездки и транзит, что не стимулирует владельцев к применению сложных прагматических стратегий [2].

В городе Каменск-Шахтинский прагматические стратегии охватывают 64% эргонимов. Особо высока доля социально обусловленных названий (25,6%), что связано с выгодным транзитным положением города на федеральной трассе М-4 «Дон» – ключевой автомагистрали, соединяющей центр России с южными регионами [1]. Примером служит гостиница «Патриот», эксплуатирующая актуальный общественно-политический тренд. Значительна также доля ассоциативно-информативных названий (25,6%), создающих положительный образ отдыха (например, «Солнечный»).

Таганрог, обладающий наибольшим туристическим потенциалом, демонстрирует сбалансированное распределение прагматических стратегий. В структуре выделяется высокая доля культурно обусловленных названий (17,0%), что закономерно для города с богатым историческим наследием (например, отель «Гостиный двор», отсылающий к архитектурным традициям). Также значительна доля социально обусловленных наименований (24,5%), отражающих современные маркетинговые тенденции, в частности гостиница «Золотой Берег», апеллирующая к престижному образу курортного отдыха.

Доля прагматических информативных названий во всех трёх городах невелика (от 3,4% до 7,7%). Это свидетельствует о том, что в малых городах владельцы гостиниц предпочитают более сложные приёмы речевого воздействия, не ограничиваясь простой констатацией преимуществ. Примерами информативных эргонимов служат «Отель Таганрог» и «Байк Отель», прямо указывающие на географию или целевую аудиторию.

Таким образом, выбор номинативных стратегий в гостиничной сфере малых городов Ростовской области тесно связан с их туристическим потенциалом и экономической специализацией. В городе Шахты, где преобладает деловой и командировочный туризм, доминируют непрагматические, часто неинформирующие названия. В городе Каменск-Шахтинский, обладающем выгодным транзитным положением на трассе М-4 «Дон», активно используются социально обусловленные и ассоциативно-информативные стратегии. Таганрог, как историко-культурный центр, демонстрирует сбалансированное использование прагматических стратегий с акцентом на культурно обусловленные наименования. Неравномерность абсолютных показателей выборки (29, 39 и 53 эргонима) сама по себе отражает объективные различия в насыщенности гостиничного рынка исследуемых городов. Полученные данные могут быть использованы для разработки рекомендаций по неймингу в гостиничном бизнесе.

Список использованных источников

1. В Ростовской области началась реконструкция трассы М-4 «Дон» // Говорит Москва. – 2025. – 5 мая. – URL: <https://www.govoritmoskva.ru/news/451316/> (дата обращения: 17.02.2026).
2. Где найти комфортный ночлег на трассе М4 Дон... // Travelanswer.ru. – 2025. – 12 дек. – URL: <https://travelanswer.ru/questions/gde-nayti-komfortniy-nochleg-na-trasse-m4-don-po-puti-iz-moskvi-v-krasnodarskiy-kray.html> (дата обращения: 17.02.2026).
3. Шимкевич, Н.В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 22 с.
4. Яндекс.Карты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/maps/> (дата обращения: 17.02.2026).

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ-ЭКОНОМИСТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОМУ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

ПРОКОПЕНКО Е.В.,
Старший преподаватель,
Кафедра иностранных языков
Донецкий институт управления-

Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

Развитие экономики неизменно предполагает увеличение количества её субъектов хозяйствования, поэтому неизбежный рост конкуренции обуславливает заинтересованность в эффективном формировании собственного корпоративного имиджа. В основе его находится корпоративная культура, которой придерживается компания. На корпоративную культуру влияют разные факторы, например: продукция или услуги компании, рекламная кампания, участие в общественной жизни, личности руководителей и другие факторы. Несомненно, корпоративная культура вносит вклад в стратегию развития компании, повышает ее конкурентное преимущество.

Цель исследования - рассмотреть возможности обучения элементам корпоративной культуры, которые учебная дисциплина «Профессионально-ориентированный иностранный язык» предоставляет обучающимся вуза.

Корпоративная культура определяется как правила, принятые внутри компании. Многие понимают под этим только рабочие часы, соблюдение дресс-кода, некоторые инструкции для общения с клиентами. Но у корпоративной культуры имеются не только внешние элементы, но и внутренние. Например, традиции, нормы общения между руководством и коллегами, мероприятия, система поощрения и мотивации сотрудников [1].

Занятиях по иностранному языку и профессионально-ориентированному языку дают возможность отрабатывать различные ролевые ситуации делового общения. При этом практикуются формальное и неформальное знакомство, ситуации при общении между коллегами на формальных мероприятиях (например, на конференции или выставке) и неформальных встречах в ресторане, отеле, корпоративном мероприятии, общение между продавцом и покупателем, обсуждение условий контрактов и сделок и другие

варианты взаимодействия. Учебные пособия предоставляют обучающимся не только соответствующие лексические выражения, но и этапы осуществления коммуникации.

Во внутренней корпоративной культуре используются нетворкинг (networking) и тимбилдинг (teambuilding). Эти элементы находят свое воплощение на занятиях в виде рассмотрения case study, то есть решение деловой ситуации, где обучающиеся работают в парах, группе, выполняя свою роль, они работают на общий результат, успех. Речевое задание ценно и для повышения уровня владения иностранным языком, так как тренируются как лексические единицы, так и грамматические конструкции, а также для понимания как действовать, что говорить в аналогичной деловой ситуации. Такие задания необходимы, так как они дают практические знания и навыки профессионального взаимодействия.

Элементы корпоративной культуры также отрабатываются при обучении написания деловых писем. В процессе преподавания дисциплины рассматриваются все виды деловой корреспонденции, начиная от написания резюме и сопроводительного письма, письмо-заказ, предложение, запрос, рекламация, так и письмо с поздравлением или выражением соболезнования. Обучающиеся понимают, что любой вид корреспонденции требует соблюдения определенных правил написания, использования нужных шаблонов и образцов выражения.

Корпоративная культура должна опираться на миссию и ценности компании. На занятиях иностранного языка обучающиеся знакомятся с тем, что такое миссия компании (mission statement), знакомятся с разными примерами программных заявлений различных известных компаний и предлагают свой вариант. Также тема «Этика» (“Business ethics”) дает обучающимся понимание того, чем отличается этика от этикета, какие виды деятельности компании и работника являются неэтичными.

Необходимо отметить, что корпоративная культура не может быть единой для всех компаний. Известны случаи, когда руководство пыталось применить опыт успешной корпоративной культуры другой компании. При работе с обучающимися над темой «Производство» обсуждается аналогичный опыт с производственной системой компании Toyota, так называемой TLC. Успешный опыт этой японской компании пытались копировать практически во всех странах, но далеко не везде эта система работала. При обсуждении этой темы обучающиеся делают вывод, что применение приемов JIT (Just-in-time-«точно в срок»), Lean Manufacturing (безотходное производство) и Kaizen (непрерывное совершенствование) являются прогрессивными, но их невозможно просто копировать без учета местных и национальных особенностей.

Также необходимо подчеркнуть, что корпоративная культура может меняться с течением времени, в изменяющихся условиях. Тема «Изменения в бизнесе» помогает обучающимся осознать, что если компания меняет свою структуру, профиль деятельности, стратегию, выходит на новый уровень, то ее корпоративная культура тоже должна соответственно видоизменяться.

Выводы. Корпоративная культура компаний опирается на общие внешние и внутренние принципы, но каждая компания создает свои собственные правила, свою культуру. Обучение иностранному языку предоставляет обучающимся знания и практические навыки, чтобы подготовиться к работе, адаптироваться к коллективу, проникнуться ценностями компании.

Список использованных источников

1. Корпоративная культура. [Электронный ресурс]- Режим доступа: <https://practicum.yandex.ru/blog/chto-takoe-korporativnaya-kultura/> (дата обращения: 07.02.2026)

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ-СОВЕТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,

РАДИОНОВА Д.С., студент бакалавриата

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Художественный перевод – это некий мост между культурами. Его полноценность и естественность звучания зависит не только от правильно подобранных лексических соответствий, а также от способности и умения переводчика адаптировать информацию для читателя из другой культуры.

Именно когнитивный подход к переводу и подразумевает вдумчивую работу переводчика над тем, чтобы передать культурный, исторический и идеологический фон текста при помощи его адаптации к другой языковой системе. Задача переводчика состоит в том, чтобы воссоздать в голове читателя образы, максимально похожие на те, что появляются в сознании у носителя культуры при чтении текста оригинала.

Особую сложность для перевода представляют реалии-советизмы, так как они, как правило, не имеют прямых аналогов для перевода. Основные трудности когнитивного подхода к переводу реалий-советизмов заключаются в том, что важно суметь передать культурный контекст и особенности быта с учётом отсутствия эквивалентов в целевом языке.

Согласно трудам Влахова С. и Флорина С., реалии – это слова, называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода [1, с. 47].

Ещё одним ключевым понятием здесь выступает советизм как слово, отражающее какую-либо реалию, понятие, характерное для советского периода [2, с. 560].

Когнитивный подход позволяет рассматривать перевод не как простую замену слов и поиск лексических соответствий, а как сложный ментальный процесс обработки смысла текста и его речевого оформления на другом языке.

Материалом для анализа перевода реалий-советизмов в художественном тексте послужил перевод поэмы Ерофеева В. «Москва-Петушки» [3] на английский язык авторства Чалзмы У. [4].

Одной из особенностей произведения является то, что название каждой главы – это названия станций, которые проезжает электричка. Среди названий деревень и посёлков дореволюционного времени встречаются и те, которые являются советизмами. Например, станция *Серп и Молот* [3]. Чалзма У. перевёл её название при помощи калькирования: *Hammer & Sickle* [4]. Далее, *Электроугли* [3]. Здесь уже была использована трансформация транслитерации: *Elektrougli* [4].

Рассмотрим примеры перевода реалий-советизмов, которые описывают административно-государственное устройство и общественную жизнь, с русского на английский язык.

Выражение *Член КПСС* [1, с. 38] Чалзма У. перевел как *member of the Communist Party of the Soviet Union* [14, с. 39]. Переводчик прибегает к полному развёртыванию аббревиатуры; это нейтральный и точный перевод, который может использоваться, например, в официальных документах. Таким образом, выражение в переводе несёт такой же объем информации, сколько и в оригинальном виде. Перевод абсолютно корректен и адекватен: Чалзма У. сохраняет для читателя всю исходную формальную информацию, чтобы неподготовленный человек видел в тексте именно советский институт.

Советизм *сельсовет* [1, с. 129], обозначающий местный орган власти, был переведён Чалзмой У. как *Agro-Soviet* [14, с. 119], что вновь звучит достаточно формально.

Также, необходимо рассмотреть, как переводчик сумел адаптировать ряд советских реалий, относящихся непосредственно к бытовой стороне жизни людей того времени:

Раз-два-туфли-одень-ка-как-те-бе-не-стыд-но-спать?... [1, с. 51]

One, two, three, lay me down to sleep [14, с. 50].

В данном отрывке текста Ерофеев В. отсылает к популярной в советские годы финской мелодии «Летка-енька» с русским текстом. Чалзма У. эти строчки из неизвестной американскому читателю песни перевел путём почти полного целостного преобразования. Он оставил счёт, но смысл остального текста адаптировать не сумел.

При помощи сравнения перевода с оригинальным текстом было выяснено, что для передачи реалий-советизмов переводчик использовал различные переводческие стратегии, среди которых чаще всего использовались калькирование, транскрибирование и лексические добавления и опущения.

После анализа приведённых примеров была подтверждена важность когнитивного подхода к переводу и стремления перевести не только

лексические единицы, а суметь донести до читателя культурный фон. Таким образом, можно сделать вывод о том, что при переводе реалий-советизмов необходим когнитивный подход. Переводчик не сможет работать с таким типом слов без соответствующих знаний о культуре. Анализ переводческих решений наглядно иллюстрирует, как эта проблема может решаться (или не решаться) на практике. Полученные результаты могут использоваться для дальнейших исследований в области перевода художественной литературы и разработки новых подходов к переводу реалий-советизмов.

Список использованных источников

1. Влахов, С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – Москва : Р. Валент, 2009. – 360 с.
2. Мокиенко, В.М. Толковый словарь совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
3. Ерофеев, В.В. Москва-Петушки / В.В. Ерофеев. – Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2024. – 224 с.
4. Erofeev, V. Moscow to the End of the Line / Translated by H. William Tjalsma. – Evanston: Fawsett Books, 1994. – 164 p.

КИТАЙСКИЕ И КОРЕЙСКИЕ АНТОНИМЫ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

РЫШКИНА А. А., студентка 1 курса

магистратуры кафедры ИЦЛ

ОСТРИКОВА Г.Н., профессор кафедры ИЦЛ,

доцент, доктор филологических наук

Донской государственной технической университет (ДГТУ)

Язык развивается в постоянном взаимодействии с другими языками и культурами. Исторически такие контакты осуществлялись часто через торговые связи, миграции, завоевания и культурные обмены. Одним из наиболее длительных и интенсивных примеров языкового взаимодействия в Восточной Азии является многовековое влияние китайского языка на корейский. На протяжении более чем полутора тысячелетий китайский язык выступал источником значительных лексических, словообразовательных, а в отдельные периоды – и структурных влияний на корейский язык, что обусловлено культурным, политическим, религиозным и письменным доминированием Китая. Как отмечает Н. Б. Мечковская, «ни один язык мира не существует изолированно – обмен элементами неизбежен и закономерен» [1, с. 54-56].

Китайский и корейский языки принадлежат к разным языковым семьям: китайский относится к сино-тибетской группе языков, тогда как корейский традиционно рассматривается как изолированный агглютинативный язык с типологическим сходством с тунгусо-маньчжурской группой алтайской семьи и японским языком [2, с. 7]. Тем не менее китайский языкоказал определяющее лексическое влияние на корейский. На протяжении более чем двух тысячелетий, особенно в периоды активного культурного обмена, распространения конфуцианства и использования китайской письменности (漢字, hanja), в корейский язык вошло огромное количество сино-корейской лексики (한자어/ hanja-eo) – слов китайского происхождения или созданных по китайским моделям. По различным оценкам, такие лексемы составляют от 50-60 % до 70% всего словарного запаса современного корейского языка, особенно в книжной, научной, административной и формальной речи [3, 113 с.]. В разговорной речи преобладают исконно корейские слова, однако именно сино-корейский пласт лексики обеспечивает богатство терминологической лексики, а знание китайских иероглифов помогает более глубокому пониманию этимологии и семантики многих корейских слов.

Именно в сино-корейском лексическом пласте особенно отчетливо проявляется один из фундаментальных способов организации

семантического пространства языка – антонимия. Пары слов с противоположными значениями (антонимы) не только отражают универсальные бинарные оппозиции человеческого мышления (*большой – маленький, новый – старый, светлый – темный*), но и служат важным структурным элементом словообразования, фразеологии и стилистики. Значительная часть антонимических парв корейском языке относится именно к сино-корейскому слою, что делает их ценным объектом для сравнительного анализа китайского и корейского языка.

Антонимия как лексико-семантическое отношение классифицируется по нескольким критериям. По виду противоположности различают следующие виды антонимов – векторные, конверсивные, контрарные и комплементарные[4,с. 245-246]. Некоторые исследователи выделяют в обеих языковых системах следующие разновидности антонимов[5, с.30].

1. Антонимы качественной противоположности (градуальные оппозиции, выражающие ступенчатое изменение качества).

Например: 大 (dà) – 中(zhōng)–小 (xiǎo) в китайском соответствует 대 (dae) – 중 (jung)–소 (so) в корейском. В китайском 大小 (dàxiǎo) обозначает *размер*, в корейском –대소 (daeso) в выражениях вроде 대소변 (daesobyeon, *большая и малая нужда*). В корейском сино-корейские пары имеют абстрактный характер (대업–소업, *большое дело – малое дело*), тогда как для обозначения физических объектов в разговорной речи предпочтительны исконные 크다 (keuda) –작다 (jakda).

2. Комплементарные антонимы (дополнительные).

Например: 男 (nán, *мужской*) – 女 (nǚ, *женский*) → 남 (nam) –여 (yeo) в корейском. Пара 남녀 (namnyeo) употребляется в официальных контекстах (남녀평등, *равенство полов*), в отличие от китайского 男女 (nán nǚ), которое чаще имеет бытовое значение.

3. Конверсивные антонимы (противоположной направленности действий).

Например: 買 (mǎi, *покупать*) – 賣 (mài, *продавать*) в китайском → 매 (mae) –매 (mae) в корейском 매입–매출, *покупка – продажа*). В корейском наблюдается конвергенция формы, но добавляется агглютинация: исконное 사다 (sada, *покупать*) противопоставляется сино-корейскому 매입하다(maeiphada, *покупать*).

Сравнительный анализ китайских и корейских антонимов демонстрирует глубокую интеграцию лексических систем двух языков при сохранении национальной специфики. Сино-корейские антонимы обогащают корейскую лексику, адаптируясь к агглютинативной грамматике и культурному контексту. Различия в морфологии, семантике и использовании подчёркивают универсальность антонимии как механизма мышления и её вариативность под влиянием исторических и культурных факторов.

Список использованных источников

1. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика. / Н. Б. Мечковская / -М.: Аспект Пресс, 2000. - 207с. – Текст: непосредственный.
2. Суханин, В. Е. Культурный язык в КНДР. Краткий очерк. / В. Е. Суханин / - М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2018. - 105 с. - Текст: непосредственный.
3. Sohn, H.-M. The Korean Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. - 445 p.– Текст: непосредственный.
4. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. М.: Высшаяшкола, 1982.- 272 с. –Текст: непосредственный.
5. Пан Л.А. Лекционный материал по предмету «Лексикология корейского языка» / Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан, Ташкентский государственный институт востоковедения. - Ташкент, 2012. - 135 с.– Текст: непосредственный.

ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ МУЗЕЙНЫХ ТЕКСТОВ ОБ ОДЕЖДЕ НАРОДОВ РОССИИ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
САДЯН Д. М., студент бакалавриата**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В условиях цифровизации культурного наследия и расширения международной аудитории музеев проблема локализации музейных текстов приобретает особую значимость. Онлайн-коллекции становятся важным инструментом представления национальной культуры за пределами страны. Перевод описаний предметов традиционной одежды народов России на английский язык выполняет функцию посредника между культурами и способствует формированию адекватного представления о культурном наследии [3, с. 37].

Музейный текст представляет собой особый тип дискурса. Он сочетает информативную, образовательную и интерпретационную функции, формируя у посетителя целостное понимание экспоната и его культурного значения [2, с. 52]. В этой связи локализация должна обеспечивать не только точность передачи фактической информации, но и сохранение историко-культурного контекста.

Материалом исследования послужили русскоязычные описания предметов традиционного костюма из онлайн-коллекции Российского этнографического музея и их английские версии [4]. Сопоставительный анализ позволил выявить особенности передачи реалий, терминологии и стилистики текстов музейного дискурса.

В рассматриваемом контексте наибольшие трудности вызывает перевод безэквивалентной лексики. Реалии, обозначающие элементы традиционной одежды, такие как «плахта», «запаска», «сорока», «очипок», «кокошник», «калпак», отражают уникальные явления материальной культуры. Отсутствие прямых эквивалентов в английском языке требует применения специальных переводческих стратегий.

Согласно теории перевода, в подобных случаях используются транслитерация, описательный перевод, калькирование или их сочетание [1, с. 112]. Транслитерация позволяет сохранить национальную специфику и вводит читателя в культурный контекст. Однако без пояснения она может

затруднить понимание. Описательный перевод, напротив, обеспечивает ясность, но частично нивелирует культурную окраску термина.

Практика показывает, что наиболее эффективным является комбинированный способ передачи реалий: сохранение оригинального наименования с кратким пояснением его функции. Такой подход соответствует принципу функционального соответствия и позволяет одновременно сохранить культурную идентичность и обеспечить доступность текста [1, с. 118].

Сложность представляет и передача символики орнамента и цвета. В традиционной одежде солярные знаки, ромбы, кресты и растительные мотивы выполняют не только декоративную, но и защитную функцию. При буквальном переводе данные элементы могут восприниматься исключительно как украшение. Между тем интерпретация символа невозможна вне культурного контекста [5, с. 67]. Поэтому локализованный текст должен содержать краткое пояснение семантики орнамента.

Стилистический анализ показал различия в структуре текстов. Русские описания характеризуются более развернутыми синтаксическими конструкциями, наличием перечислений и детализированным описанием кроя, ткани и техники изготовления. Английские версии, представленные на сайте указанного музея, демонстрируют тенденцию к структурному упрощению: сложные предложения разделяются, объем информации частично сокращается.

Подобная трансформация объясняется необходимостью адаптации текста к восприятию международной аудиторией. Читатель, не обладающий предварительными знаниями о традиционном костюме, нуждается в более четкой и компактной подаче материала [3, с. 94]. Однако следует иметь в виду, что чрезмерное сокращение может привести к утрате важных этнографических деталей.

Отдельного внимания заслуживает передача специализированной терминологии. Русские тексты включают термины, закрепленные в отечественной этнографической традиции. В английских версиях они нередко заменяются более общими словами или сопровождаются пояснением. Такая практика повышает доступность текста, но снижает уровень научной точности.

Среди выявленных проблем можно выделить отсутствие единообразия в передаче однотипных реалий, различия в степени подробности описания и неоднородность стилистических решений. В отдельных случаях наблюдается неполное раскрытие культурного значения предмета.

В целях оптимизации локализации представляется целесообразным разработать единый глоссарий ключевых терминов традиционного костюма, придерживаться комбинированной стратегии перевода реалий, обеспечивая

при этом краткую культурную справку при упоминании символически значимых элементов. Также важно соблюдать стилистическое единство текстов и учитывать особенности целевой аудитории.

Таким образом, английская локализация музейных текстов об одежде народов России является сложным межкультурным процессом. Она требует учета языковых, культурных и коммуникативных факторов. От качества переводческих решений зависит полнота восприятия национального культурного наследия зарубежной аудиторией [3, с. 41].

Список использованных источников

1. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — Москва : Высшая школа, 2022. — 253 с.
2. Никишин, Н. А. Музей как коммуникативная система / Н. А. Никишин. — Санкт-Петербург : РГПУ, 2021. — 312 с.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — Москва : Слово, 2023. — 624 с.
4. Российский этнографический музей : этнографические коллекции : сайт / Российский этнографический музей. — Санкт-Петербург, 1999 — . — URL: <https://collection.ethnomuseum.ru/> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Eco, U. A Theory of Semiotics / U. Eco. — Bloomington : Indiana University Press, 1979. — 354 p.

НАРОДНАЯ ЛИНГВОГЕОГРАФИЯ ХЛЕБА: РЕГИОНАЛЬНЫЕ НАЗВАНИЯ ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ В РОССИИ (ПО ДАНЫМ ПРОЕКТА «ХЛЕБСЛОВ»)

СЕМЕНОВА М. Ю., *канд. филол. наук, доцент*,
Донской государственной технической университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

ШЕВЧЕНКО В. Н.,
Донской государственной технической университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В 2025 г. в рамках развития научного волонтерства при поддержке Координационного совета по делам молодежи в научной и образовательной сферах Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию студенческим научным кружком «Интеллектуальные системы транслингвального кодирования» Донского государственного технического университета был реализован проект «ХлебСлов», целью которого стал сбор и анализ региональных и локальных названий хлебобулочных изделий на территории Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью фиксации живых народных номинаций, отражающих культурно-языковую картину мира носителей русского языка и языков народов России, которые часто остаются за рамками нормативных словарей, в рамках семантической группы «хлеб» как одной из составляющих российской культуры [1, с. 152]. Материалом для данного доклада послужили 696 анкет, собранные научными волонтерами в период с августа по декабрь 2025 г. География проекта охватила более 50 регионов страны – от Ленинградской области до Хабаровского края и от Архангельской области до Республики Дагестан. Волонтеры фиксировали слова, обозначающие либо целое хлебное изделие, либо его часть, с обязательным указанием источника информации (семья, друзья, СМИ, магазин) и оценкой общеупотребительности слова.

Анализ массива данных позволил выделить несколько ключевых групп лексики. Во-первых, это общерусские номинации, демонстрирующие региональную вариативность. Так, слово «буханка» и его фонетические варианты («буханка черного», «буланка» в Иркутской области) повсеместно обозначают формовой хлеб, в то время как «батон» преимущественно закреплен за изделием продолговатой формы. Однако в ряде регионов (например, Санкт-Петербург, Ленинградская область) фиксируется противопоставление: «хлеб» – это «черный» или «серый» хлеб, а «булка» – белый. Интерес представляет и слово «кирпич/кирпичик», широко распространенное для обозначения хлеба стандартной прямоугольной формы

в Белгородской, Ростовской, Волгоградской областях и в Луганской Народной Республике.

Наибольший научный интерес представляет вторая группа – локальные и диалектные наименования, а также семейно-бытовые номинации. Значительный пласт составили слова, обозначающие традиционные виды хлеба и выпечки. Например, в Архангельской области и соседних регионах зафиксированы «козули», «колобашки», «калитки», а также редкое слово «коровашка» – маленький хлебец из ячменной муки. В Псковской области отмечено слово «папушник» (сдобный пшеничный хлеб), а в Воронежской – «сбобенъ», «рогатина», «деруны». Ценным представляется выявление номинаций, отражающих свойства изделия или отношение к нему: «мякушка» (мягкая часть хлеба), «горбулка/горбуша» (крайняя корочка), «хлебина», «хлебко». В Тульской области зафиксировано слово «жамка» (пряник).

Особую значимость проекту придает его полиэтничность. Волонтерами были собраны названия хлеба на языках народов России: татарские («ипи», «кабартма», «патыр»), башкирские («икмяк», «миланде»), удмуртские («нянь», «кварнянь»), чеченские («хьокам»), ненецкие («ненэ нянь»). Это демонстрирует глубокую связь языка и традиционной культуры, где хлеб выступает не просто продуктом, а культурным кодом.

Источники знаний о словах распределились следующим образом: большинство респондентов (около 65%) указали, что узнали слово от родителей или родственников, что подчеркивает роль семьи в передаче языковой традиции. Примерно 20% респондентов отметили, что слово является «местным/семейным», а не общеупотребительным, что говорит о высоком уровне вариативности бытовой речи и о процессе ухода диалектной лексики.

Таким образом, проект «ХлебСлов» продемонстрировал значительный потенциал научного волонтерства как инструмента сбора лингвистических и этнокультурных данных. Собранный материал позволяет по-новому взглянуть на процессы формирования региональной лексики, ее бытование и передачу. Включение подобных данных в образовательный процесс, в частности, на занятиях по русскому языку, культуре речи, регионоведению и иностранным языкам (в аспекте межкультурной коммуникации), способствует формированию у обучающихся не только лингвистической, но и глубокой культурной компетентности, пониманию ценности «малой родины» и народной языковой культуры. Полученные результаты могут быть использованы при составлении региональных лингвистических атласов и словарей народных говоров подобно лексическому атласу русских народных говоров в ареальном аспекте [2, с. 92], где применяется системный подход,

дающий возможность продемонстрировать отдельную микросистему в рамках конкретной семантической группы.

Список использованных источников

1. Забровский А. П. Хлеб как культурный феномен / А.П. Забровский // Еда и культура. – 2015. – С. 149-158. – Текст: непосредственный.
2. Вендина, Т. И. Лексический атлас русских народных говоров (т. 3 Ландшафт) (итоги и перспективы) / Т. И. Вендина // Лексический атлас русский народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С. А. Мызников. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, – 2023. – С. 92-117. – Текст: непосредственный.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И КРИТЕРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ МИФОВ ДРЕВНЕГО КИТАЯ ДЛЯ НАЧАЛЬНОГО УРОВНЯ ВЛАДЕНИЯ КИТАЙСКИМ ЯЗЫКОМ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
СЛАНОВА М.А., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В условиях растущего интереса к китайской культуре возникает необходимость включения аутентичных культурных текстов в процесс обучения уже на начальном этапе, однако существующие учебные пособия зачастую не представляют никакой культурной ценности и являются слишком сложными для понимания на уровне владения языком HSK 1-2.

Книга «Мифы Древнего Китая» выдающегося китайского фольклориста Юань Кэ является фундаментальным сводом национальной мифологии, но ее оригинальный текст изобилует архаичной лексикой, историзмами и сложными синтаксическими конструкциями, что делает его недоступным для обучающихся уровней HSK 1-2 без специальной обработки [1, с. 5–6].

Китайская мифология, в отличие от античной, не воспринимается носителями культуры как «далекое прошлое»; мифологические сюжеты и образы составляют фундамент китайской картины мира и продолжают функционировать как смыслообразующие элементы национального сознания.

Мифологические персонажи и сюжеты из труда Юань Кэ регулярно воспроизводятся в различных формах культуры: архитектуре, искусстве, кинематографе, видеоиграх, литературе и рекламе, что делает знание мифологии необходимым условием для полноценного понимания современного китайского культурного контекста.

Для изучающего Китай обращение к мифам важно, как ключ к пониманию устойчивых культурных символов и аллюзий, с которыми он неизбежно столкнется в процессе обучения [2, с. 441].

Для успешной адаптации текста необходимо отбирать мифы с линейным хронологическим повествованием, по возможности исключая сюжеты с разветвленными линиями и обилием второстепенных персонажей, чтобы минимизировать нагрузку на обучающихся начального уровня.

Отобранный материал должен объяснять значимый для китайской культуры феномен, например происхождение мира, появление солнца, подвиг значимого героя, и иметь потенциал для визуализации, так как опора

на иллюстрации компенсирует отсутствие развернутых словесных пояснений и является ведущим способом передачи смысла на уровнях HSK 1-2.

Установлено, что оптимальный объем адаптированного текста для HSK 1 не должен превышать 150 иероглифов, для HSK 2 — 300 иероглифов [3, с. 5]. Превышение этих показателей может привести к потере мотивации к чтению.

Лингвистическая адаптация проводится одновременно на трех уровнях: лексическом (замена архаичных и редких слов), грамматическом (упрощение сложных синтаксических конструкций) и текстуальном (введение логических связей и повторов для обеспечения складности и консистентности).

При адаптации возникает противоречие между необходимостью упростить текст и желанием сохранить архаичную атмосферу повествования. Разрешение этого противоречия видится во введении ограниченного числа ключевых культурных маркеров, например, названий древних артефактов, без их лексической замены, но с подробным пояснением в поурочном словаре.

В отличие от оригинального текста, где повторы могут считаться стилистическим недостатком, в адаптированном тексте для начального уровня намеренное повторение ключевых лексических единиц и грамматических конструкций представляется методически оправданным приемом, обеспечивающим успешное усвоение материала.

Список использованных источников

1. Юань, Кэ. Мифы Древнего Китая: монография / Кэ Юань. — Москва: Наука, 1987. — 527 с.
2. Булгарова, Б. А. Реконфигурация и диалогизм: эволюция китайской мифологии от античности к современности в соответствии с теорией Бахтина / Б. А. Булгарова, С. Дуань, Е. С. Козловская, Л. Р. Гафурова. — Текст: электронный // Филология: научные исследования. — 2025. — № 11. — С. 438-452. — URL: https://npublish.com/library_read_article.php?id=76583 (дата обращения: 17.02.2026).
3. Jiang Liping. HSK 标准教程 2 = HSK Standard Course 2 / Jiang Liping. — Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2014. — 130 p.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ЧЕРКАШИНА Т.В., ст. преподаватель,

Донецкий институт управления филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

Современное высшее образование ставит перед собой задачи, одной из которых является подготовка специалистов, способных эффективно функционировать в условиях межкультурного взаимодействия.

В этом контексте обучение иностранным языкам приобретает особое значение, выходя за рамки простого освоения грамматики и лексики. Оно становится мощным инструментом для формирования у обучающихся целостного представления о мире, развития их когнитивных способностей и формирования межкультурной компетенции. Ключевую роль в этом процессе играет культурология – наука, изучающая культуру во всем ее многообразии.

Культурология, как междисциплинарная наука, исследует культуру как систему ценностей, норм, знаний, верований, традиций, обычаев, артефактов и других проявлений человеческой деятельности [1]. Применительно к обучению иностранным языкам, культурология выступает не просто как набор фоновых знаний о стране изучаемого языка, но как методологическая основа для понимания того, как язык отражает и формирует культуру.

Основные аспекты культурологического подхода в обучении иностранным языкам включают:

- язык как носитель культуры (изучение языка невозможно без понимания его культурного контекста. Лексика, грамматические структуры, идиомы, пословицы и поговорки несут в себе отпечаток истории, менталитета, ценностей и мировоззрения носителей языка);

- культура как фактор языкового развития (понимание культурных особенностей позволяет студентам более глубоко осмысливать языковые явления, избегать недопонимания и эффективно использовать язык в различных коммуникативных ситуациях);

- межкультурное взаимодействие (культурология вооружает студентов инструментами для анализа и понимания различий между культурами,

способствует развитию толерантности, эмпатии и способности к адаптации в новой культурной среде);

-формирование идентичности (изучение иностранного языка и культуры способствует переосмыслению собственной культурной идентичности, развитию критического мышления и формированию более широкого взгляда на мир).

Межкультурная компетенция – это комплексное понятие, включающее в себя знания, умения и установки, необходимые для успешного и адекватного взаимодействия с представителями других культур. Культурология играет фундаментальную роль в формировании каждого из этих компонентов:

Таким образом, культурология не просто дополняет языковое обучение, а становится его неотъемлемой частью, обеспечивая формирование не только лингвистической, но и глубокой межкультурной компетенции, необходимой для успешной профессиональной и личной жизни в современном мире.

Интеграция культурологического компонента в учебный процесс требует применения разнообразных методов и форм работы, направленных на активное вовлечение обучающихся и стимулирование их познавательной деятельности. Для достижения этих целей используется коммуникативный метод в высшей школе. Язык изучается в контексте реальных ситуаций общения, где культурные аспекты играют ключевую роль. Например, ролевые игры, имитирующие диалоги в магазине, ресторане или при знакомстве, требуют понимания соответствующих культурных норм и этикета. Обучающимся предлагаются реальные или смоделированные межкультурные проблемы, для решения которых им необходимо использовать как языковые, так и культурологические знания. Например, анализ причин недопонимания в международном деловом проекте. Работа над проектами, связанные с исследованием конкретных аспектов культуры страны изучаемого языка (например, сравнительный анализ систем образования, изучение национальных праздников, анализ особенностей национальной кухни). Результаты проектов могут быть представлены в виде презентаций, докладов, видеороликов и т.д.

Несмотря на очевидные преимущества культурологического подхода, его полноценная реализация в высшей школе сталкивается с рядом проблем, но при этом открывает широкие перспективы для дальнейшего развития. К очевидным проблемам следует отнести: недостаточная культурологическая подготовка преподавателей, ограниченность учебных часов: выделение недостаточного количества времени на культурологические аспекты в рамках учебного курса, отсутствие или недостаточность аутентичных материалов.

Несмотря на существующие вызовы, связанные с методической подготовкой преподавателей, ограниченностью учебного времени и необходимостью разработки новых оценочных инструментов, перспективы

развития культурологического подхода в обучении иностранным языкам весьма обнадеживающе. Активное использование цифровых технологий, развитие международного сотрудничества, индивидуализация обучения и постоянное совершенствование методических подходов позволят в полной мере реализовать потенциал культурологии и подготовить высококвалифицированных специалистов, способных успешно функционировать в условиях межкультурного диалога и глобального сотрудничества.

Культурология является неотъемлемой и стратегически важной составляющей обучения иностранным языкам в высшей школе. Она выходит за рамки простого информирования о стране изучаемого языка, становясь мощным инструментом для формирования у обучающихся всесторонней межкультурной компетенции. является одним из ключевых требований к выпускникам высших учебных заведений.

Интеграция культурологического компонента в образовательный процесс способствует не только повышению эффективности языкового обучения, но и развитию у обучающихся критического мышления, и способности к адаптации. Она помогает им осознать многообразие мира, преодолеть стереотипы и сформировать более широкое и глубокое понимание как чужой, так и собственной культуры.

Таким образом, культурология в обучении иностранным языкам в высшей школе – это не просто дань моде, а осознанная необходимость и залог успешного будущего наших выпускников.

Список использованных источников

1. Богданцев, А. С. Роль культурологического подхода в процессе обучения иностранным языкам // Проблемы современного педагогического образования. 2024. №84-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-kulturologicheskogo-podhoda-v-protssesse-obucheniya-inostrannym-yazykam-1> (дата обращения: 04.02.2026).
2. Елизарова, Г.В. Культурологическая лингвистика: опыт исследования понятия в методических целях / Г.В. Елизарова – Санкт-Петербург: Бельведер, 2000. – 138 с. – Текст: непосредственный.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ТЕКСТОВ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
ШЕШНЯЕВА С. А., студент бакалавриата**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Понятие «дискурс» – одно из наиболее значимых и сложных в современной лингвистике, но однозначной трактовки термина до сих пор не существует. Рассмотрев различные точки зрения, можно выделить три основных подхода в изучении дискурса: формальный, функциональный и ситуативный. В рамках формального подхода дискурс – это два или несколько предложений, находящихся в смысловой связи, где связность является признаком дискурса. При функциональном подходе критерий определения дискурса – взаимосвязь речи со сферами человеческой деятельности. Ситуативный подход рассматривается как компромиссный и раскрывается в определении дискурса, которое дается Н.Д. Арутюновой: «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1, с. 196].

Научно-популярный дискурс представляет собой сочетание различных видов дискурсов, сочетая в себе объективность, точность и логичность научного языка, эмоциональность и выразительность художественной речи, а также субъективность и воздействующую функцию публицистического стиля. Двойная функция научно-популярного дискурса (передача знаний и воздействие на получателей), многообразие жанров и вариативность стиля подачи в зависимости от целевой аудитории не позволяют однозначно отнести его к одному виду дискурса или уверенно выделить как самостоятельный вид, поэтому данный вопрос остается дискуссионным.

Карасик В.И. выделяет личностный и институциональный типы дискурсов. Научно-популярный дискурс можно отнести к институциональному типу, который относится к общению в рамках социальных институтов, где есть чёткие роли, цели и нормы [2]. Однако, научно-популярный дискурс не выделяют как отдельный вид. Егоров Н.В. называет его гибридной разновидностью, развивающейся «на стыке научного и медийного дискурсов» [3, с. 39]. Это определяет специфику его перевода: необходимость сохранять баланс между научной точностью и доступностью.

Мы выделили следующие характерные для данного дискурса черты:

- 1) специальная терминология с простыми разъяснениями;
 - 2) объективность и аргументированность;
 - 3) интертекстуальность: использование аллюзий и цитат.
 - 4) экспрессивность: усилительные наречия, сравнения, повторы, восклицательные предложения;
 - 5) диалогичность: риторические вопросы, личные местоимения 1-го и 2-го лица, элементы разговорной речи;
 - 6) образность: эпитеты, метафоры, олицетворения и т.д.;
 - 7) эмоциональность: эмоционально-оценочная лексика, инверсии;
 - 8) комизм: игра слов, ирония, окказионализмы и т.п.;
 - 9) иллюстративность: фотографии, схемы, диаграммы, таблицы и т.д.
- Переводчик, работающий с научно-популярными текстами, должен учитывать всю специфику этого дискурса и владеть определенными переводческими стратегиями, позволяющими адекватно передавать не только когнитивную информацию, но также эмоциональный и эстетический эффект, адаптируя культурно-специфические элементы и применяя творческий подход к переводу стилистических средств.

Список использованных источников

1. Арутюнова, Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред.: В.Н. Ярцева; редкол. Н.Д. Арутюнова [и др.]. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с. – Текст: непосредственный.
2. Карасик, В.И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурс / В.И. Карасик // Сборник научных трудов, 2000. – 5-20 с. – Текст: электронный. – URL: <https://studfile.net/preview/9125106/> (дата обращения: 27.01.2026).
3. Егоров, Н.В. Научно-популярный дискурс / Н.В. Егоров // Контрастивные исследования языков и культур: Сборник научных статей, 2023. – 35-39 с. – Текст: непосредственный.

СЕКЦИЯ 2 «ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ»

«Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек»

А.П. Чехова

В названии нашей конференции — «Культура, язык, образование» — слово «образование» стоит не случайно на последнем месте. Оно является тем необходимым звеном, которое соединяет высокие материи культуры и языковой теории с реальной жизнью, с практикой. Именно в образовательной среде культурные коды и языковые нормы обретают новую жизнь, передаются новым поколениям, адаптируются к вызовам современности.

Перед современной педагогикой стоит множество сложных задач. Мир меняется быстрее, чем когда-либо, и система образования должна не просто успевать за этими изменениями, но и работать на опережение, формируя личность, готовую к жизни в условиях неопределенности и многообразия.

Сегодня в центре нашего внимания будет ряд ключевых вопросов.

Во-первых, это культурно ориентированный контекст преподавания. Как сделать так, чтобы изучение иностранного языка не превращалось в сухое заучивание правил и лексики? Как через язык погружать студента в мир искусства, истории и традиций другой страны, параллельно углубляя его понимание собственной культуры? Мы ищем ответ на вопрос: как воспитать не просто полиглота, а человека культуры?

Во-вторых, это междисциплинарный диалог в самом образовательном процессе. Мы собрались на кафедре иностранных языков, но сегодня мы говорим с позиций педагогов, психологов, культурологов, социологов. Только на стыке наук можно выработать эффективные методики, способные увлечь современного студента, который живет в клиповом мире и цифровой реальности.

В-третьих, это развитие культурной компетентности и ценностей гуманитарного образования. В эпоху технологий, искусственного интеллекта и больших данных, роль гуманитарного знания становится не менее, а более значимой. Именно гуманитарное образование учит эмпатии, критическому мышлению, пониманию сложности мира и ответственности за свои слова и поступки. Мы должны ответить на вопрос: как интегрировать эти ценности в образовательные программы, не снижая планки академических требований?

ПЕРЕВОД ТЕРМИНОСИСТЕМЫ СУДОВОЙ МЕХАНИКИ КАК СРЕДСТВО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
БУТАКОВА Е. А., студент бакалавриата**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственной технической университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Современное судоходство представляет собой одну из наиболее интернационализованных отраслей, где английский язык официально признан рабочим языком морских профессий. В этих условиях перед системой профессионального образования встает задача подготовки специалистов, способных эффективно работать с технической документацией на иностранном языке, понимать международные конвенции (СОЛАС, МАРПОЛ) и инструкции к оборудованию. Перевод специальных текстов становится не просто учебной дисциплиной, а действенным инструментом формирования профессиональной компетенции курсантов-судомехаников, поскольку именно в процессе перевода происходит осмысление и усвоение понятийного аппарата специальности [1, с. 67].

Теоретический анализ, проведенный в рамках данного исследования, показал, что терминосистема судовой механики, представленная в учебном пособии Те А. М. «Эксплуатация судовых вспомогательных механизмов, систем и устройств» [4], обладает ярко выраженными структурными особенностями. Она организована по предметно-тематическому принципу, что выражается в выделении крупных блоков: насосы, гидродвигатели, рулевые устройства, палубные механизмы, общесудовые системы. В рамках этих блоков термины связаны родо-видовыми отношениями и отношениями «часть – целое», а значительную долю составляют многокомпонентные термины-словосочетания [2, с. 98]. Данные особенности напрямую определяют сложность перевода и требуют от переводчика не только языковой, но и технической компетенции.

Практический анализ перевода фрагментов указанного пособия позволил выявить несколько групп терминов, каждая из которых требует специфических переводческих приемов. К первой группе относятся однозначные эквиваленты – преимущественно общетехнические термины, имеющие устоявшиеся соответствия в английском языке. Такие единицы, как «насос» (pump), «клапан» (valve), «фильтр» (filter), «давление» (pressure), «трубопровод» (pipeline), не вызывают затруднений при переводе и

формируют базовый лексический запас курсанта. Однако уже на этом уровне важно обучать курсантов правильному произношению и написанию, поскольку даже незначительное искажение может привести к непониманию в профессиональной коммуникации.

Вторую, наиболее сложную для изучения и использования группу составляют многокомпонентные термины. Анализ показал, что в русскоязычной технической литературе преобладают конструкции с именами существительными в форме родительного падежа («система охлаждения», «корпус насоса», «регулирование подачи»), тогда как английский технический стиль тяготеет к атрибутивным цепочкам (cooling system, pump casing, flow control). При переводе таких терминов, как «центробежный насос с двусторонним подводом жидкости» или «электрогидравлическая плунжерная рулевая машина с двумя соосными цилиндрами», применяются различные приемы: калькирование (centrifugal pump), перестановка компонентов (double-entry centrifugal pump), использование предложных конструкций (pump with double suction) и компрессия (twin-cylinder electrohydraulic steering gear). Выбор конкретного приема зависит от норм английского языка и требует от переводчика понимания устройства описываемого механизма [1, с. 144].

Третью группу составляют термины, обозначающие специфические судомеханические реалии. Многие из них представляют собой интернационализмы или заимствования, адаптированные в русском языке: «баллер» (rudder stock), «шпиль» (capstan), «брандспойт» (hose nozzle), «клюз» (hawse pipe), «жвака-галс» (bitter end). Особенность этих единиц заключается в том, что они часто имеют узкоспециальное значение, закрепленное в нормативных документах и правилах классификационных обществ. Ошибка в переводе подобных терминов недопустима, поскольку может привести к неправильной эксплуатации оборудования или нарушению требований безопасности [3, с. 156]. Поэтому работа с данной группой требует обязательного обращения к профильным словарям, стандартам (ГОСТ, ИСО) и аутентичным техническим текстам.

Четвертая группа включает термины, перевод которых требует контекстуального анализа и вариативности. Например, русское понятие «осушительная система» может переводиться как bilge system (система удаления льяльных вод) или drainage system (дренажная система) в зависимости от того, идет ли речь о забортной воде или о конденсате. Термин «подсланевые воды» требует развернутого перевода bilge water, а «балластная система» – уточнения ballast system с возможной конкретизацией (seawater ballast system). В таких случаях переводчик должен опираться на широкий контекст, понимание технологического процесса и

знание международной терминологии, закреплённой в конвенциях ИМО [4, с. 89].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что перевод технических текстов судомеханической направленности представляет собой многоаспектную деятельность, требующую от курсанта синтеза языковых, технических и даже правовых знаний. Эффективное освоение терминосистемы происходит не через механическое заучивание списков слов, а через практическую переводческую работу с аутентичными материалами, в ходе которой будущий специалист усваивает структуру понятий, учится видеть системные связи между терминами и применять адекватные приемы перевода для точной передачи смысла. Включение в образовательный процесс заданий по переводу технической документации, инструкций и фрагментов международных конвенций является необходимым условием формирования конкурентоспособного специалиста, готового к полноценной профессиональной деятельности в международной среде. Таким образом, перевод выступает не просто средством контроля языковых знаний, а активным методом обучения, формирующим профессиональное мышление курсанта.

Список использованных источников

1. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – Текст: непосредственный // Москва: Высшая школа, 2022. – 253 с.
2. Лейчик, В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – Текст: непосредственный // Изд. 4-е. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 264 с.
3. Гринев-Гриневиц, С.В. Терминоведение: учебное пособие для вузов / С. В. Гринев-Гриневиц. – Текст: непосредственный // Москва: Академия, 2008. – 304 с.
4. Те, А.М. Эксплуатация судовых вспомогательных механизмов, систем и устройств: учебное пособие / А.М. Те. – Текст: непосредственный // Москва: Транспорт, 2014. – 272 с.

ЦИФРОВЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКЕ.

ГРИЩЕНКО Ю.А.,
МОРОЗОВА Я.С. *канд. филол наук,*
доцент,

Донской Государственный Технический Университет, (ДГТУ),
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Современный этап развития общества, характеризуемый стремительной цифровизацией всех сфер жизни, предъявляет новые требования к системе образования и предоставляет новые возможности для индивидуализации и повышения эффективности обучения.

Одной из важнейших тенденций является возможность индивидуализации обучения, позволяющая каждому студенту обучаться в своем собственном темпе и формировать индивидуальный план занятий. Этот подход способствует значительному росту успеваемости учащихся, поскольку учитывает их сильные стороны и пробелы [2, с. 94].

Другим важным фактором является внедрение геймифицированных решений, превращающих учебный процесс в увлекательную игру. Такие приемы значительно повышают мотивацию и привлекают студентов к активной работе над языком, делая занятия динамичными и интересными [1, с. 416]. Примером может послужить приложение “Lingo Magic English”, предлагающее широкий спектр мини-игр – от головоломок до жанра «три в ряд» – для пополнения словарного запаса

Немаловажную роль играет и внедрение, а процесс обучения виртуальных классов и симуляторов, создающих живое представление о культуре и повседневной жизни страны изучаемого языка. Такой подход помогает глубже проникнуть в языковую среду, развивает критическое мышление и способность общаться естественно и свободно [2, с. 97].

Популярные виртуальные классы и симуляторы для изучения английского языка в России включают международные платформы вроде “Duolingo” и “Quizlet”, предлагающие интересные задания и проверку знаний, а также отечественные разработки типа «Взнания» и «Сферум», созданные специально для российских пользователей и поддерживаемые Министерством Просвещения РФ. Эти сервисы обеспечивают эффективные методы погружения в языковую среду, развивая навыки чтения, аудирования, письма и говорения, и подходят как для начинающих, так и для продвинутых пользователей.

В то же время существуют и некоторые проблемы, ограничивающие эффективное использование цифровых технологий. Во-первых, существует

потребность в дополнительной инфраструктурной поддержке, такой как стабильное подключение к интернету и доступ к необходимым устройствам. Во-вторых, наблюдается недостаток квалифицированного персонала, обладающего достаточной цифровой компетентностью для эффективного использования инновационных инструментов в своей практике.

Цифровые технологии обладают огромным потенциалом для преобразования процесса языковой подготовки, повышая эффективность и создавая комфортную среду для учащихся. Вместе с тем необходимы значительные усилия по устранению текущих препятствий, таких как неравномерность доступа к ресурсам и нехватка профессиональных кадров. В будущем предстоит сосредоточить внимание на повышении технологической грамотности преподавателей и обеспечении равных условий для всех студентов, стремящихся изучить иностранные языки.

Список использованных источников

1. Быстрова, Н.Г., Бакулина Н.А., Гнездин, А.В., Угарова А.В. Геймификация в современном образовательном процессе / Н.Г. Быстрова, Н.А. Бакулина, А.В. Гнездин, А.В. Угарова // Журнал прикладных исследований. – 2022. – №6. – с. 416-425.
2. Хуторской, А.В. Педагогика будущей России: учебно-методическое пособие / А.В. Хуторской / – Москва: Издательство «Эйдос», 2025. – 155 с.

ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ОБУЧЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
ДАШУТИНА А. А., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Современные требования ФГОС к обучению младших школьников иностранному языку подчеркивают важность деятельностного подхода. Для детей, учащихся в начальной школе игра является одним из ведущих видов деятельности, способствующих усвоению новых знаний. Основной проблемой, возникающей в процессе обучения младших школьников иностранному языку, рассматривается монотонность отработки навыков овладения лексикой и грамматическими структурами, что влияет на утомляемость детей. Именно поэтому значительное внимание уделяется использованию в процессе обучения музыкальных произведений, которые объединяют в себе развитие слухового восприятия, ритма и речевой деятельности.

Использование музыкальных произведений и игр в ходе обучения младших школьников иностранному языку значительно повышает вовлеченность детей в процесс изучения лексики и грамматики. В таком случае монотонное и рутинное повторение лексики вызывает больший интерес, так как дети повторяют конструкции и лексические единицы в более привлекательной, позитивной и привычной для них форме – в пении куплетов и припевов. Также стоит отметить, что мелодия и повторяющийся ритм создает прочные ассоциативные связи, что поможет ребенку вспомнить слово, «прокрутив» в голове отрывок песни, где оно встречается, эти действия помогают вывести пассивное запоминание в активное. Кроме того, пение, например, развивает дикцию, голос, дыхание, эмоциональность речи, а также координирует слух и голос, что положительно сказывается на развитии комплекса навыков, необходимых на начальных этапах изучения иностранного языка [2].

Кроме того, использование музыки в процессе изучения иностранного языка учениками начальной школы не ограничивается применением песен для повторения. Следуя трем аспектам, выделенным П. Беседовой в ходе своего исследования (аспекты восприятия и производства, интенсивного восприятия, межкультурного обучения), можно сделать вывод о том, что в

каждый из этих аспектов может быть внедрена музыкальная составляющая [3].

Так, использование песен-презентаций, например, в виде “The Alphabet Song” может послужить мнемоническим приемом для введения нового материала, а «песня-приветствие» в начале урока поможет создать более дружелюбную атмосферу и плавно погрузить детей в среду изучаемого языка. Также внедрение музыки является достаточно гибким и вариативным методом включения различных видов деятельности и исследования в процессе обучения. Так, например, при использовании музыкальных произведений на тему “Parts of the body” возможна физическая активность, когда дети при упоминании части тела в тексте песни будут не только повторять ее название, но и указывать на соответствующую часть тела, что будет укреплять связь между пассивным запоминанием и активным действием.

Тем не менее, важно отметить, что интегрирование музыкальных произведений в обучающих целях должно иметь крепкую методическую поддержку, так как важно, чтобы отбор музыкального материала производился с учетом возраста обучаемых и в соответствии с планом учебно-методических комплексов.

Таким образом, внедрение музыкальной составляющей в обучение младших школьников иностранному языку можно рассматривать не как дополнительную активность, а как базовый методический инструмент, так как использование ритмико-песенного варианта позволяет решить комплекс задач, связанных с погружением ученика в иноязычную среду, развитием его речевых навыков и эмоциональным состоянием.

Список использованных источников

1. Зубайраева, М. У., Альмурзаева, П. Х. Методы использования музыки в обучении иностранному языку / М. У. Зубайраева, П. Х. Альмурзаева. – Текст: непосредственный // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – №5 (51). – С. 168-172.
2. Карташева, И. Музыка на уроках развития речи двуязычных детей / И. Карташева. – Текст: непосредственный // Этнодиалоги. – 2018. – №2 (56). – С. 290-296.
3. Besedova, P. Music as an intercultural medium in foreign language teaching / P. Besedova. // The European Proceedings of Social and Behavioural Science. – 2016. – Pp. 646 – 662.

SPECIAL ROLE OF TERM COMBINATIONS IN THE SCIENTIFIC TEXT

ILCHENKO L. G.,

Senior Teacher,

*Donetsk Institute of Management, a branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration*

It is the term combination that performs those pragmatic functions that lead to a combination of high information content, on the one hand, and conciseness, accuracy of statements, on the other. A term combination is a syntactic construction formed by combining two or more words based on a subordinate grammatical connection – matching, controlling, or fitting. [2, p. 13].

Grammatically and semantically, the main word is the core of the term combination. Depending on which part of speech the core component is expressed in, the term combination is divided into substantive (absolute reason), adjective (valid to all intentions), verb (to execute exclusive legalization) and adverb (generally accepted).

Terminological phrases are constructed in accordance with certain grammatical patterns that are formed in the language on the basis of categorical properties of words. The ability of a word to combine with other words and the forms of manifestation of this ability depend not only on the grammatical properties of the word, but also on its lexical meaning [1; 2]. The term combination serves as a means of nomination, denoting an object, phenomenon, process, or quality. Its name is formed by the core element and specified, specified by the dependent component, for example: bill of exchange, barter transaction, right to housing.

In accordance with the structural construction, we propose to distinguish between simple, complex and combined term combinations. Simple term combinations can be two-component (standard act), three-component (salary bonus system), or four -component (second-hand goods commission sale).

Among the two-component terminological combinations, two models are distinguished: “adjective + noun” (A+N): absolute necessity, grave crime; and “noun + noun” (N+N): acceptance credit, insurance case. The starting word for their creation is the noun: crime – economic crime, crime of omission. The components of terminological phrases have different degrees of terminology, and may not be terms at all, compare: ability to work, leaving in danger, and so on.

Three-component constructions of terms have the following structures: “adjective + adjective + noun” (A+A+N): compulsory medical treatment, complete material responsibility, etc.; “adjective + noun + noun” (A+N+N): personal property rights, corrective labor code; “noun + adjective + noun” (N+A+N): commission expert examination; “noun + noun + noun” (N+N+N):

notary service board. The main element for creating such structures can be either a phrase or a single word. So, based on the “adjective + noun” model, a three – component term of the A+A+N model is created: advisory commission –medical advisory commission. Based on the “noun + noun” model, the A+ (N+N) model is created: parcel trade – direct parcel trade. The source word for the models N+A+N, N+N+N is a noun, that is, a one-word structure.

As you can see, with an increase in the number of components, the possibility of various combinations of them also increases, so the number of models increases and in three-component structures is already equal to four. Four-component terms are also created on the basis of a lower structure, in this case – a three-component one.

Numerous term combinations have a different number of components: five – bill of exchange paid in foreign currency; six – actions disrupting the work of corrective labor institutions; seven – state grant for taking care of the child till his one year's age. They are also created on the basis of lower-order nouns or phrases.

So, the terminological system reflects in the structure of the components that make up its composition certain connections and relationships that objectively exist in the circle of these concepts and phenomena.

As for the grammatical connection on the basis of which term combinations are created, two-component ones are created on the basis of a single grammatical connection. Three- and four-component ones are based on a double and triple strong grammatical connection. Complex term combinations are created by various types of connection in relation to the core word, for example: temporary tenure of office, management and fit (examination of case in absentia). Combined phrases are created on the basis of relationships from different core words (material change in conditions of work, state of limitations for the execution of the judgment) [3].

In the frame structure of English-language scientific and technical texts, we can also trace syndetic substantive term combinations. The core element of such structures is always a noun. The attribute chain represented by nouns explicates a constant and independent essential feature of the subject or phenomenon of objective reality, which carries the core component of the term combination, as a result of which the term combination expresses an ordinary concept and plays the role of a classifying unit, that is, it turns out to be assigned to a special class of a certain field of knowledge.

As for the semantics of phrases, according to our observations, semantics reflects to a greater or lesser extent the meaning of all components, although functionally they actualize a single meaning. According to their structural structure, they can be classified as two – component, or binary, and multicomponent. It is important to note that the degree of semantic solder ability between elements of a two-component term combination is higher than between elements of a multicomponent term combination.

Such phrases, as well as phrases of common speech, are very heterogeneous in their lexical and grammatical structure, which is the main reason that causes difficulties in defining and isolating term-phrases from texts.

References

1. Dyakov A. et al. Fundamentals of term formation: semantic and socio-linguistic aspects. Moscow: publishing house "KM Academy", 2000. – 218 p.
2. Kvitko N. Term in a scientific document. – Lvov, 1976. – 216 p.
3. Charlton G. Laird. Webster's New World Thesaurus. Cleveland: Warner Book, Inc., 1990. – 494 p.

THE TECHNIQUE OF GROUP WORK ORGANIZATION AT THE SEMINARS IN A HIGH SCHOOL

KAVERINA O.G., D.Sc. (Pedagogical Sciences), Professor, Professor of the English language department
Donetsk National Technical University, Donetsk, The Russian Federation

PRIKHODCHENKO E.I., D.Sc. (Pedagogical Sciences), Professor, Professor of the Engineering Pedagogy and Linguistics department, Donetsk National Technical University, Donetsk, The Russian Federation

While studying in a higher school, students prepare for a future profession and they are eager to receive the best educational level. The analysis of the scientific methodological literature proved the usage of different educational approaches for the learning process, aimed for increase of the educational level of students. The group work of the educational process organization is the basic for improving the quality of the obtained knowledge and skills of future specialists. The problem of group work organization has been in the focus of attention of a lot of scientists, for instance, H. Dahilova, A. Kovalyova, N. Kuzhetsova, H. Karnova and others [2,6,7].

H. Damilova investigates the student's group as a real mechanism for influencing the psychological climate of a lesson, being a stimulus for increasing the academic achievements, more qualitative training for a separate discipline [3]. A. Kovalyov points out the role of group work, and the role of a teacher in the organization of the interaction of a student in society, his behaviour in the surrounding [6]. N. Kuznetsova, H. Karnora, I. Polytova and others have the same opinion, but these scientists have examined the group work in the secondary school [7, 11, 14].

The group work is characterized as an active performance accompanying with a definite motive - a desire to be the best, to help a person who needs it while fulfilling a received task, to support a psychological climate, impacting the success of a group. It is very important for a qualitative educational level of every student. The efforts and experience of a teacher plays an important role in this process. According to the viewpoint of a lot of researchers, a group work helps students not only to obtain a definite knowledge but also enables to establish intercommunication skills, cohesion of a collective, cooperation of everybody is united with a common goal to form an interest while achieving the set tasks by a teacher.

A social factor is a main point for development, a main problem is a support of necessary energy of an educational process. Some scientists investigate the group work as the development of cognitive interests of a person [2,7,9,11,12]. There are a lot of technologies of organizing a group work. It depends upon the experience of a teacher, his \ her pedagogical mastership. H. Lyimets suggests the following algorithm of a group work: all the group must be divided into the subgroups. Each group obtains a definite task, and within a group all the participants receive a task and has a special role, the fulfillment of a task is considered to be the exchange of different opinions, the solutions made by a separate group is discussed by a whole group [9]. The groups can be organized according to the wills of the students, their mutual choice. But the groups can be also randomly formed. It can be groups established by a teacher in accordance with the received tasks, with different levels of capabilities. In the document ‘The Future education’: global challenge” is said that education is the socially formed process of support of an intensively space interaction. It is a process of a personal development, forming with several means, having upon the motivation and maturity of a student.

A group work appears to be an approach leading from an education to self-education. It is timely created and successfully developed technology of influencing upon a future specialist and a society, social priorities. A group work helps to individualize an educational process of obtaining knowledge, stimulates a student for an active performance, expands a social experience, activity of a student [2]. The cooperation of students and a teacher, students with other students develop a lot of positive features, for instance, to evaluate the self-obtained knowledge, self-estimation, the skills of inner management. All these factors make the educational process more effective, interesting and attractive.

The critical thinking is also being developed; the stable demand for self-estimation is also being formed. It helps to uncover the reason-consequence links, to form an ability for analyzing the expressions, proofs and objections of different opinions. This includes the intellectual and creative potential of a future specialist, the development of professional and general cultural interests, valuable orientations. There occurs the dynamic process of structuring, forming and changing of interpersonal, emotional and business relations. The life of a student group is a micro model of a social life.

The group work becomes the nearest surrounding for forming social and individual experience of a student.

So, the modern society demands professionals who are able to come to solution of complex productive tasks with competence and creativity. Namely the usage of group work forms will give an opportunity for developing the pointed features of a character. The student age is a period of the beginning of adult life, so it is very important for students to obtain positive, interpersonal communication on

the basis of the joint performance, effective cooperation without any conflicts, through the communication competence development, establishing contacts, compromised solutions of various problematic situations, mutual support and position emotional beings. Positive interpersonal relations with peers develop the feeling of solidarity, confidence, self-expression and in future they are considered to be the grounds for successful effective cooperation with the surrounding world, with representatives of different social groups, especially in the professional spheres after graduating a higher educational establishment.

References

1. Batyshchev, G.S. Active essence. Man as a philosophical principle / G.S. Batyshchev. - Moscow, 1961. - 142 p.
2. Danilova, L.E. Features of interpersonal relations in a student group/ E.A. Danilova //Current issue in modern psychology: Proc. II International scientific conf. - Chelyabinsk, 2013. - pp. 70-72.
3. Dekina, E.V. Introduction to Psychological and Pedagogical Activity: A Textbook / E.V. Dekina – Tula, 2005. – 119 p.
4. Features of the formation of universal educational activities in the course "Russian language" edited by E.K. Rozova. – Moscow: BALASS, 2012. -pp. 179-181.
5. Korolkova, L.V. Group forms of interaction of younger students // Primary school. – 2007. - No. 2. – P. 13-15.
6. Kovalev, A.G. The team and social-psychological problems of management / A.G. Kovalev. - Moscow, 2001. - 349 p.
7. Kuryatov, V.M. How to organize training in small groups. – St. Petersburg: Pedagogy, 2000. – pp. 200-217.
8. Kuznetsova, N.V. Group Work in Primary School Lessons as a Means of Developing Learner's Activity Activities / N.V. Kuznetsova // Experience and Prospects of Implementing Federal State Educational Standards in a Modern School. Collection of articles from the II All-Russian Scientific and Practical Conference edited by E.V. Karpava. – 2019. – pp. 211-214.
9. Liimets, H.J. Group work in the lesson [Text] / H.J. Liimets, active member of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR - Moscow: Znanie, 1975. - pp. 64-66.
10. Nikitina, L. V. Improving the Effectiveness of Russian Language Lessons by Organizing Group Work / L. V. Nikitina // Primary school. 20001. - No. 5. – P. 98-100.
11. Politova, I.N. Group Work in Russian Language Lessons / I.N. Politova // Open School. – 2021. - No. 2 (203). – pp. 13-15.
12. Tsvetkova, R. I. The Motivational Sphere of a Student's Personality:

Conditions and Means of Its Formation / R. I. Tsvetkova // Psychological Science and Education. – 2006. - No. 4. – P. 76-80.

13. Vokhminova, L. V. The Influence of Group Forms of Organizing Educational Activities on the Development of Cognitive Interests of Primary School Students / L. V. Vokhminova, M. N. Kolbasenko, Yu. L. Ugryumova // Primary School 2000: Problems and Prospects. – 2000. - No. 1. – P. 19-21.

14. Zenina, S.R. Psychological Factors in the Development of Academic and Professional Activities of University Students: Abstract of a Cand. Sci. (Psychology) / S. R. Zenina – Moscow, 2009. – 23 p.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ МОТИВАЦИОННОЙ ДОСТАТОЧНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

КАРАЕВА Т.В., канд. пед. наук, доцент
СИЛАЕВА А.И., преподаватель

*Федеральное бюджетное государственное учреждение высшего образования «Мелитопольский государственный университет»,
Мелитополь, Запорожская область, Российская Федерация*

Эффективность обучения иностранному языку достигается, главным образом, посредством конструирования и применения методик, ориентированных на раскрытие творческого потенциала обучающихся. В контексте обучения языку делового взаимодействия, перед преподавателем возникает сложная задача: сформировать у студентов не только лексико-грамматические навыки, но и способность к профессиональной коммуникации.

Особенности дисциплины, предполагающая усвоение специализированной лексики, часто сопряжена с низкой мотивацией аудитории, что определяет потребность применения особых педагогических стратегий для вовлечения студентов в рамках академической деятельности [4, с. 15–17].

Разрешение данной ситуации требует использования методик, активизирующих внутренние потенциалы личности. В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение, что применение таких высокомотивирующих средств, как ролевые/деловые игры и метод проектов, способствует, во-первых, обеспечению автономии студентов, во-вторых, стимулированию их самостоятельной творческой активности в процессе изучения английского языка [3; с. 3–5; 5, с. 20–25].

Для экспериментального подтверждения данной гипотезы был разработан методический структурированный подход обучения английскому языку для делового общения, учитывающая уровень (степень) учебной саморегуляции обучающихся.

Основным признаком предложенной модели является системная организация образовательной деятельности, ориентированного на формирование умений автономно-творческой деятельности посредством учебного проектирования. В основу содержания обучения заложен алгоритм действий, моделирующий цикл производства продукции или предоставления услуг.

Благодаря поэтапному освоению учебного материала у студентов снимаются психологические барьеры. Это достигается в ходе пред-

проектного тренинга на подготовительном этапе, который предшествует основной работе над проектом. Несмотря на «*виртуальный*» характер такой деятельности, её ценность заключается в предоставлении обучающимся возможности проактивно принимать решения и структурировать свою деятельность. Акцент внимания при этом смещается с языка как системы на деятельность, которую этот язык обеспечивает [2, с. 45–50].

Процесс изучения организуется в два этапа. На подготовительном этапе (1-й семестр) студенты разрабатывают учебный проект общеобразовательной направленности. На основном этапе (2-й семестр) они переходят к формированию профессионально-ориентированной проектной работы.

Следовательно, обучение профессиональной коммуникации ориентировано на вовлечение обучающихся в автономно-творческий процесс посредством формирования устойчивой внутренней мотивации и обеспечения свободы в реализации проектной деятельности.

Предлагаемая модель структурирована в формате схем и таблиц, характеризующейся набором заданий, благодаря которым обеспечивается выполнение определенных действий и их последовательность.

В общем виде для академических учреждений высшего образования, модель должна ориентироваться на:

1. Задачи, решаемых в процессе изучения;
2. Информационные связи в рамках *системы обучения* (СО);
3. Последовательность решения целей в (СО);
4. Входящую информацию (необходимую в целях решения задач) и исходящую (результат усвоения);
5. Процедуры выполнения задач;
6. Средства и способы реализации поставленных задач [1, с. 266–270].

Содержательное наполнение данных характеристик представляется следующим образом: *задачи* представляют собой комплекс действий, выполняемых в логической последовательности и определяющих процесс формирования информационной базы, *информационные связи* между элементами СО формируют единую информационную траекторию в заданных хронологических рамках, *последовательность решения задач* обеспечивает эффективность усвоения за счет детализации общей информации до уровня ее практического применения, *вводная информация* поступает из отобранных источников на удобном носителе, *процедуры решения задач* – это совокупность действий по обработке и усвоению информации в пределах одной задачи, реализуемой через выполнение упражнений, *средства и способы реализации поставленных задач* обеспечивают соблюдение принципа автономии и усвоение информации в процессе деловой игры.

Архитектура концепции модели отображает следующие компоненты СО: *информационный, формирование задач и процедурный*. Эффективность предлагаемой модели подтверждается её соответствием принципам конструктивистской педагогики, где акцент осуществляется на активном конструировании знаний через реальные задачи. *Информационный* элемент не только лишь структурирует аутентичные материалы делового дискурса (договоры, презентации, переговоры), но и обеспечивает посредством этих материалов адаптацию с учётом этапов автономности обучаемых, что повышает релевантность и снижает потерю студентов (до 15–20% по данным аналогичных разработок).

Элемент «задачи» реализует принцип *scaffolding* – постепенное усложнение от общеобразовательных к профессиональным проектам, формируя метакогнитивные навыки и устойчивую мотивацию.

Элемент «процедуры», интегрирующий ролевые игры и метод проектов, трансформирует декларативные знания в процедурные, имитируя полный цикл бизнес-деятельности (от *ideation* до *pitch*). Это способствует развитию *soft skills* – переговоров, презентации, конфликтологии в иммерсивной среде, где ошибки становятся частью обучения. Пилотное внедрение такой модели у студентов неязыковых сфер подготовки в вузе, демонстрирует прирост коммуникативной компетентности на 28% (по шкале CEFR - уровням) и мотивации на 35% (опрос Likert), подтверждая гипотезу исследования.

В перспективе модель масштабируема за счет цифровизации: интеграция LMS (Moodle, Canvas) для мониторинга компетентностей и peer-review. Необходимы дальнейшие исследования с контрольной группой для верификации результата относительно длительной карьерной мобильности обучаемых.

Список использованных источников

1. Зимняя, И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов / И. А. Зимняя. – 2-е изд., доп., испр. и перераб. – Москва: Логос, 2000. – 384 с. – Текст: непосредственный.
2. Коряковцева, Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы изучающих иностранный язык: пособие для учителей / Н. Ф. Коряковцева. – Москва: АРКТИ, 2002. – 176 с. – Текст: непосредственный.
3. Полат, Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2000. - № 2. – С. 3–10. – Текст: непосредственный.

4. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи (подготовка переводчика) / И. И. Халеева. – Москва: Высшая школа, 1989. – 238 с. – Текст: непосредственный.
5. Little, D. Learner Autonomy 1: Definitions, Issues and Problems / D. Little. – Dublin: Authentik, 1991. – 75 p. – Текст: непосредственный.

ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АДАПТИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ КИТАЙСКИХ МИФОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВЫХ НАВЫКОВ НА УРОВНЯХ HSK 1–2

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
КЕЛИГОВА Х.У., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО) «Донской государственной технической университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Обучение китайскому языку на начальном этапе (HSK 1–2) традиционно сталкивается с проблемой ограниченности учебного материала, способного одновременно решать задачи формирования лексико-грамматических навыков и приобщения учащихся к культурному контексту. Стандартные учебные тексты зачастую представляют собой искусственные конструкции, направленные исключительно на отработку отдельных грамматических моделей, что снижает мотивацию обучающихся и не обеспечивает погружения в живую языковую среду. Адаптированные тексты, созданные на основе аутентичных мифологических нарративов (в частности, труда Юань Кэ «Мифы Древнего Китая»), могут стать эффективным инструментом, объединяющим языковое и культурное содержание. Настоящее исследование посвящено анализу лингводидактического потенциала таких текстов с фокусом на конкретные механизмы формирования лексических и грамматических навыков [1,2].

В фокусе настоящего исследования находятся тексты китайских мифов, подвергнутые лингвистической адаптации в соответствии с лексико-грамматическими требованиями уровней HSK 1–2. В процессе адаптации решаются задачи сегментации сложных синтаксических конструкций, замены устаревшей и узкоспециальной лексики на лексику, входящую в обязательный минимум указанных уровней, а также сохранения культурного компонента содержания.

Проблематика использования адаптированных текстов в преподавании иностранных языков, а также вопросы, связанные с формированием лингвокультурологической компетенции, разрабатывались многими исследователями [1,2,3]. Вследствие этого существует ряд теоретических положений, обосновывающих эффективность применения текстов, прошедших лингводидактическую обработку, на начальном этапе обучения.

В настоящем исследовании в ходе лингвометодического анализа рассматриваются такие аспекты адаптированных мифологических текстов, как лексический компонент (принципы отбора и введения лексики,

механизмы концентрического расширения словаря, семантизации через контекст и формирования лексической сочетаемости), грамматический компонент (возможность естественной и многократной актуализации грамматических конструкций, предусмотренных программой HSK 1–2, реализация принципов контекстной обусловленности грамматики, частотности грамматических моделей и грамматической прогрессии), а также методический инструментарий, включающий систему предтекстовых, текстовых и послетекстовых заданий. Особое внимание уделяется культурному компоненту как мотивирующему фактору, повышающему субъективную значимость учебного материала.

Грамматический потенциал адаптированных мифологических текстов заключается в возможности естественной и многократной актуализации грамматических конструкций, предусмотренных программой HSB 1–2. Ключевыми механизмами выступают контекстная обусловленность грамматики, при которой каждая конструкция вводится как необходимое средство для выражения конкретного смысла; частотность грамматических моделей, обеспечивающая повторение ключевых для начального этапа конструкций; а также грамматическая прогрессия, позволяющая вводить конструкции поступательно с обязательным закреплением ранее изученного материала. Реализация лексико-грамматического потенциала адаптированного текста требует разработки соответствующего методического сопровождения. Эффективная система работы включает три этапа: предтекстовый этап (снятие лексико-грамматических трудностей), текстовый этап (организация чтения с установкой на поиск конкретных грамматических форм или лексических единиц, комментированное чтение с акцентом на функции грамматических конструкций, задания на восстановление деформированного текста) и послетекстовый этап (тренировочные упражнения на подстановку, трансформацию и конструирование предложений по изученным моделям, задания на пересказ с опорой на ключевые слова или грамматические схемы, коммуникативные упражнения).

Будучи воплощением национально-культурной специфики, китайские мифологические тексты в их адаптированной форме представляют собой ценный материал для формирования языковых навыков на начальном этапе обучения.

Список использованных источников

1. Дурыманова, А. Д. Мифы Древнего Китая: четыре свирепых зверя и одна обманщица: упражнения, словарь, грамматические комментарии: уровень HSK 1–3: пособие / А. Д. Дурыманова. – Москва: Бомбора: Эксмо, 2024. – 192 с. – (Читаем на иностранном. Лучший способ выучить язык).

2. Ли, Шуцзюань. Роль адаптированных текстов в обучении китайскому языку на начальном этапе / Ли Шуцзюань, О. В. Дубкова. – Текст: непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 6 (108). – С. 123–128.
3. Москаленко, М. В. Китайский язык: грамматика для начинающих. Уровни HSK 1–2 / М. В. Москаленко. – Москва: Lingua: АСТ, 2024. – 128 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА У СТУДЕНТОВ-МЕЖДУНАРОДНИКОВ

КИСЕЛЁВА Е.В., канд. фил. наук, доцент

Донецкий государственный университет, Донецк, Донецкая
Народная Республика, Российская Федерация

Изучение любого иностранного языка — это сложный процесс взаимодействия двух основных компонентов: преподавателя и студента. К ним добавляется рабочая программа, на основе которой происходит это взаимодействие. Для получения качественно нового результата должны измениться все три составляющие. Одной из главных проблем, с которыми сталкивается преподаватель, является отсутствие у большинства студентов должного уровня мотивации, поскольку, к сожалению, английский язык воспринимается студентами образовательных учреждений как второстепенный предмет. Поэтому одной из задач является формирование у обучающихся мотивации к изучению английского языка. При этом иностранный язык выступает как средство развития коммуникативного компонента информационной культуры студентов в процессе осуществления ими поисковой и исследовательской деятельности по профессиональным вопросам с использованием информационных и коммуникационных технологий, участия в международных онлайн-конференциях и проектах, развития умения работать в группе через компьютерные сети. В настоящее время существует множество методик преподавания иностранных языков. Для достижения наилучшего результата образовательный процесс должен основываться на тщательно продуманном их сочетании. Как правило, предпочтение отдается коммуникативной методике, поскольку она в наибольшей степени удовлетворяет запросы учащихся и расширяет возможности общения.

Следует отметить, что коммуникативный метод подразумевает не только владение базовыми словами и фразами в сочетании со стандартным набором грамматических конструкций, необходимых для поддержания беседы, но и способность применять языковые знания в своей профессиональной деятельности, ориентироваться в публицистических и научных изданиях. Поэтому изучение иностранного языка не должно происходить отдельно от формирования профессиональной компетенции будущего специалиста.

В современной методике преподавания иностранного языка всё чаще за основу берётся опыт предметно-языкового интегрированного обучения CLIL

(Content and Language Integrated Learning). Он позволяет сформировать у учащихся лингвистические и коммуникативные компетенции на неродном языке в том же учебном контексте, в котором у них происходит формирование и развитие общеучебных знаний и умений. Данный метод открывает двери для привлечения всё большей аудитории, изучающей иностранные языки, формирует уверенность молодых людей в своих силах, а также даёт опору тем, кто не был достаточно успешен в изучении языков в традиционной форме [3, с. 325].

Методика CLIL предполагает преподавание ряда основных для студентов предметов на языке международного общения. Это формирует у студентов устойчивую мотивацию к изучению иностранного языка не только как средства коммуникации, но и как необходимого инструмента для освоения будущей профессии. Кроме того, многие учебные заведения используют английский язык на международных конференциях, проводимых в их стенах, что требует высокого уровня владения языком не только от студентов, но и от преподавателей.

К сожалению, на данном этапе внедрение CLIL в учебный процесс сталкивается с рядом проблем. Преподаватели иностранных языков, как правило, не обладают достаточным объемом знаний для преподавания конкретных предметов. Поэтому сегодня образовательные учреждения как никогда нуждаются в высококвалифицированных специалистах, способных читать лекции и проводить практические занятия на двух языках. Кроме того, уровень владения иностранным языком у самих студентов остается довольно низким.

К сожалению, относительно небольшой процент выпускников средней школы способен воспринимать, а затем и говорить на иностранном языке. В сложившихся реалиях необходим постепенный переход к новой методике преподавания, укрепление связей и преемственности образования между школой, средними профессиональными учебными заведениями и высшей школой. На данном этапе развития образовательной системы одной из основных методик в обучении иностранному языку становится использование компьютерных технологий: интернет-сайтов, Skype, электронной почты, блогов и других ресурсов.

Следует отметить, что в настоящее время на самостоятельную работу студентов отводится более 50% от общего количества часов. Правильное дозированное использование интернет-ресурсов, несомненно, является необходимым элементом обучения, а преподаватель в данном случае выступает в роли помощника, первоочередной задачей которого является направить интернет-зависимость студентов в нужное русло.

Интернет-сайты, с одной стороны, расширяют кругозор учащихся, повышают мотивацию к изучению иностранного языка, а с другой стороны,

способствуют развитию навыков чтения, перевода, расширению словарного запаса.

Плюсы данного вида деятельности также заключаются в том, что студент получает возможность её самостоятельной организации в удобное для себя время. Контроль со стороны преподавателя проводится в виде демонстраций презентаций и устного обсуждения различных тем. Такой вид занятий, как правило, пользуется популярностью среди учащихся и отличается высокой результативностью.

Одним из вариантов самостоятельной работы студентов является поиск дополнительной информации в газетах и журналах. Статьи могут также использоваться преподавателем при составлении заданий по чтению и переводу. Среди наиболее известных следует отметить guardian.co.uk, economist.com, news.bbc.co.uk.

В последнее время всё большую популярность приобретает использование видеолекций от носителей языка как на занятиях, так и в самостоятельной работе учащихся. В интернете их существует такое множество, что любой преподаватель может выбрать для своих студентов то, что будет максимально способствовать решению поставленных задач. Например, на videlectures.net представлены видеолекции с конференций и семинаров на любую тематику.

Одним из способов погружения в языковую среду и преодоления языкового барьера является общение с носителями языка онлайн, например, по скайпу. Общение со студентами-ровесниками — один из способов практиковаться в восприятии речи на слух. В настоящее время найти собеседника в сети не составляет большого труда, но, несомненно, приносит огромную пользу.

Общение с носителями языка способствует обогащению словарного запаса учащихся, отработке и закреплению основных грамматических структур. Именно здесь можно узнать о современных выражениях и языковых конструкциях, сленге, которые ещё не были добавлены в словари и учебники.

Несмотря на перечисленные преимущества, интернет, безусловно, никогда не сможет стать полноценной заменой учебникам. Интернет-ресурсы — это лишь один из инструментов, способствующих усвоению материала на занятии, где главная роль, несомненно, принадлежит учителю.

Список использованных источников

1 Еремина Н.В., Кабанова О.В., Терехова Г.В. Опыт лингвокоммуникативной подготовки студентов неязыковых специальностей. Оренбургский государственный университет. 2015 - №2. - С. 47-53.

- 2 Артамонова Л.А., Архипова М.В., Ганюшкина Е.В., Делягина Л.К., Золотова М.Б., Мартыанова Т.В. Инновации в обучении английскому языку студентов неязыковых вузов. Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского. – 2012 - №2. - С. -33.
- 3 Локтюшина Е.А., Сайтимова Т.Н. Предметно-языковое интегрированное обучение как подход к профессиональному образованию. Волгоградский Государственный социально-педагогический. - 2012 - №1. - С. 324-328.

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ПОМОЩЬЮ ЧАТ-БОТОВ НА ОСНОВЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА (КЕЙС-СТАДИ)

КОЛЕСНИКОВА А. А., магистрант кафедры
«Интегративная и цифровая лингвистика»,
РУДЕНКО Е.С., канд. филол. наук, доцент кафедры
«Интегративная и цифровая лингвистика»,
Донской государственной технической университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Необходимость развития иноязычной коммуникативной компетенции возрастает в эпоху глобализации, но нехватка практики становится серьезным препятствием на пути к достижению этой цели. Современные ИИ-инструменты, включая чат-боты, решают эту задачу: они позволяют моделировать аутентичные коммуникативные ситуации в реальном времени, обеспечивая непрерывную тренировку речи и развитие социолингвистической компетентности.

Исследования подтверждают эффективность ИИ-ресурсов для развития разговорных навыков. Сысоев П. В. и Филатов Е. М. отмечают, что чат-боты повышают мотивацию, развивают речевые умения и снижают тревожность в общении [1]. Маленкова А. А., Цинцевич Я. Ю. и Шуркевич Д. У. видят в ИИ инструмент для преодоления языковых барьеров и совершенствования устной речи [2].

Целью настоящего исследования являлось создание персонажа, который будет выполнять роль «спарринг-партнера» в конкретной коммуникативной ситуации общения, которую необходимо отработать обучающемуся, чтобы чувствовать себя уверенно.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: анализ типичных коммуникативных затруднений обучающегося (на примере ситуации «заселение в отель»); проектирование архитектуры чат-бота с элементами геймификации; определение параметров обратной связи и критериев моделирования проблемных ситуаций.

В работе использовались следующие методы: анализ научно-методической литературы по проблеме формирования коммуникативной компетенции; педагогическое моделирование цифровой образовательной среды; проектирование и настройка ИИ чат-бота; метод кейс-стади.

В исследовании рассматривается обучающийся с уровнем английского А2, который испытывает трудности с темой «Checking into a Hotel». Его задача – освоить общение с администратором при заселении и научиться описывать проблемы, возникающие при заселении. Основные затруднения –

растерянность в общении, сильная зависимость от преподавателя (необходимость постоянно уточнять значение слов и способы построения ответов). Взаимодействие с цифровым персонажем должно помочь обучающемуся стать более автономным, развить спонтанную речь и повысить языковую компетенцию.

Для решения поставленной задачи был разработан чат-бот на платформе Character.ai. Созданный персонаж «Администратор» функционирует в рамках заданного сценария «practice hotel check-in role-plays». В описании бота были заданы параметры, соответствующие языковому уровню обучающегося (A2). Кроме того, внедрен специализированный режим «teacher mode». При произнесении фразы «teacher mode» бот переключается из роли администратора отеля в роль преподавателя и даёт обратную связь по грамматике, лексике и речевому этикету. При этом бот намеренно не корректирует каждую незначительную ошибку, что обусловлено необходимостью поддержания учебной мотивации и предотвращения повышения тревожности обучающегося.

Персонажу заданы профессионально значимые характеристики: вежливость, спокойствие, терпеливость и профессиональная этика общения. При активации режима обратной связи бот чётко обозначает смену роли и формат взаимодействия. В обычном режиме диалог строится таким образом, чтобы стимулировать обучающегося к максимально развернутым репликам.

Дополнительно были разработаны критерии моделирования проблемных ситуаций: затруднения должны быть реалистичными, чёткими и краткими, без излишней сложности или драматизации. При затруднениях бот поддерживает обучающегося и помогает найти решение. В параметрах поведения персонажа закреплены ограничения: избегать провоцирования конфликта (кроме случаев, когда это часть учебной задачи), не создавать избыточно эмоционально напряжённых ситуаций и придерживаться реалистичного, лаконичного диалога.

В результате исследования разработана модель ИИ чат-бота – инструмента цифровой педагогической поддержки, объединяющего коммуникативный подход, геймификацию и формирующее оценивание. Его архитектура создаёт безопасную среду для речевой практики, помогает формировать автономность и снижать коммуникативную тревожность. Режим «teacher mode» сочетает свободную практику с корректирующей обратной связью без нарушения естественности общения. Предполагается, что регулярное использование бота увеличит объём самостоятельных высказываний, повысит спонтанность речи, расширит лексический запас и укрепит уверенность обучающегося в типовых коммуникативных ситуациях. Ознакомиться с чат-ботом можно по ссылке: <https://share.character.ai/Wv9R/yo9tq574>

Список использованных источников

1. Сысоев, П.В., Филатов Е.М. Чат-боты в обучении иностранному языку: преимущества и спорные вопросы // Вестник ТГУ. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chat-boty-v-obuchanii-inostrannomu-yazyku-preimuschestva-i-spornye-voprosy> (дата обращения: 11.02.2026).

2. Маленкова А.А., Цинцевич Я.Ю., Шуркевич Д.У. Искусственный интеллект как инструмент преодоления языковых барьеров и развития навыков говорения на иностранном языке // МНКО. 2024. №6 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-kak-instrument-preodoleniya-yazykovyh-barierov-i-razvitiya-navykov-govoreniya-na-inostrannom-yazyke> (дата обращения: 11.02.2026).

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКА ДЕКОДИРОВАНИЯ НЕМЕЦКИХ ТЕРМИНОВ-КОМПОЗИТОВ У СТУДЕНТОВ СТРОИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

МОИСЕЕВА К.М., студентка 1 курса

магистратуры кафедры ИЦЛ

ОСТРИКОВА Г.Н., профессор кафедры ИЦЛ,

доцент, доктор филологических наук

Донской государственной технической университет (ДГТУ)

Кадровый дефицит в строительной области Германии открывает возможности для интеграции российских специалистов в немецкий рынок труда. Однако ключевым барьером остается не общее владение языком, а способность оперативно работать с профессиональной документацией. Проведенный анализ лексики (выборка из 860 единиц по каталогам Knauf, Würth, Hilti, 2023–2025) показал, что доля композитов среди наименований материалов достигает 73,4%, инструментов — 68,7%, технологических процессов — 41,2%. Это подтверждает, что композиты являются ядерным элементом немецкого строительного подъязыка. Современные исследования доказывают, что декодирование композитов — не побочный продукт языковой компетенции, а отдельный навык, требующий системного, стратегически ориентированного обучения [1, 2].

Для того, чтобы теоретически обосновать и верифицировать модель поэтапного формирования навыка декодирования немецких терминов-композигов у студентов-строителей, необходимо описать операциональный состав навыка, разработать типологию упражнений и адаптировать международную модель «Decode-It!» (работы Р. Шнайдера и Т. Хоффмана) под русскоязычную аудиторию.

Декодирование определяется как выведение интегрального значения лексемы из суммы значений ее компонентов с учетом типа семантической связи и контекста. Следует разграничить узнавание (знакомое целое слово), перевод (подстановка готового эквивалента), декодирование (аналитическое конструирование смысла). Навык декодирования включает пять субкомпетенций: сегментационная — членение композита на компоненты; идентификационная — определение правого компонента как ядра (Right-Headedness Rule); интерпретационная — распознавание типа семантических отношений (материал, функция, место и др.); фильтрационная — игнорирование соединительных элементов (-s-, -n-); прогностическая — антиципация сочетаемости на основе частотных паттернов [1, 56 с.].

В данной работе также проведена диагностика трудностей декодирования. Исследование К. Мюллера и Х. Шмидта [1] при выборке у 68

студентов (B2–C1) выявило 5 устойчивых типов ошибок: тип 1 (ошибка ядра) — 67% (у русскоязычных до 81% из-за интерференции родного языка); тип 2 (ошибка сегментации) — 41%; тип 3 (ошибка семантических отношений) — 53%; тип 4 (игнорирование соединительного элемента) — 38%; тип 5 (ложный прогноз) — 29%. Корреляционный анализ показал: наличие соединительного элемента повышает вероятность ошибки на 70%, каждый новый компонент удваивает время декодирования. Для 4-компонентных композитов доля ошибок достигает 78% [1].

Райнер Шнайдер и Томас Хоффманн на основе протоколов «мышления вслух» в своей статье выделяют три стратегии успешных декодеров: сегментация + идентификация ядра (автоматизированный поиск компонентов и фиксация правого ядра); распознавание типа связи (подбор предлога для «распаковки»: *Betonplatte* → *Platte aus Beton*); контекстуальная верификация (проверка гипотезы по тексту). Данные стратегии легли в основу экспериментальной программы «Decode-It!» (24 ак. часа) [3, 94 с.].

Для русскоязычных студентов следует усилить модули по идентификации ядра и работе с предлогами (особенно для отношений цели и носителя свойства). Опираясь на теорию П.Я. Гальперина [4, 14 с.] и программу «Decode-It!», предлагаем четыре этапа: ориентировочно-аналитический (6–8 ч). — упражнения на визуальную сегментацию (*Bewehrungsstab* → *Bewehrung|s|Stab*), подчеркивание ядра, фильтрацию соединительных элементов; семантико-интерпретационный (8–10 ч). — обучение «распаковке» композита в словосочетание с предлогом (используются минимальные пары, например, *Betonplatte* — *aus vs. Betonherstellung* — *von*, множественный выбор предлога, трансформация с объяснением; продуктивно-тренировочный (8–10 ч). — автоматизация через классификацию типов отношений (сортировка, визуальные схемы, подбор композита к дефиниции); интегративно-коммуникативный (в течение семестра). Перенос навыка в чтение аутентичных текстов (технические паспорта, DIN-нормы) с заданиями на восстановление деформированного текста и контекстуальную верификацию.

Навык декодирования немецких терминов-композитов представляет собой сложное поликомпонентное образование. Международные исследования доказывают, что целенаправленное стратегическое обучение значительно эффективнее традиционных лексико-центрированных подходов. Адаптация модели «Decode-It!» под русскоязычных студентов строительных специальностей с акцентом на коррекцию ошибок идентификации ядра и семантических отношений позволяет сформировать устойчивую компетенцию, снизить когнитивную нагрузку при чтении профессиональных текстов и повысить автономность будущих специалистов. Ключевое условие успешности — системность: выделение отдельного содержательного модуля

с четкой структурой, диагностируемыми результатами и минимальной продолжительностью 20–24 часа [3, 90 с.].

Список использованных источников

1. Müller, K., Schmidt, H. (2025). Structural Analysis of German Compound Terms in Construction Engineering Texts. *Journal of Technical Communication and Language Studies*, 12(3), 45–62. - Текст: непосредственный.
2. Weber, A., Fischer, M. (2025). Semantic Relations in German Technical Compounds: A Case Study of Construction Vocabulary. *Proceedings of the International Conference on Language for Specific Purposes, Berlin, June 15–17, 2025*, pp. 112–128. - Текст: непосредственный.
3. Schneider, R., Hoffmann, T. (2025). Developing Decoding Strategies for German Compound Terms in Engineering Education. *Engineering Education Research Journal*, 8(2), 89–104. - Текст: непосредственный.
4. Гальперин П.Я. Лекции по психологии. — М.: КДУ, 2011. — 400 с. - Текст: непосредственный.

INTERACTIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

MOKHOSOEVA, M.N., *Ph.D. in Philology, Associate professor*
Donetsk State University
Donetsk, DPR, Russia

During the crisis moment of the pandemic in education, any available digital tools were used to ensure the continuation of teaching and learning. In the process of organizing the learning process, synchronous and asynchronous learning methods are being implemented, and various online platforms and new communication tools are being tested. In the post-pandemic era, the field of education is acquiring new learning formats and new opportunities. Hybrid formats are emerging, capable of providing equal conditions for both online and offline learning participants [1, p. 97–100]. According to a survey conducted by Gartner in 2020 among more than 8,000 employees from various fields, the online format is not sufficient to achieve maximum learning effectiveness. Online learning is less effective than traditional in-person methods. This is another reason why hybrid learning is coming to the forefront today.

The hybrid format has long been valued for its ability to expand the audience and erase geographical boundaries. In the hybrid format, the instructor functions in two environments: in a physical classroom and a virtual digital learning space. Learning occurs synchronously – both in-person and remotely. Let's consider the factors that will inevitably influence the effectiveness of learning in a hybrid format. All participants in the hybrid format will require continuous work on their own skills of orientation and learning in the digital environment – this includes technological proficiency, independent information seeking, self-motivation, communication building, and mutual support. An instructor working in a hybrid format needs not only pedagogical competencies but also the ability for critical analysis, experimentation, hypothesis generation and testing, effectiveness monitoring, as well as the ability to quickly switch between online and in-person interaction [2, p. 191–196]. It is expected that the hybrid format retains not only the advantages of both in-person and distance learning but also potential risks. However, it is precisely hybrid learning that can not only mitigate the negative impact of the pandemic on educational processes but also lead to a qualitative leap in the education system. It is worth noting that without changes in teaching methodology, merely relying on technology will not qualitatively transform learning.

As a result of using digital technologies, the following conclusions can be drawn: the digital environment must be used for the collaborative formation of

knowledge and socio-emotional engagement. For learning to be student-centered rather than teacher-centered, new pedagogical practices are needed, not just new technologies.

An important educational trend that helps overcome the constantly narrowing specialization and fragmentation of modern knowledge is interdisciplinarity. The trend towards using related disciplines implies the development of independence in planning and carrying out learning activities, the formation of meta-subject competencies, including personal, discursive, linguo-rhetorical, and professional skills. These competencies become the basis for solving problems both in the learning environment and in real life. Currently, English is gaining increasing popularity worldwide. An analysis of the features of the development of the modern global community leads to the conclusion that the popularity of English is caused by a number of objective factors of an economic, social, informational, and cultural nature. The prevalence of English is due to the conditions of economic globalization, commercial and financial integration of states in the process of forming a single international market for goods and services. Concurrently, in the process of forming a global information infrastructure, the world community strives for intercultural integration, driven by the natural course of modern civilization's development. Naturally, language as a means of communication is a necessary condition and the primary tool for realizing this process, and English, in particular, as the international language of communication. One of the main goals of teaching English is the successful realization of students' creative potential for productive activity in the professional sphere [4, p. 48–50].

In the field of foreign language education, artificial intelligence complements traditional methods, contributing to the creative growth of both teachers and students. With the help of artificial intelligence, teachers can provide a personalized learning experience, opening up new opportunities for dynamic and engaging language learning through the creation of an inclusive and adaptive educational environment [3].

References

1. Гладков Э. Л. Развитие информационного обеспечения дистанционно-образовательных технологий в эпоху пандемии // Молодой ученый, 2021. – № 17 (359). – С. 97–100.
2. Гузикова В. В. Обучение английскому юридическому языку в свете инновационных интерактивных технологий в неязыковом вузе / В. В. Гузикова, Г. В. Походзей // Педагогическое образование в России, 2024. – № 6. – С. 191–201.
3. Лаврентьева Н. Г., Орлова Е. В. Методика использования технологии дизайн-мышления на занятиях по иностранному языку в вузе для развития навыков XXI века // Современные проблемы науки и образования, 2024. – №

6.; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?Id=33840> (дата обращения: 25.12.2025).

4. Мишуненкова О. В. Использование обучающих видео в преподавании английского языка в проектной деятельности в вузах // Иностранные языки в школе, 2023. – № 2. – С. 46–52.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

ОРЛОВА Г. С.

*преподаватель кафедры иностранных языков;
Донецкий институт управления - филиал федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации», Донецк, Донецкая Народная
Республика, Российская Федерация*

Под образовательной функцией принято понимать определенную систему знаний, а также определенный уровень развития познавательных способностей и практической подготовки. Содержание общего образования рассматривается обычно как основа базовой культуры личности, как звено, предшествующее профессиональному образованию.

В связи с этим важно, какие именно инструменты будут выбраны для построения этого звена. В данной статье речь пойдет об одном из самых важных инструментов, о тексте

Текст (от лат. *textus* — ткань; сплетение, сочетание) — зафиксированная на каком-либо материальном носителе человеческая мысль; В лингвистике этот термин используется в широком значении, объясняет образцы разных видов речи.

В настоящее время большинство преподавателей придерживаются мнения, что успешное обучение будущих выпускников должно вестись с использованием оригинальной литературы по специальности — это означает возможность в будущем получить интересную работу, уметь понимать специализированную литературу, содержащуюся в ней информацию и использовать ее на благо своей страны.

Специфика экономического текста определяется его информационной насыщенностью, а также присутствием в нем аспектов экономического характера.

Умение понимать чужие и создавать свои тексты является важным доказательством наличия стенов, необходимого лексического запаса.

Кроме того, что текст передает читателю информацию, текст предлагает обучающемуся проблему, которую он должен понять, проанализировать и решить в процессе работы над ним. Решение проблемы подразумевает восприятие текста, его осмысление.

Аутентичный текст содержит соответствующую страноведческую информацию, раскрывает чужую культуру.

Выполнение разнообразных видов заданий в процессе работы с текстом имеет значение для развития разных навыков и компетенций, а также для их формирования в процессе обучения.

С чего начинается работа с текстом? Конечно, с выбора самого текста. Правильно подобрать текст для чтения — значит наполовину обеспечить успех его усвоения и работы с ним. Простой принцип: выбираем текст, который понятен при этом используем следующие критерии:

- Уровень знания языка. Ученики понимают основное содержание.
- Доступность. Содержание должно быть интересным и полезным читающей аудитории.
- Цель. Каждый раз необходимо продумывать, с какой целью читается тот или иной текст.
- Объём. Размер текста и структуру занятия обязательно должны учитываться.
- Возраст. Текст должен быть ориентирован на конкретную возрастную аудиторию. Знания обучающихся могут соответствовать прочитанному.

М. Уэст – выдающийся методист, создатель оригинальной системы обучения чтению, которую называли Reading Method, считает, что основная цель обучения этой системы – развитие умения чтения. Очень полезным является прием «прочти и скажи». Студентам предлагается прочитать отрывок из текста, а затем пересказать этот отрывок вслух, как будто обращаясь к кому-то.

Методисты различают два вида чтения: наблюдательное, при нем читающий концентрируется на каждом слове, и поисковое, так называемое беглое, прочтение, со скоростью чтения 1200 слов в минуту.

Большинство научных статей по экономике, финансам, логистике публикуются на английском языке. Поэтому задача преподавателей английского языка по экономике – научить будущих специалистов не только высказывать и формулировать свои мысли на иностранном языке, а также читать научные статьи, монографии, рефераты, аннотации, доклады и т. д.

При чтении текста на иностранном языке эта проблема является базовой. Сами студенты считают, что основная их проблема при чтении текстов по специальности – незнание лексики.

Проведенные исследования показывают, что около половины студентов могут понять, что означает незнакомое слово, читая новый текст.

Оригинальные тексты, с помощью которых студенты получают информацию об экономической жизни других стран, – очень ценные, т. к. они помогают формировать экономический кругозор, понимать экономические явления, находить решения в практической деятельности.

Умение читать и понимать аутентичные статьи поможет студентам в их будущей исследовательской работе и профессиях, связанных с экономикой и финансами.

Большую роль в освоении экономической терминологии играют заимствования из английского языка. Речь идет о терминах, обозначающих профессии, например: брокер, дилер, провайдер, супервайзер, мечендайзер, а также узкоспециальные: фрилансер, девелопер.

Многие лингвисты считают, что необходимо обучать чтению в несколько этапов: сначала обучаем чтению вслух и затем учим читать про себя. При прочтении вслух срабатывает механическое запоминание. Постепенно, при таком обучении, чтение вслух заменяет чтение про себя. Необходимость проговаривать сходит на нет.

Говоря о цели обучения чтению студентов экономических специальностей в техническом вузе, мы, конечно, подразумеваем необходимость научить студентов читать незнакомые оригинальные тексты про себя без какой-либо помощи, будь то преподаватель или словарь, с определенной скоростью и пониманием.

В реальной жизни, учителя не будет рядом, чтобы помочь своему студенту, и задача учителя состоит в том, чтобы сделать эту помощь ненужной. Необходимо развивать у студентов навыки самостоятельной работы, направленные на поиск и переработку научных текстов по специальности из журналов и интернета.

Список использованных источников

1. Клеменцова Н.Н. Текст в обучении иностранному языку. Вестник МГИМО Университета. – 2012, №5.
2. Рахимбекова Г.О. Функции текста в обучении говорению на иностранном языке в неязыковом вузе. «Путьнауки». - 2014, №10.
3. Лядащева, Е. Д. Экономический текст как особый тип текста / Е. Д. Лядащева. — Текст: непосредственный // Филология и лингвистика. — 2018. — № 3 (9). — С. 29-30. — URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/107/3735>.
4. Савина Т.Т., Шимоторова Н.С. Обучение студентов экономических специальностей чтению про себя аутентичных текстов на английском языке // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 2 [Электронный ресурс]. URL <https://human.snauka.ru/2017/02/21377>

РЕАЛИЯ КАК ВЫЗОВ ПЕРЕВОДЧИКУ И ТЕСТ ДЛЯ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА

**МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
ПОПОВСКАЯ С. В., магистрант**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В современной лингвистике, рассматривающей этнические языки в качестве первичных коммуникативных систем, центральной исследовательской проблемой выступает изучение коррелятивных связей и взаимодетерминации языка и культуры. Истоки данной проблематики восходят к трудам Гумбольдта В., постулировавшего неразрывную онтологическую и функциональную триаду «язык– мышление–культура» [2].

Аксиоматичным является положение о языке как об имманентном условии генезиса и существования культуры, который детерминирует поведенческие модели и культурно-национальный менталитет этноса. Этот менталитет объективируется в специфических для каждой лингвокультуры феноменах – культурно-маркированных реалиях, обусловленных особенностями исторического развития, географического ареала и уникального колорита.

В связи с этим исследование национально-культурного компонента семантики языка фокусируется на лексических единицах-реалиях. Проблема их адекватной трансляции на иной языковой код, возникшая на этапе становления теории перевода как автономной дисциплины, сохраняет свою актуальность в современной переводоведческой парадигме. Общеизвестным в переводоведении является принцип сохранения в целевом тексте специфических черт оригинала, особенно релевантных для культурного контекста. Именно в связи с этой задачей лексические единицы, репрезентирующие уникальные культурные феномены, традиционно классифицируются как безэквивалентная лексика.

Согласно классическому определению Верещагина Е.М. и Костомарова В.Г., к безэквивалентной лексике относятся слова, не имеющие прямых и устоявшихся системных соответствий в языке перевода [3]. Критерием отнесения служит отсутствие в иной лингвокультуре обозначаемого понятия, что исключает возможность однословного эквивалентного перевода. Для передачи таких единиц переводчику приходится прибегать к компенсаторным стратегиям: развернутому

описанию (перифразу), транскрипции/транслитерации или созданию окказиональных неологизмов.

Особую переводческую сложность и научный интерес в рамках специального перевода представляют военно-исторические реалии. Их адекватная передача требует от переводчика не только лингвистической компетенции, но и глубоких экстралингвистических знаний о соответствующей эпохе, военной организации, военной технике и социокультурного контекста [1].

Эти единицы становятся комплексным тестом для профессиональной компетенции переводчика и для любой системы контроля качества перевода (СККП). Трудность их передачи обусловлена двойственной природой: будучи лингвистическими знаками, они одновременно выступают как концентрированные культурные коды, требующие для декодирования и рекодирования выхода за пределы собственно языковой системы.

Процесс перевода реалии представляет собой многоэтапную когнитивную операцию, включающую следующие шаги: идентификацию элемента как культурно-специфичного, анализ его семантического объема и коннотаций в исходном контексте, выбор оптимальной переводческой стратегии (например, транскрипция, калькирование, описательный перевод, подбор функционального аналога) и его обоснование с учетом прагматики текста и норм языка перевода. Каждая из стратегий сопряжена с компромиссом: транскрипция сохраняет формальную идентичность, но может затруднять понимание, тогда как функциональный аналог повышает понятность, но нивелирует культурную специфику.

Таким образом, работа с реалиями наглядно демонстрирует, что перевод является актом межкультурной медиации, а не механической подстановки эквивалентов. Следовательно, эффективная система контроля качества перевода должна оценивать не только лингвистическую корректность, но и культурологическую адекватность, способность текста перевода служить связующим звеном между двумя системами «язык–мышление–культура». Реалия, будучи концентрированным выражением этой триады, выступает ключевым индикатором, позволяющим дифференцировать квалифицированный перевод от пословного транскодирования и определяющим уровень сложности, на котором способна функционировать СККП.

Список использованных источников

1. Бойко, Б. Л. Фронтальные реалии в языковой картине мира принимающей культуры (на материале немецкого перевода романа Д. Гранина «Мой лейтенант») / Б. Л. Бойко. – Текст: электронный // Вестник Московского

университета. Серия 22. Теория перевода. – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frontovye-realii-v-yazykovoy-kartine-mira-prinimayuschey-kultury-na-materiale-nemetskogo-perevoda-romana-d-granina-mou-leutenant> (дата обращения: 08.02.2026).

2. Варнаева, А. Е. Вильгельм фон Гумбольдт и современная лингвистика о языке / А. Е. Варнаева – Текст: электронный // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vilgelm-fon-gumboldt-i-sovremennaya-lingvistika-o-yazyke> (дата обращения: 08.02.2026).

3. Верещагин, Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиен-темы: монография / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Текст: непосредственный //– Москва: Директ-Медиа, 2014. – 509 с. – ISBN 978-5-4475-3621-3.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКИХ ЗООНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОЯЗЫЧНЫМ СТУДЕНТАМ- ПЕРЕВОДЧИКАМ

МЕЛИКЯН А. А., канд. филол. наук, доцент,
РЯБЦЕВА Е. С., студент бакалавриата

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования (ФГБОУ ВО)
«Донской государственной технической университет»,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

В условиях активного расширения двусторонних российско-китайских контактов и роста потребности в качественных услугах перевода возрастает значение глубокого изучения особенностей межъязыкового взаимопонимания. Одним из важнейших аспектов, затрудняющим эффективное общение представителей двух культур, являются различия в образно-фразеологической картине мира, проявляющиеся, в частности, в особом характере зоонимических фразеологизмов китайского языка. Поскольку подобные выражения имеют ярко выраженную национальную окраску и требуют глубоких лингвокультурных знаний, возникает острая необходимость в создании эффективных методик их преподавания будущим специалистам-переводчикам.

Китайские зоонимические фразеологизмы, в силу своих лингвистических и культурных особенностей, могут представлять большую трудность при переводе русскоязычными студентами-переводчиками. Например, китайский фразеологизм *狗尾续貂* – дословно *собачий хвост продолжает хризантему* означает продолжение дела менее качественно, чем начало, и при этом, конечно, звучит непривычно для русскоговорящей аудитории. Таким образом, одной из главных проблем является правильное восприятие переносного значения фразеологизма.

Проводимая работа посвящена разработке эффективной методики преподавания китайских зоонимических фразеологизмов русскоязычным студентам-переводчикам. В ее рамках анализируются причины сложностей, возникающих при изучении данного типа фразеологических единиц, рассматриваются существующие учебные пособия и предлагаются практические рекомендации по проведению занятий. Приведен опыт экспериментальных уроков, направленных на закрепление навыков распознавания и правильного употребления зоонимических фразеологизмов в различных контекстах.

Студентам-переводчикам предлагается комплекс упражнений, направленных на формирование устойчивого навыка узнавания и воспроизведения фразеологизмов. Это включает работу с визуальным материалом, создание учебных ситуаций для применения изученных фразеологизмов в реальной жизни, просмотр видеоматериалов с последующим обсуждением и написание творческих заданий на тему использования зоонимических фразеологизмов.

В рамках исследования был проведен эксперимент, в котором приняла участие группа студентов-переводчиков со средне-продвинутым знанием китайского языка. Экспериментальная группа была сформирована из 10 студентов 4 курса, которым были предложены специально разработанные задания на изучение и применение определенного набора китайских зоонимических фразеологизмов, используемых в разных контекстах. Студенты продемонстрировали значительное улучшение навыков распознавания и использования зоонимических фразеологизмов в письменных и устных заданиях. Применение игровых форматов позволило повысить мотивацию студентов и сделать занятия увлекательными и продуктивными.

В ходе проведенного исследования была разработана и апробирована методика преподавания китайских зоонимических фразеологизмов русскоязычным студентам-переводчикам. Полученные результаты показали высокую эффективность предложенных приемов и упражнений, способствующих лучшему пониманию и правильному употреблению данных выражений. Опыт экспериментальной группы подтвердил возможность существенного улучшения компетенций студентов в области межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. Готлиб, Г.М. Китайско-русский словарь фразеологизмов / Г.М. Готлиб. – Москва: Восточная книга, 2010. — 456 с.
2. Ли, Цзиньхуа. Китайские фразеологизмы и культура Китая. Шанхай: East China Normal University Press, 2023. 210 с.
3. Хань Юэминь. Преподавание китайского языка иностранцам. Пекин: Foreign Language Teaching and Research Press, 2024. – 420 с.

О КЛЮЧЕВЫХ МЕТОДИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

СЕРЕДА В.В.

старший преподаватель

Донецкий институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

Вопросы, связанные с принципами обучения, занимают особое место в дидактике, психологии и методике — именно здесь наблюдается наибольшее число противоречий и разночтений. В то время как общие дидактические принципы задают базовые ориентиры, методические принципы позволяют глубже раскрыть специфику преподавания иностранного языка. Среди ключевых методических принципов выделяют: коммуникативную направленность; учёт особенностей родного языка; взаимосвязанное обучение всем видам речевой деятельности; функциональность; устное опережение; аппроксимацию и др.

Конкретный набор принципов варьируется в зависимости от избранного подхода к обучению. Е. И. Пассов акцентирует внимание на наиболее значимых и дискуссионных из них. Основные принципы:

Принципы устной основы и устного опережения. Их обоснование базируется на естественном ходе освоения языка: устная речь исторически предшествует письменной, а в процессе овладения родным языком человек сначала учится говорить и понимать на слух. Письменная речь рассматривается как фиксация устной, поэтому приоритетным считается развитие навыков говорения и аудирования — это создаёт базу для последующего освоения чтения и письма.

Принцип комплексности. Он предполагает не просто параллельное освоение четырёх видов речевой деятельности, а их взаимовлияние при попеременной ведущей роли каждого вида на разных этапах обучения. Именно взаимодействие навыков, а не их изолированное развитие, составляет суть комплексности.

Принцип учёта родного языка учащихся. В этом вопросе существуют противоположные позиции: сторонники прямого и натурального методов выступают за исключение родного языка из процесса обучения; другие методисты предлагают опираться на родной язык; третья группа отстаивает умеренный подход — учёт родного языка без его доминирования.

Принцип синтетичности усвоения, предложенный Г. Пальмером. Его суть — в интуитивном освоении языкового материала без детального анализа и перевода. Ключевой элемент — интенсивное аудирование, которое побуждает учащегося воспринимать язык как целостную систему.

Принцип программирования коммуникативной деятельности в упражнениях, разработанный А. П. Старковым. Он включает: отбор языкового материала для упражнений; подбор упражнений с учётом этапа обучения; соблюдение принципа «одной трудности»; моделирование реальных ситуаций с использованием наглядности.

Принцип единства и разнородности целей и путей обучения, по трактовке П. Б. Гурвича. Этот принцип подчёркивает, что конечная цель, например, использование слов в речи, не исключает работы с изолированными элементами (отдельными словами). Аналогично, рецептивное владение языком может достигаться через репродуктивные и продуктивные упражнения.

Принципы взаимодополнения (четыре пары): произвольное и непроизвольное; осознанные и автоматизированные действия; заученное и творческое; направляемые и свободные действия.

Все рассмотренные принципы образуют единую систему: они взаимосвязаны, взаимообусловлены и дополняют друг друга. Это совокупность положений, определяющих стратегические ориентиры обучения. Следовательно, эффективная реализация коммуникативного подхода к преподаванию иностранных языков и иноязычной культуры требует системного соблюдения всех указанных принципов.

Список использованных источников

1. Теория и практика эксперимента в методике преподавания иностранных языков: (спецкурс) / Н. Б. Гурвич; ред. Р. К. Шуман; М-во просвещения РСФСР, Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского. – Владимир: ВГПИ, 1980. – 104 с.
2. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению / Е. И. Пассов. - 2-е изд. - Москва: Просвещение, 1991. — 223 с.
3. Пассов Е.И. Методология методики: теория и опыт применения: Избранное / Е. И. Пассов. – Липецк: ЛГПУ, 2002. – 228 с.

ИИ-ТЮТОР КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

ТУРЯНСКАЯ С. А.

РУДЕНКО Е. С., доцент, кандидат филологических наук
Донской государственной технической университет (ДГТУ)

В условиях цифровой трансформации образовательной среды системы искусственного интеллекта всё активнее проникают в сферу преподавания иностранных языков. ИИ-тьютор, система, использующая технологии обработки естественного языка, адаптивные алгоритмы и генеративные модели, выступает перспективным инструментом персонализации обучения [1, с. 235]. Традиционные методы обучения иностранным языкам, как правило, ориентированы на группу обучающихся со средним уровнем подготовки. ИИ-тьюторы потенциально способны восполнить этот пробел. Исследование направлено на комплексный анализ перспектив и ограничений использования ИИ-тьюторов как инструмента персонализации обучения иностранным языкам. Для достижения этой цели сформулированы следующие задачи: выявление ключевых преимуществ ИИ-тьюторов в процессе обучения иностранным языкам, определение факторов, ограничивающих возможность полной передачи процесса обучения ИИ-системам, а также формулировка рекомендаций по их интеграции в образовательную практику.

В ходе работы были выделены следующие перспективы использования ИИ-тьюторов в обучении иностранным языкам:

1. *Индивидуализация образовательных траекторий.* ИИ-тьютор взаимодействует с каждым обучающимся индивидуально, определяя уровень владения языком и непрерывно корректируя сложность заданий. Генеративные модели создают контекстуально релевантные диалоговые сценарии, моделируя ситуации, приближенные к реальной коммуникации, адаптируя лексический состав и темп речи под конкретного пользователя [2, с. 34].

2. *Повышение мотивации и снижение аффективного барьера.* Быстрая обратная связь и визуализация прогресса поддерживают внутреннюю мотивацию. ИИ-тьютор создаёт психологически комфортную среду, в которой обучающиеся проявляют большую готовность экспериментировать с языком и учиться на ошибках [3, с. 280].

3. *Доступность.* ИИ-тьюторы доступны круглосуточно, не требуют предварительной записи и, как правило, значительно дешевле услуг репетитора.

4. *Формирующее оценивание.* Система осуществляет непрерывное отслеживание динамики усвоения материала, позволяя выявлять типичные паттерны ошибок и прогнозировать результаты обучения [4, с. 103].

Также был определён ряд факторов, ограничивающих возможность полной передачи процесса обучения иностранным языкам ИИ-тьюторам:

1. *Ограниченность социокультурной компетенции.* ИИ-системы не способны в полной мере моделировать социальный контекст, невербальные сигналы и культурно обусловленные коммуникативные стратегии. Формирование межкультурной компетенции требует взаимодействия с реальными носителями языка [5, с.10].

2. *Достоверность контента.* Генеративные модели могут предлагать некорректные переводы, несуществующие грамматические правила и ошибочные культурологические сведения [6, с.35].

3. *Этика и конфиденциальность данных.* Работа ИИ-тьютора предполагает сбор персональных данных для дальнейшего обучения модели, которые могут быть применены для генерации ответов на запросы других пользователей.

4. *Алгоритмическая предвзятость,* которая проявляется в стереотипных представлениях о языке и культуре и навязывании доминирующих языковых норм [7, с. 28].

На основании проведённого анализа сформулированы следующие рекомендации. ИИ-тьютор должен рассматриваться как дополнительный инструмент в рамках гибридной модели обучения, где преподаватель сохраняет ключевую роль. Разработчикам следует сосредоточить усилия на минимизации риска «галлюцинаций» путем внедрения соответствующих директив безопасности. Образовательным организациям рекомендуется внедрять программы подготовки для преподавателей, направленные на освоение навыков работы с ИИ-системами и методами промпт-инжиниринга. Особое внимание должно быть уделено созданию регламентов, обеспечивающих конфиденциальность персональных данных обучающихся. Обучающимся следует использовать ИИ-тьютор как вспомогательный тренажер для регулярной практики, не допуская слепого доверия технологическим решениям в ущерб развитию собственного критического мышления.

Список использованных источников

1. Пестов, В. В. ИИ-тьютор для персонализированного обучения в современной школе / В. В. Пестов, Д. А. Москвин // *Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2025)*. – 2025. – С. 230-251. – Текст: непосредственный.

2. Бигулов, А. К. Экспериментальное применение методики гиперинтенсива для вхождения в разговорную практику немецкого языка только во взаимодействии с ИИ-тьюторами / А. К. Бигулов // Филологические науки в МГИМО. – 2025. – Т. 11. – №. 3. – С. 24-54. – Текст: непосредственный.

3. Гузеева, С. В. Языковые психологические барьеры и компетенции преподавателя по их преодолению в процессе изучения английского языка студентами юридического вуза / С. В. Гузеева // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 3. – С. 277-286. – Текст: непосредственный.

4. Паскова, А. А. Возможности интеграции технологий генеративного искусственного интеллекта в процессы формирующего оценивания в высшем образовании / А. А. Паскова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2024. – Т. 16. – №. 2. – С. 98-109. – Текст: непосредственный.

5. Антонова, Н. А. Иноязычная коммуникативная компетентность и ее составляющие / Н. А. Антонова // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13. – №. 4. – С. 1-17. – Текст: непосредственный.

6. Маджумдер, М. Ш. Причины искажения контента: анализ и классификация галлюцинаций в больших языковых моделях / М. Ш. Маджумдер, Д. Д. Бегунова // Искусственный интеллект и принятие решений. – 2024. – №. 3. – С. 32-41. – Текст: непосредственный.

7. Баксанский, О. Е. Этика искусственного интеллекта: сбалансированный подход к развитию и применению / О. Е. Баксанский, С. Г. Сорокина // Общество: философия, история, культура. – 2025. – №. 1. – С. 23-33. – Текст: непосредственный.

INNOVATIVE POSSIBILITIES OF INTERNET RESOURCES IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

USACHEV V. A., *Ph.D.*,

FSBEI HE "Donetsk national university of economics
and trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky",
Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

Learning a foreign language, as one of the most dynamic subjects, requires teachers to pay close attention to the use of modern, innovative technologies. In today's society, it's hard to imagine someone who doesn't utilize modern technology [1]. The use of the latest information technologies, particularly those available online, is undoubtedly essential for studying foreign languages at university.

Recently, the role of the language teacher has been transformed, and the understanding of their functions in the educational process is shifting. Teachers are becoming organizers, consultants, and experts in their students' independent work. This necessitates a search for more effective teaching methods that would favorably impact the motivating, monitoring, and systematizing functions of the educational process in today's realities. The need to use innovative computer-based teaching technologies and a variety of educational programs is driven by the need to meet the demands of today's students, who are equipped with knowledge of advanced technologies and skills in working with information technology tools [2, p. 326].

Despite the university's library stocking a large number of textbooks and teaching aids on the subjects studied, it is not always able to offer students literature on the specific topics covered. This contributes to the need to seek alternatives for access to an accessible and relatively inexpensive source of information, which the internet has undoubtedly long since become. Students' work with materials found online can be multifaceted. On the one hand, they provide additional material for preparing assignments, while on the other, they offer ready-made lessons, divided by level and area of study, which are constantly updated with new, useful information. Each lesson is accompanied by vocabulary and grammar exercises, as well as communicatively focused exercises. Communicative tasks are based on contemporary issues, requiring students not only to possess a foreign language but also to be able to use conceptual frameworks, connecting the problems of the modern world and the challenges of specialized education with the daily life of modern society, its needs, and its objectives. For each specialization, electronic mini-dictionaries have been developed, with the goal of assimilating as much educational material as possible [3, p. 609].

Online learning can be interactive, as students can communicate with each other, conduct video conferences, and quickly receive assistance from their instructor. Using online resources significantly reduces the use of paper sources, simplifies knowledge assessment, and facilitates the dissemination of educational materials among students.

Analysis of a variety of online educational resources makes it possible to direct students' activities toward specific sites that provide information on preparing any type of creative or independent assignment. Listening plays a special role in working with such electronic resources. This includes not only selecting speech passages on a given topic, but also specialized textbook texts and various courses accompanied by audio recordings of native speakers, as well as the ability to view the texts being listened to and view thematic dialogues with native speakers of the target language. It should be noted that, if sufficient time is allocated for foreign language instruction, such resources can also be used for classroom learning. Experience shows that the use of innovative Internet technologies for studying specialized vocabulary on specific topics significantly increases student motivation and facilitates their assimilation of course material. It is also clear that the use of innovative electronic resources positively influences students' ability to abstract, their ability to formulate an internal plan of action, and their ability to express their point of view and conduct dialogue in the target language [4, p. 134].

Drawing conclusions, let us say that the key goal of teaching is to create the potential to use the language as an engine for intercultural communication in the spheres of being. The extend gap among the knowledge required for studying and the chance to employ it can be bridged by developing students' cognitive transaction and their ability to independently regulate the act of acquiring new cognition. This is a priority in the frame of refining occupational formation.

The problems of applying internet course in learning lies in expand skills for their effectual use within the scope of the elaborate process. This marks that it is essential to seek relevant frameworks for practical amalgamation that enable the integration of the syllabus with the actual pedagogical scope, as the internet is a rich root of potential educational resources offering a goal on-line studying toolkit that guarantees the restructuring of all language abilities: reading, writing, listening, and speaking.

References

1. Gershunsky, B.S. Philosophical and methodological foundations of the strategy for the development of education in Russia. / Ed. Gershunsky B.S. - M.: ITP and MIO RAO, 2005. - 289 p.

2. Erenchinova, E.B. Using the Internet in Teaching a Foreign Language [Text] // Innovative Pedagogical Technologies: Proceedings of the International Scientific Conference (Kazan, October 2014). - Kazan: Buk, 2014. - P. 326.
3. Sokolova, E.Y. Analysis of the Potential of Internet Resources in Teaching a Foreign Language // International Journal of Applied and Fundamental Research. - 2015. - № 5. - P. 609.
4. Yakusheva, E.G. Development of educational strategies for mastering foreign language vocabulary based on educational Internet resources // Current issues of Germanic, Romance and Russian studies: materials of the annual international conference. – Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2018. - Part II. - P. 134.

MONITORING THE ACADEMIC ACTIVITIES OF CORRESPONDENCE STUDENTS STUDYING A FOREIGN LANGUAGE

USACHEVA G. M., *Ph.D., Associate Professor*

Donetsk Institute of Management - branch of the Federal State budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation

Monitoring of the academic performance of part-time students at a university typically occurs during academic sessions held twice a year. During these sessions, current, midterm, and final assessments of student knowledge, tests, and exams are administered. These assessments are conducted using essentially the same methods as those used for full-time education, but are more intensive, as they are focused on a short period during the current session [1].

All of the main work of part-time students on the curriculum and their preparation for tests and exams occurs between sessions. During independent work, part-time students typically accumulate a large number of questions that they wish to clarify during the session. Therefore, during the session, the relevant department is required to be especially attentive to these students, as well as to organize individual consultations well. Since instructors are typically unable to directly observe students' independent work for most of the year, a particularly thorough and objective approach to assessing the knowledge of each part-time student is required [2]. In face-to-face instruction, the teacher introduces the material, and students perceive and respond to it in various ways—that is, external feedback is provided. The teacher, evaluating the content of the student's response, determines the discrepancy between the received answer and the standard and, based on this, draws a conclusion about the student's successful assimilation of the acquired knowledge. The teacher also has the opportunity to decide which information should be expanded upon and which may be superfluous; that is, based on feedback, they can adjust the flow of information they directly introduce. The situation is different in correspondence education, where the teacher does not receive constant external feedback, since the number of hours for introducing and reinforcing information is limited and the teacher cannot accurately assess the degree of information assimilation by each student. Therefore, the teacher cannot directly adjust the instruction. Consequently, the teacher must consider in advance the possible different reactions of students, as their levels of foreign language proficiency vary, and must also find ways to more rationally introduce the educational material [3, p. 99].

Experience shows that reviewing written assignments, papers, and tests allows faculty members in the Department of Foreign Languages to, to a certain extent, monitor the quality of part-time students' independent work. Their comments, advice, and recommendations also provide significant assistance to the part-time students themselves.

Sometimes, assignments that are too extensive in content, as part of a particular session's topic, limit students' ability to demonstrate their independence. Their written work is often superficial, and sometimes heavily borrows from printed or online sources. Therefore, the topics of submitted papers must be carefully reviewed, leading to further refinement [4, p. 58].

To ensure ongoing monitoring of part-time students' progress, the Department of Foreign Languages seeks additional means of communication with them between sessions, including correspondence with students, distance consultations based on individual student requests or at the department's initiative, and other forms of work. Long-term experience shows that assessment methods used in distance learning correspond to the conditions and characteristics of the distance learning system and facilitate the preparation of future specialists proficient in the target foreign language. On state examinations, distance students demonstrate approximately the same level of knowledge as full-time graduates, and they correctly link theoretical concepts with practical work [5].

In conclusion, it should be noted that when organizing the educational activities of distance students at a university, the specific features and characteristics of distance learning must be taken into account. These features include ensuring equivalence in the training of specialists in full-time and part-time education, as well as considering the work capacity and time budget of distance students, and the economic and pedagogical effectiveness of distance learning.

References

1. Abbasov, Z.A. Activation of the cognitive activity of correspondence students when completing independent homework: Diss. of Cand. Sci. - L.: Nauka 1987. - 183 p.
2. Andreev, A.A. Applied Philosophy of Open Education: Pedagogical Aspect / Andreev, A.A., Soldatkin, V.I. - M.: RIC "Alpha" MGOPU named after M.A. Sholokhov, 2002. - 168 p.
3. Vergun, T.V. Innovative Teaching Tools in the Higher Education System // Modern Science-Intensive Technologies. - 2008. - № 8. - P. 99.
4. Garafutdinova, G.R. Model of Formation of Professional Competence of University Graduates // Fundamental Research. - 2008. - № 5. - P. 58.
5. Isaev, I.F. Professional and Pedagogical Culture of the Teacher. – M.: Academy Publishing Center, 2002. - 208 p.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ ПОДГОТОВКИ ПЕРЕВОДЧИКОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Филатова Е.В., д-р филол. наук, доцент,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Донецкий государственный университет», Донецк,
Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

За последние десятилетия обучение переводу в университетах претерпело масштабные изменения – они обусловлены переосмыслением роли и функций переводчика в современном мире. Теоретические концепции, лежащие в основе вузовской переводческой подготовки, отличаются друг от друга путями развития и используемыми методическими инструментами.

1. Традиционный (лингвистический) подход к переводу [2] трактует перевод как строго системный процесс сопоставления двух языковых систем – исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). Его ключевая задача – поиск эквивалентов на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, грамматическом, стилистическом. В центре внимания – точность передачи смысла, грамматическая корректность и максимально возможное сохранение стилистических особенностей оригинала. Подход исходит из представления о переводе как о «перекодировании» текста с одного языка на другой при соблюдении норм ПЯ. В рамках данного подхода применяются следующие методы и упражнения: пословный и предложенческий перевод с последующим детальным анализом ошибок; лексико-грамматические упражнения, нацеленные на закрепление конкретных переводческих техник; сопоставление языковых структур ИЯ и ПЯ; работа с переводческими ресурсами.

Сильные стороны: формирование фундаментальных знаний, развитие точности и грамотности, систематизация языковых знаний, прозрачность критериев оценки.

Слабые стороны: риск механичности, недостаточный учёт прагматики, слабая ориентация на реальные условия, ограниченная жанровая гибкость, недооценка социокультурного контекста, недостаток развития креативности.

2. Функциональный подход к переводу (перевод как деятельность) [1] трактует перевод не столько как механическое сопоставление языковых систем, сколько как целенаправленную коммуникативную деятельность, встроенную в социокультурный контекст. В его основе лежит представление о том, что перевод решает конкретную коммуникативную задачу, ориентирован на потребности целевой аудитории, учитывает функциональные параметры текста, предполагает активную роль переводчика как медиатора между культурами и коммуникативными

ситуациями. Ключевой принцип – «цель определяет средства»: выбор переводческих решений подчиняется заданной функции текста в новой языковой среде. При этом точность передачи формальных элементов оригинала может уступать место адаптации, если это требуется для достижения коммуникативного эффекта. В рамках функционального подхода используются следующие методы и инструменты: анализ переводческого задания, практика перевода с учётом жанрово-функциональной специфики, освоение разных видов переводческой деятельности, формирование редакторских компетенций, использование компьютерных инструментов.

Сильные стороны: практическая направленность, развитие адаптивности, учёт прагматических факторов, повышение конкурентоспособности, акцент на роли переводчика, интеграция технологий.

Слабые стороны: риск потери точности, высокие требования к преподавателю, трудоёмкость обучения, сложность систематизации материала, зависимость от контекста, необходимость междисциплинарных знаний.

3. Когнитивно-переводческий подход [3] представляет собой синтез когнитивной психологии и переводоведения, рассматривая перевод как многоуровневый ментально-деятельностный процесс. В его основе – понимание перевода не просто как языковой трансформации, но как сложной когнитивной деятельности, включающей восприятие исходного текста, семантическое и прагматическое осмысление, поиск и оценку переводческих решений, продуцирование текста на ПЯ. В рамках данного подхода применяются следующие методы и техники: анализ мыслительных процессов переводчика, развитие навыков решения переводческих проблем, когнитивные упражнения, изучение роли интуиции и креативности, метопознавательные техники.

Сильные стороны: глубокое понимание природы переводческой деятельности, развитие критического мышления, подготовка к нестандартным задачам, основа для инновационных методик обучения, междисциплинарный потенциал.

Слабые стороны: относительная новизна подхода, сложность практической реализации, потенциальная абстрактность, ресурсоёмкость, трудности оценки результатов, зависимость от индивидуальных особенностей обучающихся.

В условиях нарастающей сложности глобального информационного пространства, изоляционное применение рассмотренных концепций оказывается недостаточным. Перспективным видится создание и развитие интегрированных, гибких и динамичных образовательных моделей.

Список использованных источников

1. Сдобников, В. В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник / В. В. Сдобников, К. Е. Калинин, О. В. Петрова. – Москва: ВКН, 2019. – 512 с. – Текст: непосредственный.

2. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Фёдоров / – Москва: ООО «Издательский Дом „ФИЛОЛОГИЯ ТРИ“», 2002. – 416 с. – Текст: непосредственный.

3. Хайруллин, В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода / В. И. Хайруллин / диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.20. – Москва, 1995. – 355 с. – Текст: непосредственный.

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Чернушич А.Е., ст. преподаватель

Донецкий институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Донецк, Донецкая Народная Республика, Российская Федерация

Обучение устной речи профессиональной направленности представляет собой важный элемент подготовки специалистов в условиях быстро меняющегося рынка труда. Цель данной работы заключается в исследовании наиболее эффективных средств, способствующих формированию устной коммуникации в профессиональной среде. Проблема заключается в недостаточной разработанности и внедрении практических методик, ориентированных на специфические требования различных профессий, что может негативно сказаться на конкурентоспособности выпускников.

Актуальность темы обусловлена необходимостью адаптации образовательных программ к современным условиям, где устная речь играет ключевую роль в успешной профессиональной деятельности и становится ключевым фактором успеха специалистов, позволяя эффективно вести переговоры, презентации и деловые встречи в многонациональных командах.

Улучшению навыков устной коммуникации в профессиональной сфере и повышению уровня практической подготовки обучающихся способствует моделирование и применение в процессе обучения коммуникативных ситуаций реального общения, которые возникают в разных сферах жизни и касаются различных тем. Однако моделирование таких ситуаций далеко не всегда находит своё реальное воплощение из-за отсутствия речевых образцов.

Вопросом создания учебных коммуникативных ситуаций занимались многие ученые, однако никто доступнее В.А.Артемова не сформулировал компонентный состав учебной коммуникативной ситуации, анализируя коммуникативные признаки речевых поступков: "... для сценической актуализации речевого поступка важно учитывать: кто, кому, что, зачем, в каких обстоятельствах и с каким отношением сообщает (предписывает, предлагает и т.п.)" [1, с. 78].

Моделируя ситуации следует помнить, что даже близко естественная речевая ситуация в аудиторных условиях всегда в определенной степени

будет искусственной. Поэтому преподаватель должен сам организовывать речевой контакт студентов предлагая, в качестве речевой поддержки, ключевые слова, речевые образцы, тексты, составленные из незаконченных предложений, иногда - полные тексты диалога или монолога.

Существуют различные виды ситуаций относительно этапов формирования речевых умений. Прежде всего, это стимулирующие ситуации, которые побуждают к общению, демонстрируют практическую значимость знаний и речевых умений по языку и представляют собой различные реальные истории из жизни.

Дублирующие ситуации, с помощью которых создается сфера реальной коммуникации, имеют целью быстрое воспроизведение примера, который является эталоном для построения ему подобных.

На этапе закрепления целесообразнее использовать ситуации на замену. Этот вид предполагает овладение учащимися новыми грамматическими конструкциями, где важным предстает изменение логического наполнения предложенной грамматической конструкции, то есть подстановка других лексических единиц в образце, который отрабатывается.

На этапе генерализации используются преобразовательные учебно-речевые ситуации. Целью их является правильное использование в одной и той же конструкции различных грамматических форм и умение заменять одну грамматическую единицу в конструкции на другую.

На последнем этапе переключения с модели на модель используются комбинированные учебно-речевые ситуации, которые предполагают сочетание нового материала и ранее изученного.

Создавая проблемные ситуации, преподавателю нужно учитывать соответствие задач уровню имеющихся знаний студентов, избегать стереотипности, отражать реальные ситуации профессиональной деятельности, правильно выбирать соответствующую тему.

Таким образом, мы видим, что широкое моделирование коммуникативных ситуаций, как эффективный методический прием, дает возможность преподавателю обеспечить высокое качество и эффективность формирования коммуникативно-речевых умений и навыков иностранного профессионально ориентированного общения так необходимых для подготовки будущего специалиста к продуктивной речевой деятельности в профессиональной среде.

Перспективы применения данного методического приема предполагают адаптацию к требованиям глобального рынка труда, что, в свою очередь, позволит повысить конкурентоспособность выпускников. В итоге, результаты данного исследования могут служить основой для дальнейшего совершенствования образовательных программ в области устной речи профессиональной направленности.

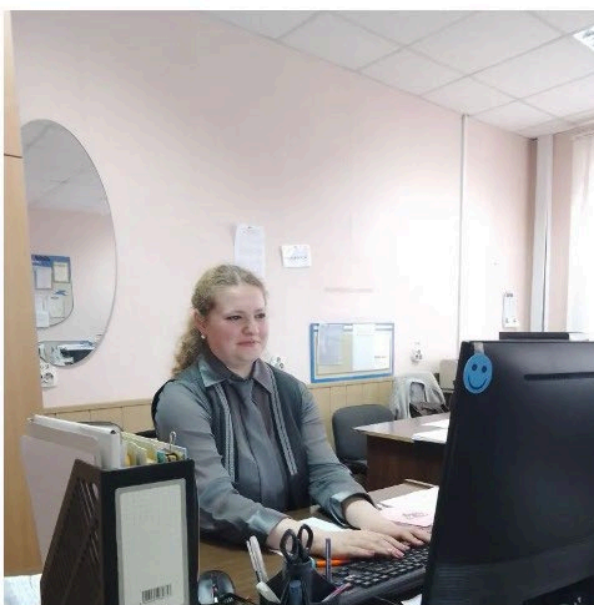
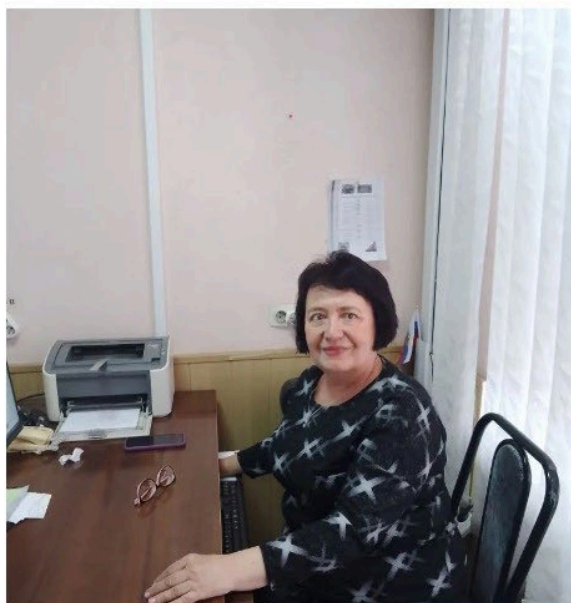

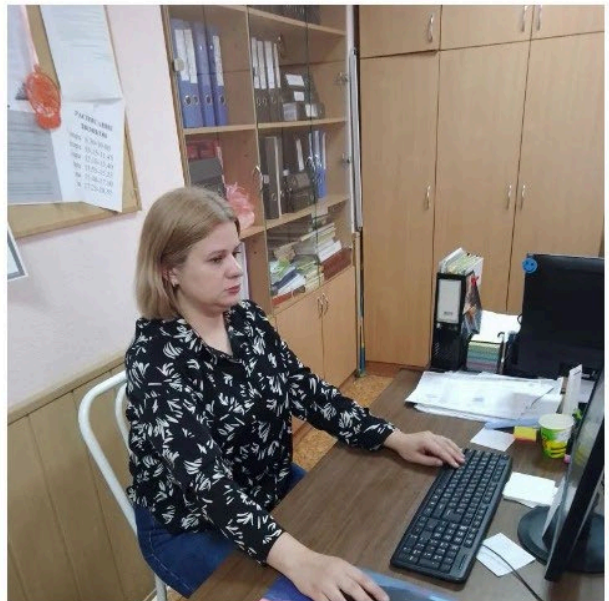
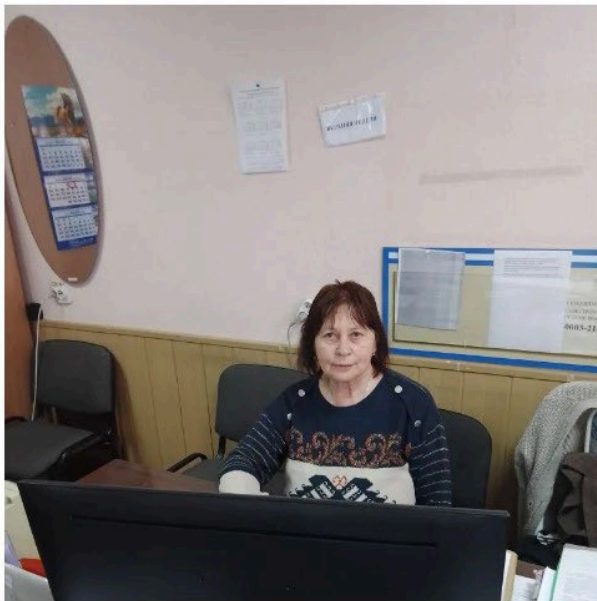
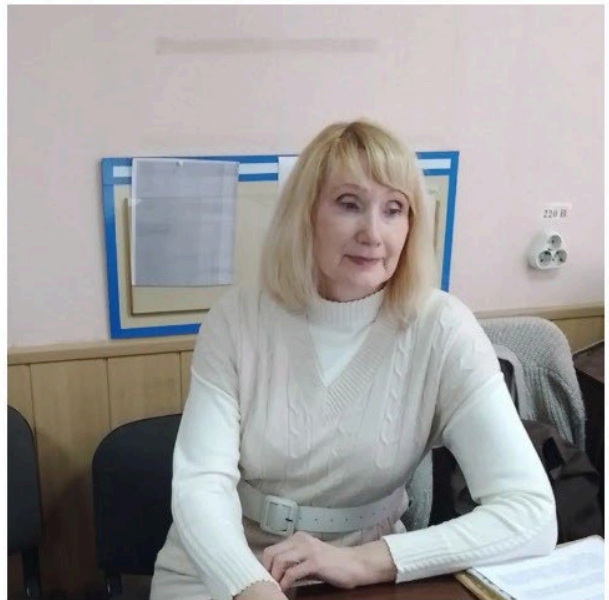
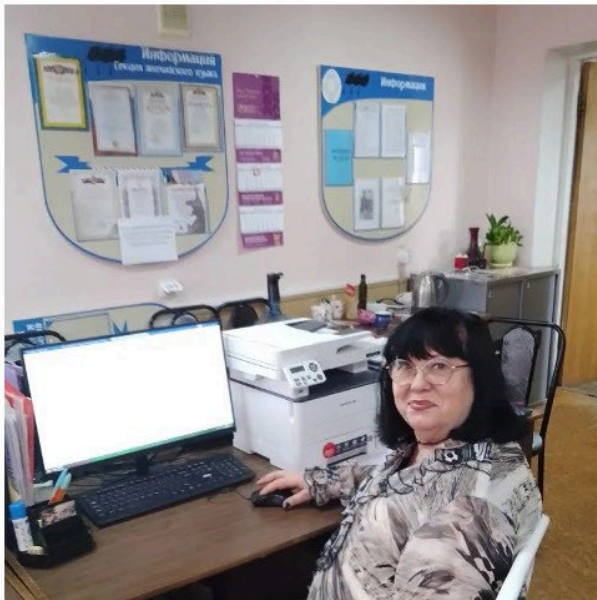
Список использованных источников

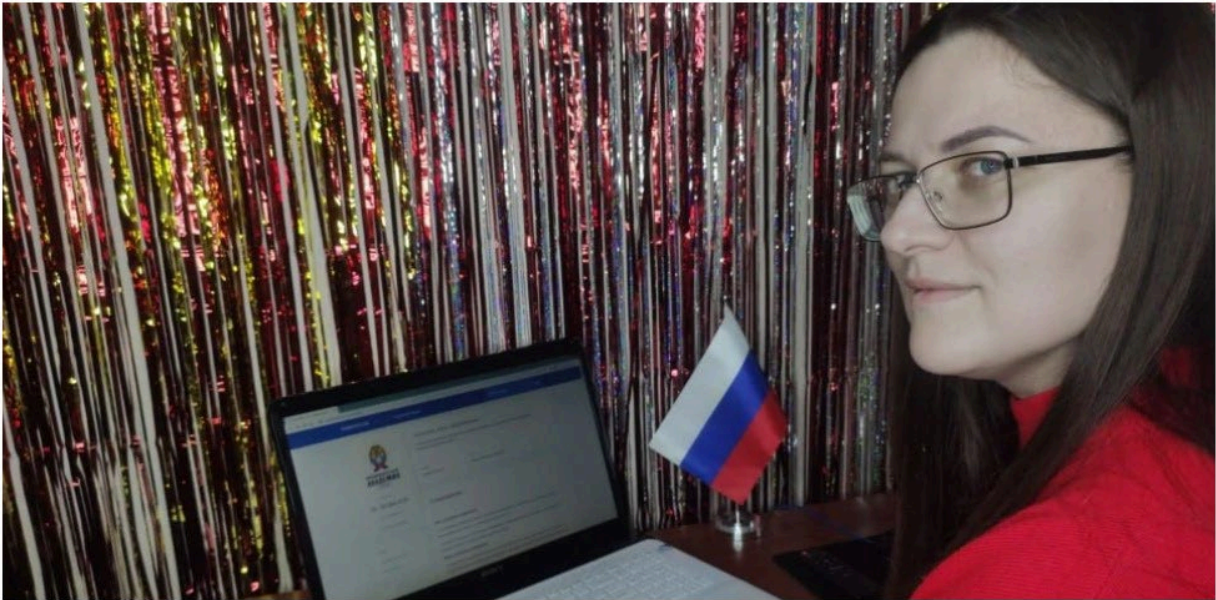
1. Артемов. Л.В. Педагогика и методика высшей школы: учебно-методическое пособие для преподавателей, аспирантов, студентов магистратуры/ Л.В. Артемов /– К.: Кондор, 2008-272 с. – Текст: непосредственный.
2. Зимняя, И. А. Лингвопсихология речевой деятельности: избр. психол. труды / И. А.Зимняя / – Москва.: Изд-во Москва. психол.-социального ин-та; Воронеж: МОДЕК, 2021. (Психологи Отечества). – 432 с. – Текст: непосредственный.
3. Матюшкин, А.М. Проблемные ситуации в мышлении и обучении / А.М. Матюшкин / –М.: Педагогика, 1992. - 208 с. – Текст: непосредственный.

ФОТОГАЛЕРЕЯ ИНТЕРНЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Кафедра иностранных языков является подразделением Донецкого филиала Президентской академии, которое осуществляет учебную, методическую, научно-исследовательскую и воспитательную работу.

Иностранному языку уделяется особое внимание как дисциплине, способствующей гуманитарному развитию молодежи и облегчающей ее вхождение в многоязычный мир управления современным бизнесом и предприятиями.

Результаты исследований преподавателей кафедры регулярно публикуются в специализированных научных изданиях. В рамках сотрудничества преподаватели принимают участие в работе научно-методических семинаров, конференций, круглых столов, а также регулярно повышают свою квалификацию.

Кафедра иностранных языков предоставляет возможность студентам проявить себя как личность, создавая условия для реализации их творческих способностей. На кафедре ежегодно проводятся следующие мероприятия: различные конкурсы, квесты, брейн-ринги и творческие мастерские, посвященные знаменательным датам.

В 2026 году на кафедре было принято решение провести I Всероссийскую научно-практическую интернет-конференцию, расширив тематику обсуждаемых вопросов, касаемых таких областей как: культурология, лингвистика, лингвострановедение, перевод и др.

Выражаем благодарность всем участникам конференции!

Научное издание
**«КУЛЬТУРА, ЯЗЫК, ОБРАЗОВАНИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
ДИАЛОГ»**

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

**I Всероссийская
научно-практическая
интернет-конференция
(Донецк, 25 февраля 2026 г.)**

Ответственность за достоверность изложенных фактов, соблюдение авторских прав, правописание и стиль несут авторы статей, включенных в сборник.

© ФГБОУ ВО «РАНХиГС», 2026